

Heinz Zander

Исход - заговор ушедших

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Heinz Zander
Исход – заговор
ушедших. 2 часть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64630692

SelfPub; 2021

Аннотация

Расследование убийства в Германии в 2013 – нити приводят к заговору против президента России. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации. Содержит нецензурную брань.

Heinz Zander

Исход – заговор ушедших. 2 часть

...Убийство в часто посещаемом кафе взбудоражило не только округу, прилегавшую к Гогенцоллерн-Аллее, вплоть до Борнхайма, но и франкфуртскую полицию.

Комиссар Йеннингер, большой, полный, тщательно следивший за лысевшей головой, расхаживал по очищенной от посетителей большой зале, стараясь сосредоточиться..

Первый вызванный патруль сумел правильно сориентироваться в обстановке. Старший тут же вытребовал еще две машины и распорядился закрыть до прибытия бригады по расследованию главный вход в кафе, а затем и запасной. Не удовлетворившись просто запертой дверью в подсобном помещении, пост у нее выставили еще и на улице.

Патрульные не выпускали никого из посетителей, куда не приехал комиссар Йеннингер. Комиссар, захватив с собой старшего из первого вызванного патруля и менеджера кафе, прошел к месту происшествия. Он настоятельно по-

просил бледного управляющего пока что не вызывать владельца. Йеннингер не понаслышке знал, как присутствие хозяев затрудняет сговорчивость и наблюдательность работников. Тем более, когда самые первые интенсивные и никем не тормозимые усилия могли дать результат. И с каждой прошедшей минутой шансы поимки по горячим следам уменьшались вдвое. Поэтому недопустимы были всякие посторонние лица, интересы которых состояли лишь в максимальном сокрытии происшествия, то есть, всего того, что отрицательно влияло на прибыльность.

А обстоятельства самого происшествия и чуть подсказывали Йеннингеру, что здесь именно такой случай.

«Кто вызывал полицию?», – заглядывая в распахнутую дверь кабинки, спросил Йеннингер. Полицейский и менеджер переглянулись, офицер сказал :

– «Звонил женский голос, сообщил, что их знакомый отлучился в туалет и не приходит. Слишком долго..»

Йеннингер наклонился к сидевшему скособочено на стульчаке телу. Менеджер заглянул за плечо комиссара, приподнявшись на цыпочках, и вздохнул :

– «Люди, которые сидели за столом вместе с этим..мужчиной.. были очень обеспокоены, подозвали кельнера и..»

– «И?..» Менеджер отошел в сторону, чтобы пропустить большого Йеннингера.

– «Кельнер тут же сообщил мне...»

– «До вас никто ходил проверять в туалет?», – Йеннинер осматривался в тесном для него помещении, не глядя на своих сопровождавших. Офицер молчал.

Менеджер снова сказал :

– «Я, как у нас написано в инструкции о действиях в подобных ситуациях, пошел в сопровождении кельнера в туалет..»

– «Больше с вами никто не ходил?» Менеджер вновь переглянулся с патрульным и покачал головой :

– «Нет! Никого не было. Я поставил официанта у двери в коридор...» – он показал рукой на дверь из зала – «у обеих...» – Йеннингер и офицер посмотрели в сторону дверей.

– «...А сам прошел к запертой двери...»

– «Надеюсь, вы ничего не трогали?» Менеджер неуверенно ответил:

– «Я только подергал ручку двери. Она была заперта изнутри.» Йеннингер окинул взглядом невысокого черноволосого управляющего с высоты своего роста:

– «Надеюсь, открывать не пытались!?»

– «Нет! За дверью стояла такая неестественная тишина...»

– «Никто больше не приходил, пока вы смотрели?»

– «Я же уже сказал, что поставил своего сотрудника, что-

бы он никого не пускал...»

– «Ну-с, хорошо...», – протянул комиссар:

– «А дальше вы вызвали полицию!?»

– «Да, я распорядился, чтобы Бригитта – она сидела на кассе – вызвала полицию, по возможности не поднимая шума.»

– «Когда точно вызвали?» «Простите, я не посмотрел на время...», – покраснел менеджер. – «Плохо! Надо такие вещи запоминать!», – бесстрастно произнес Йеннингер и повернул голову к патрульному.

– «В двадцать три часа семнадцать минут...», – прозвучал ответ :

– «Звонок зафиксирован в двадцать три ноль четыре!»

– «Кто-то ушел за эти тринадцать минут из кафе?», – Йеннингер вновь принялся за управляющего.

– «Я не могу сказать наверняка...»

– «Тогда придется начать с опроса посетителей.»

– «Мы сразу, как обнаружили запертую дверь, приказали не выпускать никого.», – офицер показал взглядом на менеджера. Тот согласно закивал :

– «Мы предложили всем гостям остаться ненадолго в кафе и не расходиться. Потом приехал еще патруль – они уже вывели людей наружу.»

– «Всех?»

– «Как гостей, так и обслуживающий персонал.»

– «Ну-с..Продолжим...», – сказал вполголоса задумчиво

Йеннингер. Увидев перед собой застывшего в нерешительности менеджера, он добавил :

– «Подсчитайте кассу, в общем, прекратите работу. Придется вам, к сожалению вашему, помочь нам.» Менеджер все еще не трогался с места.

– «Пожалуйста, предупредите всех ваших сотрудников.» – отпустил его Йеннингер.

Когда он менеджер ушел, Йеннингер обратился к полицейскому офицеру :

– «Дверь ломали?»

– «Нет! Нам принесли стул, мой напарник перелез в кабинку и отомкнул дверь...» -

– «Правильно сделали! А «Malteser» вызвали?»

– «Да, сразу как увидели в каком положении находится тело. Медики снаружи, ожидают, когда могут забрать его.»

– «Тут, скорее, нужны парамедики.» – вздохнул Йеннингер:

– «Приступим к делу! Офицер, вызовите криминалистов, теперь тут им больше работы.»

Офицер вышел. Йеннингер огляделся – в коридоре было тускло, несмотря на все включенные лампы. Их свет почти не освещал кабинку, в которой находился труп. Еще раз покрутив головой во все стороны, Йеннингер, чтобы не задеть стены коридора, выбрался в пустую залу, освещенную

таким же тусклым светом.

Снаружи, на улице, переминались, стояли, расхаживали несколько десятков человек под присмотром полицейского патруля. К самому входу подъехали две кареты «Красного креста». В одной из них уже оказывали кому-то помощь. Йеннингер огляделся, подозвал старшего полицейского наряда и попросил организовать людям место отдыха – вынести стулья и скамейки. А также не забыть покормить людей.

– «До десяти евро – за счет государства. Только пусть счета не выбрасывают. А захотят подороже, тогда за свой счет.»,

– с этими словами он принялся за свое основное дело. Сотрудники, прибывшие с Йеннингером, поскучнели. Они знали основательность комиссара, знали также и то, что минимум сутки торчать здесь им уже не избежать..

Начался опрос присутствовавших в кафе. Их поодиночке или небольшими группами приглашали в опустевшее помещение, где просили показать стол, за которым каждый из них находился, и рассказать, что делали в промежутке от десяти до половины одиннадцатого. Именно в это время произошло, судя по звонку, убийство.

Прежде всего вызвали трех человек, в чьей компании был убитый. Йеннингер, тем не менее, их расспросил пооди-

ночке – двух молодых людей и женщину. Как раз она и позвонила самой первой в полицию в то время, как управляющий кафе пытался открыть дверь кабинку туалета.

Комиссар твердо придерживался принципа говорить со свидетелем один на один, даже в таком очевидном случае. Всего лишь требовалось точно установить момент преступления. Но Йеннингер знал, насколько обыкновенные люди не дорожат временем, редко кто из них смог бы восстановить проведенный всего лишь накануне день. Особенно терялись во времени люди, не связанные регулярной работой. А в том, что перед ним сейчас сидели именно такие люди, Йеннингер мог поклясться хоть самому «Папе Раци». Поэтому он решил поговорить с ними сразу со всеми.

Собеседники Йеннингера неважно говорили по-немецки и, несмотря на старательно произносимые комиссаром вопросы, дело не продвигалось. Йеннингер предложил молодым людям подождать до прибытия переводчика, сам он занялся с другими свидетелями.

Из всех самые ценные сведения дали двое молодых людей – «*typische Schwule..*» – неприязненно оценил он их – которые ближе к половине одиннадцатого заходили в туалет. Одна из кабинок была закрыта
– «Левая или правая?», – последовал быстрый вопрос.

Йеннингер не стал подсказывать, но один из молодых людей уверенно назвал правую, если смотреть от входа, дверцу. Молодой человек глянул на своего партнера, тот чуть прикрыл глаза и расслабленно кивнул.

– «Да! Правая!..»

– «Может, кто-нибудь находился в помещении в это время?» Услышав, как и ожидал, ответ – «Там умывался мужчина..», Йеннингер, не подав виду, продолжил:

– «Не обратили случайно на него внимания?» Молодые люди снова переглянулись и тот, кто отвечал, снова сказал уверенно:

– «Был одет, как и обычно..»

– «Обычно – это как?», – снисходительно поинтересовался комиссар.

– «..Как почти все – в джинсах и темной рубашке.. Стоял, наклонившись, и мыл лицо...»

– «Рядом с ним что находилось?»

– «Господин комиссар, мне и так не терпелось – вы уж простите за такие подробности! – поэтому я больше поглядывал, как скоро выйдет мой товарищ...»

– «Надо думать не только об естественном..», -

назидательно произнес Йеннингер, встав над молодыми людьми во весь рост. Они тоже поднялись.

– «Покажете на месте, кто где стоял и что делал...»

Все трое прошли в туалетное помещение. Сразу вспом-

нили, что мужчина умывался как раз напротив закрытой дверцы.

– «..У него в ногах стоял небольшой рюкзак. Обыкновенный, с которым ходят на работу.», – сказал второй. Йеннингер едва сдерживал нетерпение:

– «На полу?» «Да! И Найк отвечивал очень ярко оранжевым...»

– «Что за Найк?»

– не понял Йеннингер.

– «Рюкзак фирмы «Найк», на клапане нашито...»

– «Значит, «Найк»...», – задумался комиссар:

– «Ничего больше характерного не было?» Свидетели переглянулись. («Уж как-то игриво они друг на друга смотрят» – покривился Йеннингер, но с меньшей неприязнью – они пока что среди всех остальных оказались наиболее наблюдательными.)

– «...Рюкзак маленький, на клапане нашита метка «Найка», которая фосфоресцирует в темноте. Так же как бывает на кроссовках. А сам рюкзак достаточно поношенный...»

– «Неужели вы в полумраке смогли это разглядеть?», – удивился Йеннингер.

– «Он, когда долго носится, опадает, если рюкзак снять и поставить. Корсет становится мягким и сгибается...»

– «Занятно.», – не мог не заметить Йеннингер, добавив

– «Спасибо за ваши сведения! Я хотел бы вас попросить прийти, вдруг если вы понадобится нам еще.»

Молодые люди с облегчением попрощались:

– «Конечно, господин комиссар!» Йеннингер проводил их взглядом и кивком подозвал патрульного.

– «Передайте циркулярное оповещение по городу – обратить внимание на мужчин с небольшим рюкзаком фирмы «Найк». Эмблема фосфоресцирующая, светло-коричневого цвета.»

Патрульный убежал к машинам.

– «Тип, конечно, не идиот. Судя по тому как ловко всех провел, он давно уже затаился.», – сказал себе Йеннингер и, выяснив, что прибыл переводчик, распорядился вызвать тех, разговор с которыми пока отложил.

Прятели убитого, сидевшие вместе с ним за столом, снова оказались перед Йеннингером

Всем им было около тридцати лет. Теперь комиссар разглядел их точнее. Разговор пошел уже живее. Прежде всего Йеннингер поинтересовался, не обратили ли они внимания на странных людей или, может быть, кто-то следил за ними.

К досаде комиссара они оказались совершенно бесполезными собеседниками. – то ли они были слишком заняты беседам друг с другом, то ли еще чем-то, но вокруг них, с их слов, царила пустота.. Женщина несколько раз срывалась во всхлипывания:

– «...Я не понимаю, кому это нужно!?! У него ведь не было

врагов...»

Йеннингер терпеливо ждал и продолжал задавать вопросы о подозрительных посетителях. Вскоре комиссар понял, что от женщины трудно было чего-то ожидать, и переключился на ее спутников:

– «Возможно такое, что кто-то угрожал раньше вашему знакомому?»

Молодые люди («Без определенных занятий...» – оценил их Йеннингер) дружно отрицали наличие врагов и вообще каких-то недоброжелателей. В нынешних обстоятельствах, такое единодушие не убедило комиссара:

– «А вы лично сами хорошо знакомы с тем, кого только что убили?»

Он намеренно не сказал «друга», потому что знал, насколько даже неожиданно для себя самих, могут проговориться люди, запальчиво отрицая обвинения. Но его уловка не дала результата. Молодые люди пожали плечами:

– «Не так долго. Мы договорились о встрече здесь...»

– «То есть, вы раньше не виделись?», – прервал их комиссар. «...нет»,

– неуверенно начал один.

– «Мы просто комментировали его статьи в журнале...», – перебил второй :

– «А потом решили повидаться, когда Сергей будет во Франкфурте...»

Йеннингер не стал уточнять, кого звали Сергеем. Он с ми-

нуту помолчал, внимательно всматриваясь в молодых людей. Женщина понемногу пришла в себя и едва слышно проговорила:

– «...Сереже писали всякие негодяи, угрожали ему...»

– «Кто именно? Где писали?»

– «В форуме... Когда обсуждали то, что делается в России..»

Йеннингер вопросительно уставился на переводчика. Тот некоторое время переговаривался с молодыми людьми, а потом разъяснил комиссару. Собеседники полицейских негромко обменялись репликами. Йеннингер вслушался, не останавливая их – скорее всего, говорили по-русски.

– «Повторите, пожалуйста, вот вы...»,

– указал Йеннингер на женщину, когда молодой сотрудник, из немцев-переселенцев из России, закончил объяснения..

– «...Еще раз – что за какой-то форум и про то, что там писали...»

Когда переводчик, судя по интонации говорившей, начал переводить ее вторую фразу, Йеннингер недовольно остановил его:

– «Пусть не тараторит, а говорит по одному предложению. И как можно проще и точнее. Вы, Пауль, переводите мне дословно и, как закончите, пусть она говорит следующую. А то вы оба разговоритесь, а я сижу, как посторонний...»

Он улыбнулся:

– «Продолжим.»

Пошло гораздо быстрее и с большим толком.

Оказалось, хотя Йеннингер так и предположил, наблюдая за поведением русских, что их покойный приятель был автором многих статей в журнале, посвященном политике и экономике. Именно некоторые статьи Сергея о политике и стали поводом для ожесточенных споров, комментариев, среди которых попадалось много агрессивных.

– «Статья может стать поводом для убийства?»»,

– Йеннингер вновь внимательно посмотрел на Пауля. Тот, помешкав, перевел. Русские тоже переглянулись, и женщина резко заговорила, мешая русские и немецкие слова. Йеннингер догадался о чем она говорит, по интонации ее голоса. По словам женщины, Марины, Сергею угрожали, но, разве можно было предположить, что закончится так трагически.

Йеннингер отпустил их. Затем отпустил и Пауля и задумался. В любом случае сведения об угрозах, переданных в дискуссиях по интернету – («Господи, чем занимаются вроде бы взрослые люди!?!») – малопригодны для розысков по горячим следам. Способ, которым совершено убийство – несомненно, весьма профессиональной рукой! – наводил на неприятную мысль о преждевременности надежд на скорый

ПОИСК.

Вздыхнув, Йеннингер принялся за дело, которое он делал уже почти неосознанно годами. Были собраны все нашедшиеся у посетителей, толпившихся снаружи, фотоаппараты, мобильники и камеры. Эксперты криминальной экспресс-лаборатории расставили в помещении аппаратуру для просмотра изображений и роликов с приборов самых разнообразных марок. Йеннингер похвалил в душе сам себя, что распорядился, совершенно интуитивно, доставить кабели с разъемами. И одновременно выругал, тоже про себя, производителей всей этой вычурной техники за нелепое разнообразие, которое в его случае лишь задерживало получение результата. Но эксперты тоже были профессионалы и быстро стали подключать изъятую технику к большому монитору на столе.

Просматривая очередное содержимое, вызывали владельца аппарата, и Йеннингер тут же проводил скоротечный расспрос об обстоятельствах съемки. Попутно он, несмотря на легко устанавливаемое место, откуда велась съемка, еще раз уточнял, где находился и с какого времени именно тот, кто производил съемку. Даже, если сидел в компании. Невзначай комиссар интересовался у мужчин-свидетелей, не выходили ли те в туалет.

С особенным вниманием полицейские изучали кадры, сделанные после половины десятого. После некоторого колебания Йеннингер исключил то, что убийца мог весь вечер просидеть в туалете.

Во-первых, уже спрошенные им заходили в разные кабинки – комиссар даже подивился, насколько мужчины хорошо запоминали место, которое им пришлось посетить по нужде («Наверное, что-то от рефлексорной памяти. Это когда можешь через продолжительное время абсолютно точно восстановить путь лишь по испытанным ощущениям..»).

Во-вторых, убийца наверняка изучил заранее помещение туалета и особенно черный ход. А, чтобы быстро совершить свое дело – судя по тому, что убитый не успел среагировать и остался в том положении, в котором расположился в кабинке – он, вероятнее всего, следил за своей жертвой и сумел быстро и – пока что! – незаметно пройти следом...

Именно что незаметно, поскольку после тридцати четырех проверенных аппаратов не прибавилось ни одной зацепки.. Йеннингер был убежден, что мывший лицо человек, которого пришлось обойти этим гомикам, был убийцей, и напряженно рассматривал каждую фигуру на изображениях, одетую в неброскую темно-серую одежду. С особой тщательностью он вглядывался в сумку или рюкзак, мелькавшие на дисплее. Но тщетно..

...В углу изображения, снятого на мобильник не самой последней модели, открывалась белая дверь туалета. Само изображение сделали издалека, почти от окна, метров за шесть до двери туалета. Йеннингер попросил показать по возможности точно, где стоял снимавший. Он не колеблясь молча встал у крайнего возле окна стола.

– «Вы там сидели или просто отошли?»

– «Нет, мы сидели в середине» ,

– молодой человек («Тоже русский..») показал на стол, стоявший у стены помещения, как бы на подиуме. Столы в центре располагались на полметра ниже, в углублении.

Йеннингер посмотрел на временную метку в правом нижнем углу – двадцать один тридцать восемь -, а затем на фигуры на снимке. Среди фигур в самом центре зала, между двумя столами, пригнулся мужчина, по-видимому, завязывавший шнурки. Точнее, съемка захватила только верхнюю половину скорчившейся фигуры. Как ни старались полицейские, но, за исключением темно-серой спины разглядеть практически не удалось ничего, кроме, лямки вокруг левой руки.

Эксперт, по просьбе Йеннингера, приблизил изображение, моментально ставшее совсем нечетким. Комиссар до боли в глазах всмотрелся в контур, закрытый рукой и разгля-

дел смутный силуэт предмета, похожего на рюкзак. При очередном увеличении все расплылось окончательно, но Йеннингер мог бы поклясться, что распознал светлые расплывчатые буквы – три или четыре.

– «Попробуйте прочитать»,

– он попросил экспертов. Те какое-то время щелкали быстро пальцами по клавиатуре. Изображение растворялось до исчезновения по мере прилижения, и вдруг, словно из облака обозначились мутно буквы N I ...

...К сожалению, кроме двух букв ничего нельзя было разглядеть. «На экспертизу!», – распорядился Йеннингер, уже не рассчитывая получить что-то путное.

Но его ждал очередной сюрприз. На четырех снимках – («Но какого черта они не запустили видеосъемку, а с ослиным упорством щелкали кадры!?!», – бесился Йеннингер) – белая дверь, ведущая в туалет, фиксировалась в четырех состояниях. Последовательно от открытой до закрытой на четверть дверь пропускала фигуру в темной одежде. На левом плече ее висел скорее угадываемый небольшой рюкзак, наполовину скрытый дверью. На следующих снимках рюкзак исчезал из поля зрения. Надписи же, как ни старались сотудники полиции, рассмотреть уже не удалось.

«Господин комиссар»

– к Йеннингеру наклонился патрульный офицер:

– «может уже можно людей отпустить!?! Третий час ночи.»

Йеннингер, поглощенный изображением на мониторе, не сразу откликнулся. Он повел глазами по полутемной зале, полной народу, и, помедлив, кивнул :

– «Да, офицер! Все, кого мы опросили, могут идти.»

И только увидев удаляющуюся спину, Йеннингер спросил наконец о том, что у него совсем вылетело из головы :

– «Что сказали парамедики?»

Офицер тут же повернулся к нему :

– «Пока предварительно – смерть наступила от удара в висок тяжелым предметом. Единственное их смущает, как это можно было умудриться сделать в таком тесном пространстве.»

– «Из этого мы делаем два важных вывода»,

– объяснил Йеннингер :

– «Во-первых, убийца средних размеров, а во-вторых профессионал. Поэтому надо обратить внимание на спортивных, со специфической подготовкой, людей возраста от тридцати лет. Пусть дополнят к уже сказанным приметам с рюкзаком.»

–«Так точно!»,

– и офицер ушел.

«...Мы рассмотрели практически все. Точнее, все, что извлекли из собранных аппаратов и то, что относится ко вре-

мени после половины десятого.»»,

– заметил криминалист, когда Йеннингер, шумно вздохнув, устроился перед монитором. С минуту он думал, снова рассматривая тот самый кадр с открытой дверью, в которой исчезла виденная на предыдущем кадре фигура в сером.

– «Тогда вы еще раз внимательно посмотрите последние кадры, особенно те, где нам удалось увидеть рюкзак с надписью и силуэт того, кто его нес. »

Криминалист ждал, видя, что Йеннингер медлит.

– «Скорее всего нового мы здесь не найдем, но постарайтесь найти еще что-нибудь. А мы тут еще походим. Кстати, огромное спасибо, коллеги. То, что вы сделали, нас очень подвинуло вперед.».

Йеннингер выбрался из-за стола и добавил :

– «Я с вами не прощаюсь, потому что что-то мне подсказывает, что мы с этим случаем завязли надолго.»

Глядя, как эксперты сворачивают аппаратуру, он сказал :

– «Попытаюсь раздобыть еще любителей съемок и сэлфи, но обещать не могу, насколько быстро. Поэтому остается работать с тем материалом, что у нас еще есть. Итак, до встречи в Полицай-Президиуме..»,

– кивнул Йеннингер офицерам.

Он решил еще раз пройти на место происшествия.

Труп был убран. На полу, рядом со стульчаком, темнела

глянцева лужа крови размером с тарелку. Комиссар достал ручной фонарь – свет полностью включенных в помещении ламп не пробивал сумрака кабинки – его внимание упало на тонкие металлические стенки белого цвета. На той, за которой был коридор, комиссару привиделись продолговатые царапины. Осветив их, он нагнулся и разглядел одну вмятину и две вышербленные полосы, будто оставленные больших размеров кошкой, карабкавшейся наверх.

– «..Как утверждали те, двое гомиков, дверь была закрыта. Один из них два раза дернулся. А мужчина у раковины как раз мылся... Ну да, значит, он, после того как, подтянулся на руках и выбрался через эту боковую стенку. И при этом умудрился в полной тесноте не задеть тело сидевшего... Действительно, он должен быть средних размеров...»

– Йеннингер, представив себя на его месте, ухмыльнулся – «...и вдобавок очень ловким. А то, что в такой тесноте он сумел так быстро сладить дело, лишний раз доказывает его и ловкость и силу...»

Йеннингер понял, что его мысли пошли по кругу. Он еще раз посветил по другим стенкам кабинки, по дверце и, не нашел ничего.

«Пока можно по горячим следам искать среди мужчин среднего роста, среднего телосложения, скорее худощавых. С рюкзачком «Nike»... Немного.» – заключил он, выходя в залу.

Криминалистов уже не было. В зале присутствовал патрульный офицер, рядом с ним выжидающе замер менеджер. За стойкой находились еще двое молодых людей. Йеннингер посмотрел на улицу через стекло высотой в рост человека – там, снаружи, стояли по-прежнему несколько машин, у растянутой ленты топтались, переговариваясь, патрульные. Людей в полицейской зоне оставалось всего четверо.

«Еще не всех опросили?», – кивнул Йеннингер на окно.
– «Всех отпустили. Остались только те, кто проголодался. Да и транспорт уже не ходит.» Комиссар взглянул на часы над стойкой – уже было три часа – и распорядился :

– «Пусть их развезут по домам.»

Офицер кивнул и вышел на улицу.

«Вам еще долго работать, господин комиссар», – прозвучал глухо голос. Йеннингер опустил взгляд, с минуту разглядывая менеджера, будто впервые.

– «Оцепление останется до тех пор, пока мы не переговорим со всеми из вашего персонала, кто сменился до нашего прибытия... Кстати, вы их вызвали?»

Менеджер оказался настойчив :

– «Я прежде всего обязан был довести до сведения владельца, господина Миковича, а только он может распоряжаться персоналом. Я же только руковожу процессом обслуживания гостей заведения..» Комиссар поморщившись, был вынужден согласиться :

– «Валяйте, сообщите, кому вы должны сообщить.»

– «Господин Микович уже звонил мне, что скоро подъедет... Вот и он...»

Менеджер повернулся к высокому моложавому мужчине, в джинсах, черной блестящей рубашке со стоячим воротом, в черных остроносых туфлях, вступившему в зал.

«Здравствуйте, господин комиссар!» – рукопожатие господина Миковича было твердым, взгляд настороженный.

– «Вы сами понимаете, что дело настолько серьезно, что я тут.» Йеннингер, как ему не хотелось, должен был оправдываться :

– «Я попросил не вызывать вас сразу, так как » , – тут он посмотрел на менеджера, который тотчас сделал несколько шагов в сторону – «...по опыту известно, насколько работники неуютно чувствуют себя в присутствии шефа.»

Господин Микович вежливо улыбнулся :

– «Я прошу вас, господин комиссар, закончить как можно скорее. Сами понимаете..»

– «Да. Я понимаю... Боюсь, что нам придется пробыть здесь завтра. Точнее сегодня, как минимум до полудня. Хотя мы постараемся управиться быстрее...»

– «Я вас очень прошу!» – отозвался господин Микович, подозвав взглядом управляющего.

– «Господин Байер, выполняйте все просьбы комисса-

ра...»

– «Господину комиссару необходимо расспросить вчерашнюю смену...», – управляющий показал глазами на Йеннингера. Микович, чуть скривившись, подтвердил, не посмотрев на полицейского комиссара :

– «Да, разумеется. Вызывайте от моего имени и быстрее.»

Йеннингер вскинул голову. Такая же мысль пришла в голову и менеджеру, который тоже бросил взгляд на часы :

– «Городской транспорт начинает ходить в пять тридцать, господин Микович»

Тот никак не выразил удивления : «Пусть выезжают самым первым рейсом.» И спросил Йеннингера :

– «Я вам еще нужен, господин комиссар?»

Йеннингер хмуро кивнул :

– «Тогда, с вашего позволения, я еще осмотрюсь в помещении...»

– «Конечно! Вы же должны делать вашу работу. Уверен, что вы справитесь», – господин Микович дернул подбородком в сторону управляющего :

– «Открываемся, как всегда..»

Проводив недобрым взглядом элегантно одетого, несмотря на внезапный вызов, хозяина, Йеннингер дождался, когда господин Микович покинул место расследования.

– «Давайте адреса, мы сейчас всех сюда сами привезем...»

Менеджер взялся за айфон, комиссар раскрыл блокнот и

приготовился записывать...

Лангеру позвонили ранним утром на мобильный с незнакомого номера. Голос с восточным акцентом – «Рахим», сразу узнал Лангер – просил о срочной встрече, но только не во Франкфуртер Берге, а подальше. Лангер, не назвав собеседника по имени, назначил место на Вестенд-Платц, в сквере у детской площадки.

– «Насколько срочно?», -переспросил он.

– «Очень, очень», – заныли в трубке.

– «Хорошо, через час», – Лангер выругнулся так не хотелось отменять плановую поездку на велосипеде, но голос звучал настолько испуганно, что тревога передалась Лангеру

Оказалось, что испуг Рахима был неспроста.

– «...Ты точно видел именно его?», – переспросил Лангер, еще не согревшись в утреннем ознобе.

– «Не только видел! Он со мной говорил и мне грозил...»

– «Чем он тебе мог грозить? Ты же под моим прикрытием. Кто тебе вообще может угрожать?», – настаивал Лангер. Рахим, полноватый, с коротковатыми руками, широко раскрыл нетипичные для афганца зеленые глаза :

– «Что еще с араба взять? Они же к нам относятся как господа. А мы их терпеть не можем. Он это тоже знает, но так он же господин Хафез, полицейский...»

Лангер невольно скрипнул зубами :

– «Ну так с чем он на тебя наехал? Только не скрывай ничего, а то не смогу помочь.»

Рахим, говоривший бойко по-немецки, на этот раз то и дело сбивался и рассказывал невпопад. Было видно, насколько страх овладел им.

Накануне к нему подошел на улице сотрудник Лангера Хафез, одетый не просто в штатское – «...и разоделся по-мусуьмански, даже ноги босые в сандалиях...» – приказал(!) пройти на заброшенный стадион за станцией и ожидать.

Рахим, конечно, не стал возражать и через полчаса был там. Хафез явился не один, а с каким-то доселе не появлявшимся в этом районе странным типом.

– «Не араб точно, но и не европеец.»

Требование Хафеза – его спутник все это время молчал – состояло в организации встречи их обоих с Лангером, как можно более скрытной. Мол, открылся выход на организаторов нелегальной иммиграции в Германию боевиков из Палестины. А для каких целей, этим как раз и хотели поделиться с Лангером эти двое.

– «Ты, надеюсь, держал язык за зубами и не проявлял любопытства к другу Хафеза?»

– «Вы же меня знаете, комиссар! На Востоке любопытство не поощряется. Только вот...»

– «Что только?»

- «Этот друг вашего офицера самый настоящий еврей.»
- «Почему ты так решил?»
- «У него глаза внимательные, он, наверное, военный...»
- «Да почему ты так решил?»

Лангер вспомнил человека из свиты израильского посла около центра Игнаца Бубиса.

– «...Я бы на вашем месте не стал с ним встречаться. Он смотрит, как отсутствует. Люди, которые хотят что-то предложить, смотрят иначе. А этот – внимательно и словно изда-лека.»

Лангер поежился. Рахим сидел, согнувшись, поставив локти на колени, будто ждал команды. Лангер раздумывал.

– «Хорошо! Встретимся в Остенде-Парке, в четверг, в семь вечера, со стороны Гогенцоллерн-Аллее. Там место тихое, для разговора годится.»

– «Хорошо, господин комиссар!»

– «Ты только не трясись. А главное – ты уже забыл про то, что я тебе только что сказал!» Рахим поднял испуганные глаза.

– «Иди и не бойся. Я тебя всегда прикрою.»

Наблюдая за поплевающимся прочь афганцем, Лангер лихорадочно соображал, но в голову не приходило иного, чем удивление от незнакомого, хотя и вполне ожидаемого, обли-чья собственного сотрудника. Кем был его молчаливый спут-

ник, Лангер уже не сомневался. Как не сомневался и в мотивах появления его здесь. И Лангер решился.

Войдя в будку с телефонным автоматом, он снял трубку и набрал номер. Ответил мужчина. Лангер произнес короткую фразу, выслушал такой же короткий ответ, сказал :

– «Сегодня, в два, на Alte Flughafen...». Лангер не сразу повесил трубку...

Виндхук был похож на декорации, напоминавшие Лангеру театр «Felsenbühne» в Ратене. Немецкий квартал выделялся так же, как и везде, куда раскидывала немцев по свету судьба. Дома времен Второй империи не смешивались с игрушечными фахверковыми. В последних, по иронии судьбы, ныне обитали разбогатевшие потомки пионеров, решивших распространить «Орднунг» за экватор. Тем, кто не возвратился в Европу от отчаяния и тщетности устроиться в Стране Обетованной, пришлось перетерпеть долгие годы истребления духа предков. К этим упорным добавились другие, тоже упорные, не желавшие смириться с крушением иллюзии предпочтительности оружия всем прочим средствам.

Они, в отличие от упрямых первопоселенцев, обладали изворотливостью ума, опытом жизни в Большом Мире и, что во многом определило смену ролей, ухитрились неведомыми путями прибыть небедными. Они умели ценить время, которое для первопоселенцев застыло среди вечных камней

и песков, омываемых вечными водами океана. Они решительно меняли традиции и привычки тех, кто их принял. И первым видимым признаком необратимых изменений стал вызывающий вид фахверковых домов, в которых на далекой родине жили низшие сословия.

Теперь дом, выглядевший как скелет, на скорую руку обложенный камнями, явился вместилищем зажиточной жизни, счастливого смеха, нарядных платьев и людей, не задумывавшихся о будущем. Они управляли этим будущим, во всяком случае, в тех пределах, в котором им было отпущено. Вечерами на аккуратных площадках стояло множество скромно выглядевших автомобилей, сделанных по индивидуальному заказам. Из домов лилась музыка и разносился вкрадчивый звон бокалов.

...Лангер проснулся в полной темноте от шороха шагов. Каждую ночь за неделю пребывания в Намибии, в доме дяди, его будто накрывала и растворяла в себе мгла. Казалось где-то высоко над душной палаткой черного бархата разгорался нестерпимой силы знойный шар. Его лучи выжигали бесчисленные отверстия в пологе... Словно приподнимались у поверхности края и раскрывался бесконечный мир...

Первые проблески солнца пробивались по горизонту, и душная черная палатка ночи таяла в холодном предутреннем воздухе, на миг ослепляя взор...

Лангер натянул футболку – от влажной африканской ночи не спасала даже простыня – и, прислушался. Шорох проникал со двора. Лангер спустился по лестнице и открыл наружную дверь. Прямо перед собой он сначала увидел разгоравшийся красный огонек, а потом, подняв глаза, встретился взором с дядей Вилли. Тот держал сигарету на отлете и рассматривал племянника. В каждом его глазе отражался огонек сигареты.

– «Я сразу понял, откуда ты явился...» Лангер встрепенулся, но тут же почувствовал облегчение от того, что ему не придется придумывать причину для разговора, ради которого он оказался здесь..

– «...Я даже не справлялся в посольстве. Мне хватило того, что ты никогда не был в Кёльне. И я тебе не стану объяснять, в чем ты ошибся. Просто, чтобы не терять времени.»

Лангер молча выдержал взгляд дяди.

– «Конечно, перед тобой поставили одну только цель. Твоим шефам не откажешь в изобретательности и обладании истинным немецким духом.» Дядя Вильгельм снова задумался, медленно выпуская дым. Лангер решил не спрашивать его ни о чем, только теперь он понял, насколько точно рассчитали те, кто его послал. Ему оставалось лишь выслушать до конца то, что он предполагал услышать.

– «...Только настоящий немец знает, насколько у нас

крепки родственные связи, хотя родственники могут придерживаться самых враждебных взглядов. И только за то, что твои хозяева остались настоящими немцами, пусть они и строят так называемое пролетарское государство, я отношусь к тебе, как к своему. Особенно мы должны быть своими далеко от нашей родины...»

(«Понесло дядю на сентиментальность», – усмехнулся про себя Лангер).

Лангер-младший ничуть не выдал насмешливости. Он все-равно не знал, чем может завершиться столь откровенный разговор, и просто ожидал. Но он ошибся – дяде надо было отдать должное. Он остался немцем, распределявшим время и число фраз на заданную тему.

– «...Я противник изменений в вековых традициях, касается ли это обустройства общества или отношения к немцам...» Он поглядел пристально на Лангера и, выдержав паузу, продолжил :

– «Ты знаешь, кого я имею ввиду. Поэтому перейду сразу к делу.» Лангер только тут позволил себе реплику – он был полностью во власти человека, которому поневоле приходился родственником. Скрывать Лангеру было нечего – он решился на встречную откровенность:

– «То есть, дядя Вилли, ты готов сотрудничать хоть с врагом, лишь бы досадить евреям?» Дядя Вилли был серьезен :

– «Да! Я готов даже на это! Не знаю, что тебе рассказывали о том, что тут происходит, но можешь поверить мне.» Дядя затянулся всласть, докурил сигарету, и выкинул ее на траву, насыпанный по всей площадке двора. Встретив удивленный взгляд племянника, отмахнулся :

– «Все-равно с утра будут чистить двор и убираться в доме.»

Лангер внимательно смотрел на дядю. Тот не отвел взора :

– «...К сожалению, мечты о сильной белой расе подходят к концу. Скоро туземцы получают власть, а нам надо будет либо снова куда-то бежать либо становиться их прислужниками. Самое неприятное, что и наши, немцы, помогают этим дикарям садиться нам на голову. Слышал про фокусы «красного» Диркса?» «Кто это такой?» «Это ваш, восточно-германский. Правда, всюду говорит, что не имеет к немецкому государству рабочих и крестьян никакого отношения. Ведь сбежал же.» Дядя Вили достал новую сигарету. Не торопясь закурил.

– «Тебе не предлагаю. Ты к таким, наверняка, не привык. Кстати, я не спросил тебя – ты куришь?» Лангер помотал головой.

– «...Так вот этот «красный» Диркс заигрывает с туземными террористами. А террористы из СВАПО чувствуют себя у нас как дома, будто они в своей социалистической Германии...» Вилли Лангер произнес «социалистический» с ма-

лоскрытой враждебностью, даже в присутствии племянника. «Убежден, что как только туземцы получат здесь свободу, а это наступит лет через пять, не позже, он станет одним из самых прогрессивных политиканов независимой страны Намибии.»

Оба замолчали снова.

Душная непроницаемая ночь еще густо укутывала двор, что Лангеру казалось, будто тлеющий красный огонек плыл сам по себе посреди тьмы. А низкий звук дядиного голоса доносился словно из-за задернутой шторы.

– «...Теперь в сторону политику и философию. Интересующие тебя люди живут как раз в доме Диркса. Он опекает их как беженцев от диктатуры. Поэтому у него они в неприкосновенности. О них здесь мало кто знает, немцы тоже. Этих беглецов привезли сюда для совершенно конкретного дела – передать их израильтянам. Нет нужды тебе лишний раз говорить, что эти люди – немцы и поэтому мне их не жалко. Странно только, что нужно было совершать кругосветное путешествие. Впрочем, это их дело.»

Лангер собирался заметить, что в той Германии, откуда он будто бы прибыл, не различают происхождения, но сдержался. Делу это бы не помогло.

– «...Я узнал, совершенно случайно, что они решили по-

кататься на уик-энд в Sperrgebiet. Ты должно быть слышал о запретной зоне в Намибийской пустыне!?» Лангер кивнул.

– «Послезавтра они выезжают туда на машине. Встречаются с рейнджерами в Оджипонго. Это на северо-запад от Виндхука.» «Насколько, дядя, точны твои сведения?», – Лангер спросил, зная как ответит Вилли Лангер.

– «Видишь ли, племянник, мы, немцы, пока еще влиятельны и знаем обо всем, что тут происходит. Даже о том, чем тут занимаются израильтяне и южноафриканцы.»

Увидев заинтересованность в глазах Лангера, он покачал головой :

– «Разумеется, об этом у нас с тобой не было уговора, поэтому ты ничего не услышишь. А насчет ваших беглых евреев из социалистического рая отмечу – они догадываются, что за ними послана погоня. Они только не представляют себе, кто эту погоню направляет...»

Вилли Лангер усмехнулся. У него неожиданно по-старчески свистнул голос. Он насупился недовольный и после продолжительного молчания сказал :

– «Послезавтра, девятнадцатого февраля, на рейнджерском посту номер тридцать пять перед Оджипонго их будут ждать, начиная с десяти утра. Дороги у нас не такие как в Германии, сам видел, поэтому о точной встрече за сотни километров у нас не договариваются.»

Лангер сомневался, стоит ли благодарить за сведения, но

дядя Вилли, видно, поняв нерешительность племянника, отрезал :

– «У тебя сутки для того, чтобы все организовать и убраться отсюда. Не советую возвращаться в Виндхук позднее девятнадцатого числа – тебя будут искать, и я лично стану помогать в поисках. Я тебе оказываю услугу в обмен на другую, более важную для меня. Я хочу продлить нынешнее состояние вещей хотя-бы на полгода, мне не хочется уже покинуть эту землю. Меня нигде не ждут, даже в моей Германии.» Дядя и племянник встретились надолго глазами.

– «Постарайся. Ты проверишь себя, на что ты годен, а со своих хозяев, возможно, снимешь головную боль. Правда, судя по тому, что происходит в вашем раю, у вас скоро будут иные заботы...»

Засветился голубой пояс вокруг Вандерберга, от чего массив гор, окружавших полукольцом Виндхук, отделился, а потом с разгоравшимся голубым свечением стал приближаться скачками, нависая над городом.

– «...Постой!» Лангер обернулся. Вильгельм Лангер внимательно смотрел на племянника.

– «..Если надо, я распорядюсь, чтобы тебя доставили на место на вертолете...» Лангер не успел подивиться, как услышал :

– «Ты можешь мне довериться на эти сутки полностью.

Наверняка тебе дали контакты для непредвиденных обстоятельств. Так вот – я могу стать твоим самым надежным связным...» Лангер колебался недолго.

– «Хорошо. Запомни телефон, по которому тебе надо позвонить.» ,

– он произнес последовательность цифр, выученную им до того, как его вынесла резиновая лодка на Атлантический пляж, бухты Людерица.

– «...О, у тебя друзья на Кубе..» – не сдержался Вилли.

– «Или ты не спрашиваешь или я обойдусь без тебя», – неприязненно проговорил племянник. «Извини, извини... Что надо передать? Ведь номера телефона явно недостаточно!?!», – ухмыльнулся дядя.

Лангер почувствовал сейчас только дрожь от утреннего летучего воздуха, и долго не смог сосредоточиться. Дядя терпеливо ждал, выпуская вверх порции дымков сигареты.

– «...Когда ты мне дашь вертолет?», – переспросил Лангер.

– «Когда тебе нужно?» Лангер смотрел на дядю, рассчитывая про себя.

– «Не позже двух часов дня. Сколько туда лететь?»

– «Полтора часа..»

– «Отлично. В час.» Дядя кивнул.

– «Если до двух от меня не будет вестей, позвонишь и скажешь следующее – «Я звоню по поводу тура в Гавану на три

персоны. Запомнишь?» Дядя усмехнулся :

– «Да. Значит, как я понял, если ты каким-то образом со мной свяжешься, то звонить не надо!?»

– «Да, все правильно! Мне нужна будет твоя машина на пару часов.»

– «Тебе дать с водителем? Он хоть из туземцев, но я ему доверяю. Даже больше, чем тебе. К тому же ты не знаешь города настолько, чтобы проскочить побыстрее.»

Дядя не смог удержаться от колкости. Лангер чуть улыбнулся.

– «Когда вызывать его?»

– «К восьми, я еще хочу немного подремать. День хлопотный предстоит.»

– «Да уж конечно...», – дядя опять не сдержал иронии. Лангер-младший вопросительно смотрел на Лангера-старшего. – «Не спрашиваю. Подъедет BMW, чуть старомодная, но самая надежная на наших дорогах. Номер – SW 101 848. Вроде все.»

Лангер кивнул дяде :

– «Спасибо, Вилли!»

– «Ты все-таки, не фамильярничай.» Лангер взял в свою очередь небольшой реванш :

– «Дядя, привыкай к новому, которое не за горами..», – он огляделся на светлевшее полукружья Вандерберга.

– «..В той Германии, где тебя не ждут, уже давно тыкают (dutzen) любому и называют самых уважаемых родственни-

ков по именам. Так что я тебе оказал уважение.»

Пока Вилли Лангер раздумывал с ответом, племянник развернулся и поднялся к себе.

Предстояла подготовка к неопределенным обстоятельствам, которые могли завершиться против воли планировавшего их. Приходилось доверяться незнакомым прежде людям.

От Виндхука у Лангера осталось впечатление бесконечности при гораздо меньшем количестве людей, к которому он привык в Европе. Ему казалось, что сюда, на далекое африканское плато перенесли на гигантском грузовом самолете собранные впопыхах – в Германии, Голландии, Норвегии, Бельгии – маленькие аккуратные дома и вывалили как попало из брюха самолета.. Просто оттого, что самолету негде было сесть.. И эти дома разметало по обширнейшей площади. Со временем их нашли пришедшие следом за ними люди, у которых ничего не осталось на далекой родине. Этим искателям нового пристанища ничего не оставалось делать, как, засучив рукава, обустроиваться...

Машина, ведомая малоразговорчивым черным водителем, изредка смотревшим на Лангера, и сверкавшим белым ожерельем зубов, преодолевала бескрайние полосы сухих деревьев, покрытых голубоватой листвой. Стремительно взле-

тавшее вертикально вверх солнце разогревало крышу выдавшей виды зеленой «BMW», неумоимо затягивавшей под себя километр за километром то шоссейной, то гравиевой дороги. Лангера морило сном, он пробуждался только, когда машина переставала раскачиваться. Он осторожно отди-рал слипшиеся веки, покрывавшиеся тонким слоем красноватой пыли, и медленно поворачивался к негру. Тот терпеливо ждал, пока его спутник очнется и произносил одну фразу : «Do your deal.»

Лангер неохотно вылезал наружу, в пекло.

Он успел за почти три часа встретиться со связными. Оба были немцы, судя по произношению, откуда-то «сверху», о чем их, разумеется, не спрашивал.

Договорились быстро – Курт, невысокий, до удивления мало загоревший, если не сказать, бледный, выслушал краткую инструкцию Лангера. Они встречались возле Steinkirche в Верхнем – «Немецком» – городе. Оттуда им предстояло добраться до того самого рейнджерского поста, о котором сообщил Вилли Лангер.

Второй из связных, мулат, говоривший свободно по-немецки («...саксонский...», – определил Лангер – «даже лейпцигский акцент»), улыбался, но оставался непроницаемым.

– «...Встречаемся на пятом километре, с выезда на ука-

затель «Овамбо», там примите от меня снаряжение...» Лангер озабоченно посмотрел на часы – времени до обещанного дядей вертолета оставалось совсем впрыток, всего полтора часа. Таким же озабоченным он ушел со встречи, едва кивнув своему кратковременному другу.

– «Got set?» Лангер не понял. Водитель – всплыло из жары его имя – «Нкадемо» – переспросил : «All done?» «Да», – скорее кивнул Лангер. «Steinkirche..5 kilometers to Ovambo at the gaz station». Нкадемо широко улыбнулся и показал Лангеру на ремень. Лангер помедлил, соображая, и пристегнулся.

Машина, скрипя и выстреливая из-под шин очередями мелких камней, неслась вверх. Рощи проносились как нестойкие облака, открывая взору очередной обособившийся район Виндхука. У Лангера голова тряслась от дикой езды, и постепенно он провалился в сон, выбиваемый оттуда время от времени при заносах...

...Дядю Вилли Лангер увидел сразу за разъехавшимися воротами. Он стоял метрах в десяти от них, не скрывая напряжения ожидания...

Лангер старался понять роль дяди во всей истории. Он возвращался много раз к своему тогдашнему приключению,

и теперь, после разговора с Рахимом, вдруг пришла неоспоримая ясность – он, Лангер-младший, послужил необходимым, но все-таки второстепенным, звеном между раскрученным механизмом и другим, готовым к движению, которому недоставало лишь короткого контакта для передачи материализовавшейся воли.

Но, видно, забуксовавшей силы не хватило для полного завершения усилия. И все пошло совсем не по плану. Еще тогда ему казалось странным, что вся его миссия состояла из этапов, каждый из которых приходилось преодолевать безо всякой поддержки, с риском его не пройти. Точно те, кто его послал до самого окончания не были уверены в его, Лангера, пригодности, и новый этап становился следующим экзаменом на выживание. У него до сих пор оставалось убеждение, что им пожертвовали уже в самом начале. А его возвращение вызвало всего лишь кратковременное удивление у людей, занятых передвижением фигур в Игре, ставки и цены которой были куда как выше его, Лангера, жизни и никому до конца не ясны.

Все-равно начало всех движений зарождалось глубоко внизу, куда не утруждали бросить взора те, кто были заняты Наверху. Но как часто эти невидимые движения, зачастую бессмысленные, становились загадочными для тех, кто эти движения затеял. И нередко ломались все замыслы, подтвер-

ждая в который раз простую истину – невозможно предотвратить естественные движения душ. И раз уже совершенные, нельзя было отменить результаты, произведенные ими.

Лангер отказался после раздумья от дядиного предложения и отправился на машине, за рулем которой сидел теперь уже неразговорчивый белый. В течение всех трех часов гонки по тряской, каменистой дороге он произнес лишь несколько слов, предупреждая седока об опасных поворотах.

Водитель затормозил на въезде в узкий каньон, в котором едва могли разъехаться две машины. Лангер недоуменно посмотрел на него.

– «Jetzt warten bis ein Signal kommt», – был ответ. Лангер кивнул и снова стал смотреть в лобовое стекло. Облако желтоватой пыли, поднятое колесами, лениво догнало их, окутало машину и неспеша рассеивалось в безветренном воздухе, снова открывая глазу окрестности. Вид снаружи был уныл – рощи остались на холмах, перед каньоном росло несколько чахлах изогнутых деревьев со сводящей с ума синеватой листвой. Солнце дальше передвинулось по вертикальной черте в небе, плавкая жара неумолимо разогревала машину внутри. Лангеру хотелось спросить, сколько еще ждать, но тут дрогнул край обочины. Водитель повернулся к Лангеру, посмотрел внимательно в глаза :

– «Es ist die Zeit», и пригласил выйти.

В двух метрах слева стояло двое в песочной униформе, с загорелыми лицами. Они вскинулись на выходявших, водитель поднял руку, люди легко придвинулись вплотную к машине.

На Лангера смотрели две пары глаз – серые и зеленовато-коричневые. Водитель что-то тихо произнес. К Лангеру протянулись две руки. Он их пожал одну за другой, едва удержавшись, чтобы представиться. Судя по уверенному поведению водителя, привезшего Лангера, нужды в этом не было. Один из людей в форме, с зеленоватыми глазами, пригласил за собой небрежным взмахом руки. Его спутник сделал шаг в сторону, пропуская Лангера. Лангер заметил в его руке короткоствольный, песочного цвета, автомат. Под обочиной дороги, рассыпавшись редкой цепочкой, стояло пять человек, все с оружием. Тут Лангер увидел автомат и у старшего, такой же песочно-камуфлированный.

Зашуршало за спиной – к ним спустился водитель. Старший из встречавших – теперь Лангер понял, для чего они сюда прибыли – негромко переговорил с водителем, оглядывая изредка каньон. Говорили по-немецки – Лангер услышал легкий эльзасский акцент. Пока шел разговор, люди в форме и Лангер успели осмотреть друг друга. Он заметил среди них троих чернокожих – («Наверняка, свапов-

цы...») Старший обернулся и подозвал одного из них:

– «Stell mal die Kiste an, die sind bald da.», затем махнул остальным : – «Klar bleiben!»

– и все тут же пропали из глаз. Водитель пожал руку старшему и Лангеру, ободряюще улыбнулся и взбежал на обрывистый откос. Через минуту раздались звуки заводимой и затем отъезжавшей машины, вскоре все утихло, заглушенное поворотами дороги.

– «Also, er funkt, da sich das Ziel an uns nähert, dann sind wir im Geschäft.» – среднего роста, сложения как и Лангер, с темным от загара лицом и выгоревшими белесоватыми короткими волосами – старший обратился к Лангеру. Ему хотелось спросить, как они здесь очутились и что вообще происходило. Но эти вопросы застряли, он спросил только, тоже по-немецки :

– «Мы действуем вместе?»

– «Да! У нас машина. Сейчас не время, а потом все объясню, куда и как.»

– Лангеру оставалось только кивнуть в знак согласия. Его собеседник снова протянул руку:

– «Ирбис!» Лангер не понял сразу, сжал сухие пальцы и тут сообразил :

– «Neffe...»

– «Настоящий?», – «Ирбис» насмешливо сощурил глаза. Лангер усмехнулся :

– «Временный.», и поспешно направился вслед повернувшемуся к нему спине.

Дальнейшее для Лангера произошло с калейдоскопической быстротой. Даже ожидание в кустах не показалось долгим – он рассматривал лежавших рядом с ним, хорошо просматривавшуюся дорогу. Она делала резкий поворот, на котором любой проезжавший вынужден был затормозить. «Ирбис» находился рядом с ним. Он время от времени поглядывал то же то на дорогу, то на молчаливого радиста. Внезапно – Лангера будто окатило жаром – тот поставил ладонь вертикально вверх. Вдоль обочины рассыпались люди. Раздалось легкое похрустывание, шум мотора, и прямо перед Лангером вывернул из-за поворота бежевый джип «Grand Cherokee», на высокой подвеске. С четырьмя пассажирами.

Лангер вдруг засомневался из-за возможной ошибки, что уже бы ничего не изменило.

...Машину занесло, скрип царапавших грунт покрышек проник глубоко в уши, в набор звуков вмешались ватные хлопки. Они участились, и Лангер наблюдал терявшие круглую форму шины, проседавший корпус машины в распукавшихся с металлическим позвякиванием рваных лепестках отверстий, звонко рассыпавшиеся и глухо опадавшие на песок вспыхивавшие короткими радужными бликами оскол-

ки.

...Обмякали на сиденьях фигуры в расплывшихся ярко-красных пятнах, обсыпанные белыми клочками...

В упавшей тишине, совсем рядом с собой, Лангер услышал легкий шорох осыпавшегося песка – зеленая змейка скользила вдоль его ноги. Он похолодел, прислушался к себе, но не почувствовал никакой резаной боли в теле, и, успокоившись, снова огляделся. Никто из бывших рядом с ним не шевелился. Лангер внезапно вскочил и подбежал к расстрелянной машине, курившейся множеством дымков из пробитых дырок. Он не услышал, как ему сдавленно крикнули «Назад!», увидел лихорадочно сдававшую задним ходом прочь от него голубоватую легковую машину, бледное лицо водителя... Звуки затихли быстро, как только машина скрылась за поворотом...

– «Was soll der Scheiss !? Ну какого черта ты поперся?», – Лангера трясли за плечи. Ирбис, скорее озабоченный, чем разозленный, рванул Лангера за руку:

«Тут смотреть уже нечего. Надо сматываться.» Лангер оглянулся – около машины появились двое из людей Ирбиса – с двух сторон. Они обшарили глазами все, что было внутри, один из них поднял большой палец кверху.

– «...Вторую машину проморгали», – досада слышалась в

голосе Ирбиса :

– «...уходим...»

Люди построились в маленькую походную колонну, Лангера поставили вторым, сунув ему в руку автомат.

– «Нами, все осмотрел?»

Высокий, с синевато-черным лицом, сверкнул зубами. «Вперед!», и Лангерь качнулся за побежавшей спиной в песочного цвета комбинезоне.

...Лангер споткнулся, его поддержали неизвестно откуда взявшиеся руки. Жарко налитого воздуха не хватало для дыхания...

Он не мог потом сказать, сколько им пришлось бежать. Один раз сели отдышаться. Лангеру протянули флягу, на него смотрели, раздвигая улыбки, разноцветные лица – красное, темные, иссиня-черные, белое... Ирбис не сядил, он стоял, внимательно глядя на Лангера и, когда тот встречался с ним взглядом, насмешливо щурил глаза. Все снова поднялись на ноги и беглым шагом углубились в редкую саванну. Лангеру оставалось идти с ними, не спрашивая, сколько и куда идти..,

Палатка песочного цвета, такого же, что на людях, шедших с Лангером, была укрыта под огромным камнем, край

которого обвилось корнями дерево с красной гладкой корой. Под его листвой пришедших встретило еще двое, с белыми лицами. Один из них что-то сказал Ирбису. Он, заметив, что Лангер прислушивался, усмехнулся. Все стали уstraиваться под тенью дерева. Лангера отозвали в сторону.

– «У нас коллектив сборный, эти парни, что нас встретили, русские. А вообще полный интернационал...», – Ирбис наклонил голову, снова рассматривая, как впервые, Лангера.

– «Мне почти ничего непонятно, но мне другого делать не остается.», – Лангер постарался подыграть в насмешливости своему собеседнику. Он кивнул : «Du begreifst recht – Правильно понимаешь.»

Остальные устроились, двое возились с машиной. Развели примус, на котором стоял котелок. Люди без суеты перебирали рюкзаки. Видно было, что они подобным делом занимались не в первый раз.

– «...Дожидаемся темноты» – опять голос с эльзасским акцентом – Лангер повернулся –

– «Нас должны подобрать в сотне километров отсюда. А дальше – по обстановке». Снова насмешливый взгляд. Лангеру очень хотелось спросить, откуда его собеседник, зная, что сам никогда первым не спросит.

По какому-то неведомому ему, Лангеру, замыслу были

присланы эти молчаливые странные люди. Он также понимал свою роль «приводного маяка», о чем ему не говорили, но к выполнению которой его исключительно и готовили.

Началось с перехода до Фарерских островов на «Nordperd». Впрочем, все начиналось еще раньше, со службы в Kampfschwimmerkompanie 11 в Кюльнсборме. Лангер служил уже третий год обер-лейтенантом. Его судьба решилась апрельским утром, когда был запланирован выход в море с тренировкой высадки на берег без буксировщиков.

...Позвонил телефон на столе дежурного. И через час, сдав снаряжение, Лангер ехал в закрытой машине...

Задание ему предложили вначале обдумать, но он, не имея никакого представления о том деле, что ему предстояло исполнить, согласился сразу же и подписал все, что нужно, не читая.

Лангеру пришлось забыть все свои специфические навыки – высаживаться, стрелять, плавать, прыгать с парашютом, вести ближний бой. К счастью, все это умение оказалось настолько крепко вбитым в него, что он благодарил судьбу и свое упорство, когда осваивал то, что, как казалось, станет его профессией до конца жизни... Или конца того государства, которому он дал присягу.

Лангеру не говорили, каким образом он окажется в месте назначения – ему сообщили только конечный пункт: Виндхук в Намибии. И адрес его дяди...

Только после многих лет Лангер осознал, насколько цепкими были невидимые сети, захватывавшие множество разнообразных людей по всему миру, заставляя их выполнять навязанную им волю.

«Нордперд» невозмутимо рассекал море под низко пролетавшими «Фантомами», «Скаггенами». Он бешено раскачивался, почти касаясь бортами воды, на кильватерной волне проходившего вплотную британского крейсера, но не сбивался курса. И после трех дней хода по океанским волнам, трепавшим изящный корпус с удлиненным баком, «Нордперд» бросил в вечернем тумане якорь в виду скал Фарер, встававших в дымке из океана гигантскими вертикальными стенами. Лангера в водолажном костюме переправили на борт подводной лодки, легкой на грунт Фарерской банки.

Все время перехода до Карибского моря Лангер практически просидел в кубрике. С ним общался лишь человек, говоривший на немецком, как родном. А дальше – после двух дней в Доминиканской республике его, так и не увидевшего ничего, кроме комнаты в отеле, посадили в этот раз на гидрографическое русское судно, и снова пришлось болтаться

больше недели в каюте... Чтобы душной тропической ночью пересадить его во всплывшую у борта судна другую подводную лодку. В конце концов он снова облачился в привычный водолазный костюм, в котором вышел на пустынный пляж в бухте Людерица. Лангера там уже ждали...

От него ускользал смысл таких сложных манипуляций по переброске его в Виндхук. Лангер стал постепенно приходить к выводу, что своим спасением он был обязан себе самому и людям, нарушавшим правила тайной войны.

...Африканская ночь упала сразу, закрыв на мгновения непроницаемым пологом мир. Разгорелись звезды так, что стало все ярко различимо на синеватой в небесном свете земле. Тусклый блеск Южный креста давил безысходностью... Саванна ожила звуками, далеко разносившимися в душном ночном воздухе.

...Самолет высился в ночи громадой, отбрасывая горбатую лунную тень. По упавшей аппарели въехала машина, за ней, глухо стуча ботинками, зашли люди. Ирбис крикнул :

– «Все!»

После бесконечного, казалось, времени крякнула с треском, натолкнувшись на края выходного проема, аппарель.

– «Надеть парашюты!»,

– Лангер понял, что скомандовали по-русски. Все устро-

ились вдоль борта. Самолет гудел, вздрагивая. Закрепленная в проходе машина раскачивалась, тонко скрипели ресоры. Загрохотало вокруг и сверху, дернуло. Пол под Лангером подскакивал мелкими толчками. И вдруг тяжесть прошла через подошвы и нагнула плечи ... Так продолжалось бесконечно долго.

В иллюминаторы блеснул голубой свет, Лангер приподнялся, Ирбис устало сказал :

– «Оторвались... Теперь только добраться осталось...»

Люди, пришедшие с Лангером, сидели, невидяще глядя перед собой, кто-то спал, опершись головой об автомат, положенный на колени. Лангера охватывал убаюкивавший ровный гул...

– «Луи, не тяните же, говорите, какой сюрприз у Вас для меня», – Ангелика взяла Фюрне под руку. «Если вкратце – я решил наудачу послать фото, что мы разыскали вчера, во Франкфурт. И комиссар Йеннингер ответил, что человек, очень похожий на того, кто на фото, там в пятницу был...»

– «Похоже, что Норберту, как самому опытному, дали и самое безнадежное дело.»

– невесело проговорила Ангелика, задержавшись перед дверью. Фюрне пропустил Ангелику вперед.

– «Вы знаете его?»

– «Луи, я знаю почти всех, кто старше пятидесяти, в по-

лиции. Если не лично, то по делам, которые нам довелось расследовать. А их было столько, что Вы себе и представить не можете. Хотя столько, сколько в нынешнее время навалилось, не было... Нелегко вам всем будет, и это только начало», – ответила Ангелика, усаживаясь за стол. Фюрне уже раскладывал перед ней документы :

– «Мой запрос... А тут – неофициальный ответ из Полицией-Презииума Франкфурта.»

– «Комиссар не спрашивал, почему мы интересуемся этим человеком?»

– «Он спросил только, имеет ли он отношение к его делу?»

– «Луи, тут надо быть очень осторожными. Ведь если мы скажем, что мы кого-то подозреваем, то, во-первых, с нас потребуют хоть какое-то основания для проведения проверки. С ними у нас, мягко говоря, очень плохо. А, во-вторых, каждый официальный ответ придется прикладывать ко всем бумагам дела. Соответственно, это даст возможность тем, кто нас контролирует, упрекнуть, или даже обвинить, в выборе ложного направления расследования. К счастью, коллега Йеннингер сам все это прекрасно понимает, и нам повезло, что у нас такая поддержка.»

– «Коллега Рамзайер, я по тексту циркулярного сообщения – Вы его как раз читаете, как я вижу – заметил несомненную схожесть обоих преступлений. В обоих случаях действовал человек с явно профессионально выработанны-

ми качествами. Я хотел сказать «профессиональный убийца», но это, пока что еще, не совсем так... У нас – убийство, как реконструировано – произошло быстро, убийца не оставил никаких практически следов. Разве что смазанные отпечатки пальцев на ветках деревьев. Там – во Франкфурте – как установил комиссар Йеннингер – все произошло в считанные минуты.»

– «Да, Луи, очень много совпадений... Но отпечатков никаких на месте преступления нет.»

– «..Так вот – я попросил комиссара проверить, не было ли в тот вечер указанного лица. Я послал только фото, никаких персональных данных.»

– «Абсолютно правильно!» , – одобрила Рамзайер.

– «..Оказалось, что его признал официант, причем совершенно уверенно. Даже показал, за каким столом тот сидел.»

– «Значит, они и отпечатки сняли?», – воскликнула в нетерпении Ангелика.

– «Они сняли, но обработку еще не закончили. Чтобы нам переслать пальцы с заключением, нужен официальный запрос. Впрочем, Вам коллега Йеннингер может сделать послабление.»

– «Луи, вот что нам надо в первую очередь сделать. Сначала я хочу Вас похвалить – действительно, никогда не скажешь, в скольких направлениях надо двигаться, чтобы получить разгадку. Иногда случается и удача, но на удачу надеяться исключительно мы не можем. Поэтому мы разделим-

ся – я займусь основательно проверкой переписки убитого – там, как утверждал наш основной свидетель, можно найти, кто что писал и как угрожал. Вы же начнете прорабатывать линию установленного человека в связи с его возможным отношением к обоим убийствам. Только поймите, что это не больше, чем догадка. Возможно, что и не даст результата. Но мне кажется, что слишком уж много совпадений. Хотя нас любой не то что адвокат – начинающий следователь легко разобьет.» Фюрне помрачнел :

– «То есть, Вы, коллега, не считаете то, что нам прислали, важным?»

– «Наоборот – очень важно! Но пока без доказательств. А Вы, как раз, и должны собрать доказательства. Наверное, Вам придется поехать во Франкфурт. Оформление служебной командировки я возьму на себя. Но Вы будете все-равно работать в полном контакте со мной. Так, коллега Фюрне?» Ангелика улыбнулась, Фюрне силился тоже выдать улыбку в ответ, как Рамзайер охладила его азарт. Он только спросил :

– «Чем мы займемся сегодня?»

– «Коллега, у меня предчувствие, что поддержка со стороны министра не будет бесконечно долгой, и нам надо ее использовать по максимуму. Я предлагаю снова обратиться в EDV и сообразить, как нам получить доступ к почте убитого. Я ведь в этих технических вопросах почти не ориентируюсь. А Вы как?» Фюрне снова взял насмешливый тон :

– «Молодое поколение просто в силу возраста вынуждено знать больше. Но я с Вами, коллега Рамзайер, полностью согласен – по переписке, если только ее открыть, можно много узнать. По-крайней мере, если ему писали с домашнего компьютера, хотя я сомневаюсь – убийца явно предусмотрителен – можно много вытащить. Предлагаю еще раз порасспросить нашего главного свидетеля.» Ангелика оживилась :

– «Луи, я сейчас свяжусь с EDV, а Вы постарайтесь поговорить со свидетелем и вызвать его в ближайшее время. На любое! Хоть ночью!»

Ангелика взялась за телефон, Фюрне запер бумаги в сейф, затем тоже стал звонить...

Неприятности посыпались с самого утра понедельника.

– «...То есть, Луи, вы позвонили нашему свидетелю, а он отказался приехать!? И чем он обосновал свой отказ?», – спросила Ангелика Фюрне, когда тот с кислым лицом вернулся в девять сорок две в кабинет. Она машинально отметила время на больших часах над дверью.

– «..Господин Штернберг сказал, что нашел адвоката и теперь может с нами разговаривать только в его присутствии.» Ангелика усмехнулась :

– «...Странно он себя ведет. Зачем ему адвокат, когда мы не предъявляем никакого обвинения. К тому же этот Штернберг всего лишь свидетель.» Фюрне пожал плечами:

– «Наверняка, ему подсказали, либо он посмотрелся американских сериалов, где постоянно твердят, мол, все вопросы только в присутствии моего адвоката.» Фрау юстицрат промолвила :

– «Его право в конце концов.» Оба помолчали. Фюрне снова пожал плечами :

– «Теперь разговор со свидетелем отодвинется дня на два – завтра к полудню он получит наше приглашение.» Ангелика вскинулась :

– «Кстати, Луи, Вы отправили письмо официально? Через нашу рассылку?»

– «Да. И с печатью нашего секретариата.»

– «Лучше было бы, конечно, с печатью Полицией-Президиума, но, наверное, Вы поступили совершенно правильно. А что за адвокат у него?» Фюрне полистал в записной книжке :

– «...Некий Дребитц.» Ангелика передернула плечами :

– «Очень въедливый тип. Испортил не одно расследование и попортил нервы многим моим коллегам. Редкостный сутяга, но заставляет быть собранными.»

Фюрне достал из прозрачной папки несколько заполненных листов бумаги. Ангелика бросила на них беглый взгляд – самый первый протокол допроса свидетеля – и предложила :

– «Луи, Вы напечатайте вопросы для беседы с господином Штернбергом, особенно обратив внимание на то, что с ними надо будет ознакомить и нового участника беседы. Вам хватит два часа?» Она вновь подняла глаза к часам. Фюрне

проследил за ее взглядом и кивнул :

– «Да, вполне. Принести Вам потом?» Рамзайер, ответила не сразу :

– «Пожалуйста, принесите. Мы должны будем, скорее всего, снова запротоколировать те же самые вопросы, что мы задавали свидетелю в четверг, и потом дать на прочтение адвокату. Теперь все, что нами добыто раньше, недействительно...» Ангелика нахмурилась. Фюрне подхватил её мысль :

– «То есть, не могут быть использованы даже при предварительном следствии, поскольку, с точки зрения адвоката, добыты незаконно?!»

– «Вот-вот! Вы, коллега, все ловите на лету. К сожалению, это стоит нам времени.» Ангелика щелкнула пальцами по столу. Фюрне смотрел выжидающе. Юстицрат добавила :

– «Тут образовалась еще одна задержка. Прокуратура сочла недостаточным число людей, по чьим показаниям мы установили личность убитого...»

– «...а, значит, мы пока не имеем права произвести осмотр жилища...», – продолжил Фюрне.

– «Вы молодец, Луи!», – Ангелика улыбнулась молодому эльзасцу :

– «Поэтому мне придется найти еще хотя-бы двух человек, которые смогут уверенно опознать труп. К нашему несчастью убитый не имел семьи и близких родственников в Германии. А на поиск их в стране, откуда он к нам прибыл, и вызов сюда нам просто не дадут ни времени, ни возможно-

стей.» Ангелика встретила понимающий взгляд коллеги:

– «Кого Вы хотите привлечь к опознанию?»

– «Для этого хватит подписи официальных лиц – Hausmeister и, наверное, сотрудника страховой компании..»

– «...От меня нужна помощь?» Ангелика снова задумалась :

– «Полагаю, что да. Я узнаю, на месте ли Hausmeister и найдет ли он время – хорошо бы сегодня до вечера! – приехать для опознания. А Вы, Луи, чтоб побыстрее было, привезете его сами. Для этого никакой официальной повестки не надо. Ваша задача будет тогда на сегодня – подготовить вопросы, а мы, как условились, посмотрим их вместе. Со страховым агентом я решу сама, да и со страховщиками эти вопросы решать гораздо легче. Тем более, это их обязанность оформить выбывание застрахованного лица как можно скорее. Каждый лишний день это деньги страховой компании...»
» Фюрне улыбнулся. Ангелика встала :

– «Нам надо сегодня обязательно получить от прокуратуры разрешение на осмотр квартиры и, в особенности, получить доступ к электронной почте.» Она постояла , собираясь выходить, и вспомнила :

– «Да, еще нам нужен переводчик с русского. Луи, Вы сможете, его раздобыть или мне этим заняться?» Фюрне призадумался :

– «Фрау юстицрат, мы ведь еще вхожи в EDV министерства – там могут нам порекомендовать.» Ангелика шутливо

хлопнула себя по лбу :

– «Кстати, да. Совсем забыла. Тогда не забивайте себе голову переводчиком. Встречаемся, как договорились, здесь в полдень. Еще есть вопросы?»

– «Нет, у меня есть, чем заняться.»

Рамзайер скрылась за дверью. Фюрне принялся листать протокол допроса...

С Hausmesiter'ом – Ангелика начала с опознания – решилось еще быстрее. Он находился на месте и вызвался приехать сам. Рамзайер, пока он добирался, успела договориться о встрече с Лютцем из EDV. Тот также согласился, только уточнил, по какому вопросу он должен подготовиться. Ангелика, не зная, что найдется в квартире убитого, сказала, что возможно надо будет обследовать электронную почту.

– «Компьютер нам для этого не надо везти, всего лишь нужно знать на каком почтовом сервере или сайте хранятся учетные записи, с которых убитый открывал свою почту.»

– пояснил Лютц, услышав довольно сбивчивый вопрос фрау юстицрат. Она удивилась :

– «Вам совершенно не нужен и компьютер??»

– «Нет. Нам достаточно лишь учетная запись.. А пароли мы узнаем и сами.» Она представила себе снисходительную усмешку светловолосого Лютца, который ей в выходные терпеливо разъяснял, как устроены базы данных министерства. Ангелика засмеялась в трубку :

– «Вы извините, я в этом всем как ein erster Mensch, но что такое учетная запись?»

– «Учетная запись, иными словами, Account – это то имя, вымышленное тоже допустимо, которым наш клиент подписывается под сообщениями. К вам приходит обычно сообщение от кого-то и этот «кто-то» и есть имя в так называемой учетной записи...» Лютц говорил неторопливо, останавливаясь после каждого предложения. Ангелика хотела было спросить, но Лютц отозвался первым :

– «..а пароль нужен для того, чтобы эту запись открыть, Это что-то, вроде ключа от дома.» После паузы Ангелика ответила :

– «Большое спасибо Вам, коллега! В четыре часа.» – и попрощалась.

(«Молодые, наверное, надо мной смеются. Действительно, я как первобытная.»), – она почувствовала, что покраснела, и машинально огляделась, хотя кабинет был пуст.

Рамзайер, положив трубку, пыталась сообразить, насколько важно то, что она услышала от Лютца. Но не додумала, потому что предстоял разговор – насколько неприятный, она не хотела думать!?! – с некстати подвернувшимся адвокатом этого странного русского.

Дебритц был хорошо известен в Полицей-Президиуме Берлина. Он испортил не одну карьеру молодым поли-

цейским, желавшим быстро закончить расследования и забывавшим о тщательности следования процедурам. Нередко плохую помощь оказывал опыт старших коллег, пренебрегавших формальностями, но не делившихся с молодыми рьяными сотрудниками дипломатическими тонокостями, не бросавшимися в глаза. И то, за что коллегу в возрасте могли пожурить по-приятельски, обрушивалось на молодого серьезными организационными выводами, переводом на службу в маленькие городки, задержками в присвоении званий, отстранением от больших дел, на которых делались карьеры.

Такие адвокаты были вроде хищников, подкарауливавших неосторожных, но вынуждавших быть точными в действиях, чтобы прийти к успеху.

Ангелика быстро нашла номер телефон Дебритца. Ответил высокий скрипучий голос, и Ангелика как живого представила себе согнувшегося в кресле (он получил когда-то травму спины и ходил, скрючившись, на полусогнутых ногах, высоко поднимая пятки, для равновесия). Дебритц обрадовался, что с ним разговаривала «сама фрау юстицрат Рамзайер» – («хорошо помнит тот процесс о депортации, когда отбил явного уголовника. Но к нему какие претензии!?! Мы сами не сообразили сразу изъять паспорт, а тот тип его выбросил – не удивлюсь, если не по подсказке адвоката – и не удалось доказать идентичность преступника, хотя

он и был в наших руках. Зато наглядный урок.»), – с неприязнью подумала Ангелика, слушая комплименты, льющиеся из трубки.

– «Мы узнали, что Вы, господин Дебритц, взяли под опеку свидетеля Штернберга...», – начала Ангелика после паузы :

– «мы бы хотели, разумеется, в Вашем присутствии, еще раз допросить его, скажем, завтра...»

– «...По закону, как Вы сами знаете, мой подзащитный должен вначале получить официальное приглашение, подписанное в прокуратуре...», – раздался скрипучий язвительный голос: «..., причем не раньше, чем за два дня. Получатель имеет право сам планировать свое время, тем более, что у него могут быть уже ранее запланированные дела.»

Голос замолк. Ангелика ожидала подобного развития разговора. Главным сейчас стало договориться с адвокатом о как можно более раннем времени проведения допроса. («Иначе снова вылетает впустую целая неделя.»)

Рамзайер продолжала уверенно :

– «Господин Дебритц, я надеюсь, что Вы успели уже ознакомиться с сутью дела. Речь не идет об обвинении Вашего подзащитного.» – она намеренно подчеркнула «подзащитного», потому что адвокат и сам знал прекрасно об облегченной процедуре работы со свидетелями. К удивлению Ангелики Дебритц не стал настаивать на формальном выполне-

нии, о чем заявил в самом начале :

– «Я поговорю с господином Штернбергом и мы сможем появиться у вас – кстати, куда его вызывают?»

– «В Дирекцию Лихтенфельда. Нам было бы удобнее завтра, во второй половине дня...» Дебритц возразил, но лениво : «Если ваше письмо придет завтра до полудня, то мой клиент может быть занят.» «Он же не работает, так что время найти ему будет не очень сложно/», -тон ему, лениво, ответила Ангелика.

– «Хорошо, я поговорю и тотчас же Вас извещу. Значит, во второй половине дня!?» Ангелика сама удивилась такой быстрой удаче :

– «Да, часа в четыре. Можно и позже – мы допоздна сидим. Тогда я ожидаю звонка от Вас, господин Дебритц».

Распрощались церемонно, благодаря друг друга за приятно проведенное время.

(«Защищает кого попало, даже откровенных преступников»), – пробежало было с прежней неприязнью в душе Рамзайер, но внимание ее уже направилось на другие срочные дела.

Она сейчас еще раз охватила в уме начатое неделю назад дело об этом странном убийстве и подумала, что надо было сразу начать с изъятия компьютера и анализа почты убитого. Но после разговора с Дебритцем и требования

из прокуратуры о дополнительном протоколе опознания, поздравила себя с тем, что не начала именно с этого.

Взятый с места высокий темп часто парадоксальным образом замедлял расследование – всего лишь из-за малозначительных, на первый взгляд, нарушений формальностей. Добытые с трудом данные приходилось отбрасывать и начинать заново, искать совсем другие доказательства, потому что полученное с нарушением – пусть даже, из-за занесения в протокол на несколько минут позже, чем следовало (не всегда была возможность вовремя добраться до кабинета или компьютера) – уже не принималось во внимание. Хотя и обличало преступника с головой. «Что поделаешь – такую работы мы сами себе выбрали!», – Ангелика чуть было не заскрежетала от злости, И еще раз слава богу, что она была одна в комнате.

Hausmeister и средних лет женщина, агент из Allianz, прибыли почти одновременно. Опознание прошло быстро – страховщики, вообще, люди закаленные, да и Hausmeister уверенно подписал протокол.

Ангелика попросила его задержаться и лишь уточнила у страхового агента :

– «Никаких особых задержек или каких-то выплат Вашему клиенту не было за последний год?» У той наготове была папка. Она быстро ее пролистала и передала Ангелике рас-

печатанный лист бумаги.

– «Страховые взносы.» – пояснила агент.

– «Каких-то выплат, скажем, по оказанию медицинской помощи или по возмещению ущерба, не производилось?» – переспросила Рамзайер, глянув на зрителя. Он молча вслушивался в разговор.

– «Нет. Все, что относится к покойному клиенту, здесь, на листе.» – ответила женщина.

– «Благодарю Вас за то, что не отказались прийти»,

– Ангелика протянула руку. Та ответила осторожным рукопожатием и распрощалась. Ангелика краем глаза проследила, как женщина садится в голубую двухдверную BMW.

– «Теперь с Вами...», – улыбнулась Ангелика хмурому зрителю:

– «Вы не замечали, кто ходил к убитому? Может быть, Вы на кого-нибудь обратили внимание?» С явной неохотой он отвечал :

– «Это был очень нелюдимый жилец. К нему никто никогда не ходил.»

– «Вообще никто? Сколько он у вас жил?» Hausmeister наклонил голову :

– «Почти три года. Он обычно сам уходил куда-то. Мне, кажется, что он нигде не работал. А приходил всегда один. По-крайней мере, когда я это видел.»

Ангелика поняла, что зритель не будет особо цен-

ным свидетелем, но на всякий случай, сказала :

– «Вы, если мы Вас попросим, сможете написать для протокола Ваши показания?»

Смотритель, не скрывавший, что его тяготили расспросы, согласился :

– «Да, естественно. Скажите или позвоните, когда приехать.»

– «Кстати, мы сегодня собираемся осмотреть квартиру, так что мы еще увидимся, и, если возникнут какие-то вопросы, мы их вам зададим. Прежде всего нам надо утрясти некоторые формальности. Мы появимся у вас не раньше шести вечера. Вы будете там?»

– «Да, я сегодня сутки дежурю.» Ангелика поблагодарила его и поднялась к себе.

Итак, можно было звонить Лютцу и условиться о встрече. Рамзайер разыскала Фюрне – он был готов со своими вопросами.

– «Луи, я поеду в прокуратуру для получения ордера на осмотр жилища, а Вам я поручу связаться с начальником EDV, с Лютцем – я с ним уже сегодня поговорила предварительно! – и организовать участие специалиста от них при нашем выезде на квартиру. И также, если удастся, найти переводчика.» «Вы надолго?»

Ангелика, поморщившись, прикинула время, нужное на посещение городской прокуратуры, и ответила :

– «Сейчас одиннадцать сорок семь. Не думаю, что раньше трех вернусь. Тем более, что я без предварительной записи. Буду держать Вас в известности. Кстати, Вам никуда не надо ехать – в смысле за Hausmeister – он сам приезжал и протокол опознания уже подписан. Простите, что я Вас сразу не предупредила.» Она положила трубку и начала собираться...

Ангелика не поручила никому из своей бригады договариваться с прокуратурой. Эти вопросы были чисто политического свойства, которые постороннему нельзя было передоверить. К счастью – сегодня все неожиданно удавалось! – генеральный прокурор Берлина Ротер выкроил время ее принять, едва Ангелика успела переговорить с референтом прокуратуры. Видимо, не в последнюю очередь благодаря той короткой встрече с министром в «Ständige Vertretung». Ангелика, не успев удивиться такому быстрому развороту событий, уточнила, поскольку речь шла всего лишь о разрешении на ознакомление с имуществом убитого, возможно ли прислать своего сотрудника. Референт перезвонил через десять минут и передал просьбу для фрау Рамзайер явиться лично к тринадцати часам.

Ангелика решила, что получаса хватит, чтобы просмотреть приготовленные Фюрне вопросы, и вызвала Маню. Можно было, конечно, обо всем условиться по телефону, но стоило избежать лишних «ушей», могущих узнать о встре-

чах с вышестоящими лицами через голову начальства.

Маня вплыла в кабинет через семь минут, загорелая и чуть более медлительная.

– «Маня, где Вы получили такой загар, да еще и в конце лета?» – пошутила Рамзайер. Маня улыбнулась застенчиво :

– «Фрау Рамзайер, катались на яхте на Боден-зее. Там стояла роскошная погода.»

– «Как Вы успели только так далеко добраться за уик-энд? Надеюсь, не нарушали дорожные правила?»

– «Я даже не прикасалась к рулю.» – заулыбалась еще больше Маня :

– «Мои друзья все взяли на себя.» Ангелика с удовольствием окинула взглядом посвежевшую, с чуть выгоревшими пышными волосами Маню :

– «Так Вы еще и яхтсмен!?»

– «Не совсем еще, но узлы вязать уже умею.» Ангелика засмеялась :

– «В нашей профессии это уже не нужно. Хотя, кто знает. Возвращается не только старая мода, но и старые, прочно забытые навыки. Но к делу. Маня, закажите мне служебную машину, пожалуйста, на двенадцать тридцать, до Турмштрассе. А затем возьмите у коллеги Фюрне данные по делу и напечатайте запрос на имя прокурора Берлина господина доктора Ральфа Ротера о проведении осмотра квартиры убитого и ознакомление без ограничения со всеми его вещами

и банковскими счетами. Записали?» Маня кивнула.

– «И, пожалуйста, в двух экземплярах. Через тридцать минут.» Маня кивнула снова.

– «Тогда еще одна просьба – пригласите ко мне комиссара Фюрне сразу, как только Вы все закончите.» Маня вышла, тихо закрыв за собой дверь.

...Фюрне озадачил Ангелику прямо с порога:

– «Фрау юстицрат, мы ведь не можем ни использовать то, что мы успели узнать от свидетеля, ни снова задавать ему те же самые вопросы !?..» Рамзайер окинула коллегу взглядом:

– «Именно поэтому нам нужно было придумать, о чем с ним разговаривать. Вы принесли с собой старый протокол допроса?» «Разумеется!», – Фюрне протянул ей раскрытую папку. Ангелика быстро проглядела ее, так как все и без того держала в голове.

– «Хорошо, что Вы не внесли еще показания о разговоре свидетеля с убитым.» Фюрне наклонил голову, всматриваясь в страницу, на которой остановилась Рамзайер.

– «Помните, он вскользь упомянул о сообщении, которое получил покойный?»

– «Про то, что у них назначена встреча, а улавливались через форум на сайте?»

– «Ебен –Именно!»

– «...и сайт назывался www.germany.ru... »

– «К счастью, мы это не задокументировали, так что ника-

кие ни адвокат, ни прокуратура к нам не придерутся.» Фюрне не дал говорить, почти перебив ее:

– «... Нам нужно узнать и, главное, внести в протокол, под каким именами переписывались убитый, «Аламо», и тот, кого мы в первую очередь подозреваем в убийстве!? Затем, с помощью EDV, мы сможем установить, с какого компьютера приходили сообщения «Аламо», и, в-третьих, узнать, где или, если повезет, по какому адресу живет владелец этого компьютера. Именно для этого нам нужен доступ в квартиру и к вещам покойного...» Ангелика похвалила коллегу :

– «Очень хорошо! Я как раз здесь вижу все эти вопросы. Вы сможете распечатать еще один экземпляр и отдать его Мане!? Я её предупрежу.» Рамзайер набрала номер:

– «Маня, коллега Фюрне даст Вам еще документ, страницы на...» – Ангелика перелистала до конца : – «... пять страниц. Вы все документы, пожалуйста, как их подготовите, уложите в одну папку. Я ее заберу. Машина наготове? Отлично! Это все.» Она положила трубку. Фюрне был нетерпелив :

– «Вполне вероятно, даже наиболее вероятно, что точный адрес мы не получим, а только район, в котором находится компьютер, с которого писали убитому...»

– «Допускаю, что и необязательно в Берлине.»

– «Да, конечно.» Ангелика снлва внимательно посмотрела на коллегу :

– «Наша первоочередная задача сейчас, Луи, получить

разрешение от прокуратуры. Тогда у нас будут полностью, относительно» – она усмехнулась :

– «..полностью никогда не бывает.. » Фюрне чуть раздвинул тонкие губы.

– «...После чего, то есть, разрешения, мы пользуемся благосклонностью, пока еще... » – снова Фюрне показал неприятную улыбку – «...министра и попросим помощи у коллег в EDV. А в зависимости от результата решим дальше. Очень хорошо, что Вы связались с коллегами во Франкфурте. Думаю, что им это помогло, судя по их быстрому ответу. Я уже одной ногой в прокуратуре, только заберу документы, так что Вы, коллега, передайте еще одну мою просьбу Мане – позвонить во Франкфурт комиссару Йеннингеру и уточнить, сможет ли он поговорить с нами сегодня после шести вечера.» Фюрне, взявшись за ручку двери, повернулся :

– «Мы успеем за два часа все решить в EDV?» Ангелика призадумалась :

– «Тогда, Луи, еще одна просьба – позвоните Лютцу, нашему Ansprechpartner, передайте ему все данные электронной почты, которой мы интересуемся. Передайте все, что сочтет нужным. Это для того, чтобы коллеги в Министерстве подготовились к моменту нашей встречи. Надеюсь, что никаких больше задержек с прокуратурой и прочими формальностями не предвидится.» Фюрне вышел.

Рамзайер посидела пять минут, соображая, что еще

можно было бы поручить коллегам, чтобы сэкономить время. Вроде, ничего сверх уже порученного, срочного не приходило в голову. Юстицрат вздохнула, положила папку в черный изящный портфель, ее излюбленный Bewerbungsmappe, оглядела кабинет и, находясь уже в коридоре, достала мобильник, чтобы предупредить референта Ротера о своем скором приезде.

Игорь все-таки потащился в воскресенье вечером в «Russendisko». Ему стало не по себе от одиночества. Похоже, что его привычные знакомые маялись тем же, потому что он встретил там почти всю компанию, среди которой проводил вечера. Его поприветствовали между делом, как и всегда, и Игорь успокоился. Его угнетала сама мысль стать отверженным, как бы он сам себе не доказывал никчемность пребывания в среде эмигрантов. Изольда была тоже там и подошла к нему, как ни в чем не бывало :

– «Игорь, где же ты был? Я тебя искала.» Игорь не успел удивиться её нахальству, как она поманила кого-то из сидевших за соседним столиком. Марик, познакомься...» Марик был похож, как брат-близнец, на толстого Лернера, только с ухоженной бородкой и одет попроще. Изольда потянула Иоря за руку :

– «..У Марика есть хороший адвокат, он обслуживает всех, которые Hartz-IV-Empfänger... Марик, расскажи ему..» Игорь несмело возразил, но его перебил покровитель-

ственным тоном Марик : «Игорёк!? Хорошо. Есть такой адвокат, его зовут Дебриц. Он вытаскивает с разводами и по всяким эмигрантским делам. И не берет ничего..Наш человек.» Марик хихикнул, глядя на Изольду. Та заговорила очень громко :

– «Игорь, ты же не мальчик, чтобы бегать к ним по свистку. Запиши телефон...» Игорь, подчинившись напору, записал номер в свой мобильник, заметив :

– «Никогда не обращался к адвокатам.» Изольда даже не стал слушать :

– «Это не столько ради тебя, а для того, чтобы полиция искала кого-надо, а не прицеплялась к нам.» Марик, посматривая изредка в сторону своей компании, поддержал ее :

– «С немцами надо пожестче. Нефиг их распускать. Пусть работают. Золя, я тебе еще нужен?» Изольда, не стесняясь Игоря, обхватила руку Марика и шепнула ему в самое ухо. Тот заулыбался:

– «Как закончишь,...» – он кивнул в сторону Игоря : «... подходи. Мы собираемся потусить в Ротер плац – там в десять обещал завалиться Миша...» Изольда кокетливо глянула на Игоря, поцеловала Марика в ухо и они оба отошли, держась за руки.

Игорю сразу расхотелось оставаться в «Disko», жаль только было потраченных пять евро за вход. Он еще прошелся по залам заведения и вышел на улицу. Город, несмот-

ря на поздний час, был переполнен народом. Множество людей сидело за выносными столиками на тротуарах, среди газовых стоек с широкими абажурами с мелкими дырочками. Проходя мимо них, Игорь погружался в облако жара, а после он будто попадал в ледяной столб. Но так длилось мгновение, после чего привычный теплый августовский вечерний воздух окутывал улицу, дома, проходивших, сидящих и стоящих.

Игорь снова отправился домой пешком – отчасти, чтобы не тратиться на транспорт (его все-таки раздосадовала потеря пяти евро, как он себя не утешал), отчасти, чтобы успокоиться и решить, нужен ли ему записанный номер телефона..

Но, затворив за собой дверь в свою квартиру, Игорь больше не сомневался. Заслышав неприятный высоковатый голос, Игорь сообразил, что звонил в воскресенье, когда ни один уважающий себя немец, не станет заниматься делами.

– «...Wie, bitte?» , – переспросил Игорь, задумавшись и машинально произнося стандартные фразы приветствия. «...Entschuldigung, Herr Dräbitz; für den Anruf am Sonntag...» Там что-то ответили, Игорь не разобрал. Потом он стал внимательнее. «..Ja, ja. Arbeiten Sie mit Hartz-IV-Empfänger?», – вспомнил Игорь слова Марика. Все оказалось в точности, как ему и сказали час назад. Господин Дребитц еще что-то

сказал, на этот раз медленно, и Игорь, услышав

– «...verabreden über den Termin...», машинально произнес : «Natürlich. Wann können Sie?» В трубке рассмеялись. Игорь покраснел : «Аја, ich verstehe. Ich will Morgen früh...», выругав себя за ошибку – «хочу» вместо «хотел бы», но его собеседник был достаточно опытен :

– «Herr Sternberg, ich übernehme gerne Ihre Sache, übrigens sollte ich die benötigten Untrelagen Ihrerseits bekommen haben werden. Und dann treffen wir die Entscheidung anlässlich der zukünftigen Benehmung und Ihrer Kontaktweise gegenüber den Justizbehörden.. Haben Sie mich richtig verstanden?» Игорь сообразил, что им станут заниматься, хотел переспросить, но ему снова не дали.

– «..Da Sie seit diesem Zeitpunkt mein Mandante sind, möchte ich Sie gerne ins Büro einladen, damit ich Ihre Unterschrift für die weitere Aktenbehandlung und das rechtliche Vertreten Ihrer Interesse setzen lasse.. Paßt Ihnen die Zeit ganz früh morgen? »

– «Во, лепит, как и эта Рамзайер» – плдумалось Игорю, которому стало опять не по себе от необходимости общаться с людьми из сфер, которым он не доверял никогда. Люди, говорившие на таком специфическом языке и употреблявшие столь чуждые для обычного человека – что немца, что русского – обороты, скорее найдут общий язык между собой. Он ощутил холод, которым обдаёт корабль с поникшими парусами надвигавшиеся на него с двух сторон ледя-

ные горы, от которых не спастись.. Но выхода уже не было, Игорь послушно ответил :

– «Ja. Ich kann zu jeder Zeit zu Ihnen kommen. Um neun Uhr morgen ist ok!» Адвокат заговорил медленнее, точно вкладывая каждое слово в Игоря :

– «Wenn Sie eine Einladung aus der Polizei bekommen, sagen Sie denen sofort, daß Sie sich jetzt unter der Anwaltzutreung befinden und deshalb nur bei der schriftlichen Einladung ankommen dürfen. Auf keinen Fall unterstellen, egal wie sie bestehen würden. Haben Sie mich verstanden? »

– «Ага, понял... Sorry, ich habe verstanden, nicht die Wohnung verlassen...» Дебритц бесстрастно продолжил :

– «Und auch sehr wichtig – sagen Sie sogleich, dass ich eben Ihr Anwalt bin! Verstanden? » Игорь поуспокоился : – «Ja! Ich sage, daß Sie mein Anwalt bin...» «Schön! Dann bis Morgen früh, Herr Sternberg!» Загудели сигналы отбоя.

Игорь облегченно вздохнул. Его свои не обманули, несмотря на вполне оправданные опасения и имевшийся печальный опыт общения. Он не совсем еще понимал, какое преимущество ему дало обращение к адвокату, но он побаивался этой комиссарши, чуть старше его, ставившей жесткие вопросы, рассекавшие его душу. Оставалось унять тревогу, выспаться и не опоздать к адвокату рано утром. Игорь не сообразил спросить адрес, но нашел его в интернете – контора помещалась в Нойкёльне. Не самом приятном районе, но,

видимо, чтобы быть ближе к контингенту привычных подзащитных. «...И я сам не отличаюсь от тех, кого так презирал.», – оценил себя с горечью Игорь. Он не стал торчать в интернете, только разыскал наилучшую дорогу от дома до адвокатской конторы.

Игорь спал тревожно, время от времени пробуждаясь, но, к своему удивлению, он встал рано утром, в семь утра понедельника, совершенно выспавшимся и отдохнувшим.

– «...Ни хера в этой стране сделать не могут!..», – впал в ярость Рокотаев, едва только пробежав глазами бумаги, извлеченные из пакета, привезенным Валерой. Хорошо, что никто его не слышал. Рокотаев отослал всех, велел себя не беспокоить, пусть даже его потребует сам президент, и занялся корреспонденцией. «Ну и на хера было все!!??», – он стукнул кулаком по столу: «Ну хоть деньги прислали. Только и научились за все время полной свободы деньги считать.» Рокотаев встал. Снова сел и опять грохнул кулаком по столу. Потом чуть успокоился, открыл металлический ящик, достал пистолет, другой, покрутил, щелкнул предохранителем, отвел ствол – ничего не вывалилось. «Сообразили не вставлять обойму.» Один из пистолетов был «Стечкин» -АПС – вороненый, блестящий. Второй – «Беретта». «Даст бог не засвеченные...» Рокотаев еще немного покрутил их в руках и сложил обратно в коробку.

Но что было делать с этими бумагами!? А там предлагалось – ни больше, ни меньше! – составить план «мероприятий», указать расходы – как можно точнее! – и переслать все это обратно в Москву. «..А еще два экземпляра, конечно, мне и консулу...», – хмыкнул Рокотаев.

Самое противное состояло в том, что обсужденное ими двумя, после всех ухищрений по отрыву от слежки, с привлечением людей, найти которых, а главное, сбереечь в вакханалии полного расстройтва государственных служб, само по себе стоило невероятных усилий, теперь оказывалось известным слишком многим. Причем, людям, не испытанным лично. «Видно, Миша не так уж и хорошо стоит...» – с досадой подумал Рокотаев : «...раз пришлось вводить в дело посторонних. Ведь х... их знает, что за что фрукты!?» Он еще раз прошелся по кабинету. Окон в нем не было, и Рокотаеву захотелось выйти на улицу, подышать и успокоиться. Но он взял себя в руки и решил докончить запланированное.

Прежде всего надо было решить очередность исполнения так называемых «акций». «Совсем онемечился...» – усмехнулся он про себя. С посылкой пришли два адреса, о которых упоминал Михаил в Штуттгарте, и которые нужно было проверить. Рокотаев проглядел записку – ничего особенного. И кстати то, что написано, позволяло в известной мере разделить ответственность. «Так что не будем панико-

вать!», – уговорил он себя. «Проверить – надо было всего лишь установить, чем занимаются люди, жившие по адресам. Очевидно, московские заинтересовались, не слишком ли «отпущенные на свободу» «деловые люди» забыли о хоззаявах. Для такого рода дел у Рокотаева имелись не слишком ценные «кадры» из числа эмигрантов, которые были рады самой мелкой награде за труды.

Но вот с решением главной задачи – со «швейцарским сидельцем» – зависело от поездки в Диетикон и осмотра места действия. Тут зазвонил телефон, соединявший с консулом.

...Рокотаев, недовольный, вышел в коридор.

– «Валера,», – стукнул он на ходу в неприметную дверь возле своего кабинета. «зайдешь к мне, как приду..», – сказал он в открывшуюся дверь невозмутимму Валере.

Генеральный начал, едва Рокотаев прикрыл за собой дверь:

– «Нам звонили из полицейского управления. Пригласили на опознание..» – и уставился на вице-консула.

– «Что за опознание? Опять нашего сограждана послали в мир иной?»

– «Именно так! Грохнули одного журналюгу. Нас, кого-то из нас, просят присутствовать. Надо подписать протокол.

Потом будут говорить речи с соболезованием...Сможете пойти? Выручите?» Казбекович вонзился коричневыми блестящими глазами в Рокотаева. «Разумеется...» , – Рокотаев вдруг забыл имя Генерального и, сделал неловкую паузу, продолжил : «...наш же гражданин. Мы своих в беде не бросаем.» Он ехидно улыбнулся. Казбекович ухмыльнулся в ответ.

– «Ну и отлично! Спасибо!.. Зовут к семнадцати часам сегодня,...м-мм...» Он тоже забыл имя своего визави. Но Рокотаев сделал вид, что не заметил неловкости Генерального, и просиял, вроде вспомнив :«Руслан Казбекович, я только должен закончить неотложные дела. Распорядитесь только, пожалуйста, о машине и чтоб за мной зашли...» – он развел руками – «Очень срочные дела.»

Казбекович изучающе сощурился :

–«Мой секретарь поедет с Вами вместе.» «(Да-а, пасут меня...») – промелькнуло у Рокотаева. Ничем не выдав того, что все понял, лишь повторил : «Руслан Казбекович, я, с Вашего позволения, закончу у себя!?...» «Да, да, разумеется.» «Кстати, а о ком идет речь?» Генеральный скривился :

– «Журналистик тут один, в «Эксперте» подрабатывал, типа ихний корреспондент. В общем, нарвался мальчик.» Рокотаеву не надо было уже долго объяснять отношение Генерального к виновнику предстоявшего малоприятного дела, он уточнил :

– «Это тот самый блестящий молодой человек, что за казенные деньги предлагал всем стать пидерами!?!». По бешеной искре во взгляде Генерального, Рокотаев понял, что попал в самую точку истинного отношения консула к согражданину.

– «Хоть и плохонький, но свой...», – пошутил он. Генеральный хмуро кивнул, и Рокотаев покинул кабинет.

Войдя снова к себе, он оценил, насколько своевременен оказался этот печальный повод для его – теперь он считал это исключительно своим и его уязвило то, что о нем осведомлены люди, которых он не знал – дела. «...Бл., мы с риском для живота добываем, чтобы этим на блюдечке с золотой каемочкой поднести...» – раздражение росло в нем : «...а эти только и выделяются, все им не так поднесли, да не так сказали...»

Но тут же в нем родилась занятная мысль, как связать это, совершенное какими-то неизвестными, убийство со своей собственной деятельностью. Рокотаев давно уже перестал быть тем наивным первопроходцем, озабоченным всего лишь славой. Видя, как успешно, в свою выгоду, пользовались его достижениями «ради вечности» те, которым он бы никогда не доверил спину, он и сам научился превращать потраченные силы и время своей жизни в скромную выгоду. И даже сейчас после состоявшегося эмоционального, скорее,

разговора с Михаилом, Рокотаев отказался быть всего лишь исполнителем, который сгорал первым. Его роднила с тем, кого он пригласил позавчера в кабинет, приобщенность к одному братству, и своего сообщника Рокотаев тоже считал необходимым вознаградить – не только и не столько успехом замышленного! Он любил повторять самому себе полюбившиеся ему строки из удостоенного Нобелевской премией империалиста : «Мы с тобой одной крови!»»

Плохая копия отчета замначальника Особого отдела ЗГВ по Саксонии его заинтересовала уже меньше. Просто он не видел возможности пустить в ход этот, важный в свое время, но, видно, переставший таковым быть сейчас, лист бумаги. Особенно теперь, когда написавший его нынешний Генеральный консул во Франкфурте был вознесен на свой пост тем, на кого была написана нелюбезная характеристика и кто стал первым лицом в государстве...

Снова зазвонил телефон на столе – номер пришел с какого-то знакомого, но забытого абонента. Рокотаев, пытаясь вспомнить, медленно поднял трубку. Георгий, это был он, сообщал, что сидит уже в машине и ожидает его, Рокотаева, чтобы ехать в Полицией-президиум. Рокотаев рассеяно отвечал, что сейчас спустится, не переставая перебирать в голове номера, с которых ему звонили в последние несколько дней.. «..Ага...Буквально еще пять минут...», – он положил труб-

ку, и вновь зазвонило.

«Анатолий Васильич,..», – раздался фамильярный голос. «Что тебе, Миша? Занят я сейчас...», – Рокотаев машинально посмотрел на часы – «...зайду уже вечером.. Что-то срочное у тебя?» «так, Анатолий Васильич, номерочек пробил один любопытный...», – в трубке стали ждать. Рокотаев, недовольный, застегнул служебный портфель для официальных мероприятий. В нем постоянно лежали копия верительной грамоты и пачка чистых листов, которые почти никогда не приходилось заполнять – в основном ему вручали различного рода протоколы встреч и заявлений, которые Рокотаев, чаще всего не читая, передавал в секретариат консульства.

«...Если быстро, то зайду. Управишься за две минуты?» Что-то ответили, но Рокотаев уже положил трубку.

Миша открыл сразу, как Рокотаев позвонил в обитую металлом основательную дверь.

«Вот. Пришел еще пакет...» – Миша, с покрасневшими глазами, пригласил Рокотаева к стойке с мониторами и склонился над листами :

«..Номера... Так.. Тут еще.. » – Миша молниеносно переключивал листы бумаги. «Вот!», – он поднес лист вплотную к лицу Рокотаева. «В морду не суй. Я же пока еще зрячий.» – Рокотаев ухватил листок и отставил чуть от себя, вчитываясь. Кровь бросилась ему в лицо, он коротко глянул на Мишу

– тот, едва сдерживая радость, провел пальцем по строчке с цифрами. Рокотаев тихо сказал: «Надеюсь, язык за зубами держать умеешь!?» Миша погасил улыбку и молча кивнул, чуть прикрыв пухловатые веки. Рокотаев расстегнул портфель. «Этот листок давай мне и забудь о нем.» Закрыв портфель, он внимательно посмотрев Мише в глаза, кивнул и пошел к выходу.

Рокотаев, выйдя в коридор, замкнулся.

Таким же замкнутым он сел в машину, едва обратив внимание на сидевшего уже в ней молодого секретаря. Водитель, поймав взгляд Рокотаева в зеркале заднего вида, молча повернул ключ. Машина мягко тронулась с места.

...В воскресенье, в полдень, выкроив до того два часа на сон, Йеннингер докладывал на расширенном совещании в Полицей-Президиуме Франкфурта о событиях предыдущего вечера и ночи. Собрание было обширным – не поленился приехать полицей-президент, не говоря уже о руководителях Mordabteilungen и начальниках районных управлений.

Собственно, Йеннингер рассказал немного, всего лишь о ходе опроса свидетелей. Полицейский механизм набирал обороты уже независимо от назначенных для расследования чиновников. Поиски по горячим следам, как почти всегда,

не дали результатов, поэтому объявленная в пятницу вечером ориентировка на розыск мужчины средних лет с маленьким рюкзаком со светящейся рыжеватой наклейкой уже перешла от дежурных дальше, патрульным и во все полицейские участки города. Йеннингера слушали внимательно – убийства журналистов, не случались во Франкфурте уже последние лет двадцать. В связи с таким чрезвычайным обстоятельством руководство вынуждено было допустить журналистов.

Слава богу, что не было телевизионщиков с НР и совещание не превратилось в уже привычную презентацию усилий полиции по охране покоя сограждан.

Перед Йеннингером выступила Акбулут, секретарь Полицией-Президиума, и предупредила журналистскую братию дожидаться специального разрешения вопросов от прессы и не записывать ничего, что касалось деталей следствия. Также просили настоятельно не фотографировать и не снимать сотрудников, ведущих расследование.

Тил, полицейский-президент уточнил, коротко прервав комиссара, со своего места : «Стоит ли посылать ориентировку в Bundspolizei и в Landespolizei?» Йеннингер чуть задумался : «Полагаю, что пока еще рано перегружать сотрудников. Хотя показания весьма подробные, и мы думаем, что вероятнее всего, свидетели видели убийцу, но также наиболее вероятно, что убийца избавился от этой приметы. Но Bundspolizei надо на это ориентировать.» Тил записал в блокноте, кив-

нул : «Так и сделаем! Продолжайте, комиссар...» «Мы установили сорок семь свидетелей, бывших в кафе от девяти до десяти часов. Практически самые ценные показания дали только двое – те, кто обратили внимание на рюкзак. Остальные так и не смогли точно показать, видели ли посетителя с уже указанным рюкзаком. К сожалению, большинство из опрошенных, очень плохо говорят по-немецки, так что нам приходится тратить много времени на допросы свидетелей. Я уже попросил, чтобы через газеты...» – Йеннингер отвесил поклон фрау Акбулут – «пригласить откликнуться всех, кто был в кафе в пятницу вечером с восьми часов. Пока позволили только трое. Их показаниями уже занимаются. Больше пока ничего.» Йеннингер обвел взглядом обширную аудиторию. Некоторые из журналистов уже нетерпеливо тянули руки, но Тил делал вид, что не замечал нетерпения прессы. Фрау Акбулут улыбалась и скашивала глаза на полицей-президента, мол, ничего не могу поделать.

«Коллега, » – Йеннингер без труда углядел, возвышаясь над присутствовавшими, задавшего вопрос представителя Landeskriminalamt Hessen, Григгеля – «..похожие по почерку убийства уже были?» «Пока ясно, что убийство совершенно весьма профессионально и с минимумом следов. Точнее, практически без следов. Также ясно, что это убийство заранее обдуманное. Нами запрос на похожие по характеру исполнения преступления отправлен, но пока что в преде-

лах земельного управления.» – Йеннингер встретился глазами с Тилем и показал подбородком на Григгеля. Шеф Полицией-президиума согласно наклонил голову. Вопросов от коллег не поступило. Для них это было вполне заурядное событие, пока еще не обросшее деталями, и на которое коллеги лишь были ориентированы. Выдержав паузу, пресс-секретарь дала отмашку приплясывавшей от нетерпения прессе.

Большинство вопросов уже не выводило Йеннингера из равновесия. Даже вопросы о «русской мафии» и криминальных разборках между выходцами из бывшего СССР перестали возбуждать как саму прессу, так и полицейских, став необходимой частью спектакля, и его участники привычно играли отработанные роли. Не сразу удалось подвести журналистов к серьезному обсуждению. Прозвучало несколько вопросов по существу. Но что мог поведать Йеннингер!? Дело еще только было в самом начале и никаких сенсационных подробностей не просматривалось. Кроме необычного профессионализма исполнения убийства. Но это понимали лишь сам Йеннингер и его коллеги, и журналистов об этом информировать не собирались – незачем было давать утечку о ходе и предполагавшихся шагах расследования.

Удивляло Йеннингера еще и то, как быстро в нынешнее электронное время подробности событий становились известными повсеместно. Невозможно было заставить людей,

предупрежденных о нераспространении деталей служебного разговора, отказаться сделать это в форме обычного диспута в интернетном, или как модно стало называть, в «сетевом» обсуждении. Интернет давал преимущество в анонимности, которое, разумеется, могло быть раскрыто, но требовало времени и новых правил, чтобы уличить анонима в разглашении сказанного только ему в конфиденциальном разговоре под подписку.

Полицей-президиум в меру возможностей и следил за интернетным эфиром и зачастую там попадалась ценная добыча. Но в делах подобных тем, которыми занимался Йеннингер, суэта в виртуальных мирах была малопродуктивна. К счастью, полицейские пока еще были верны присяге и закону, что удерживало их от чисто человеческого желания поделиться с миром об успехах. А мусор, которым в мгновение ока обрастало любое известие, профессионалам, как Йеннингер, был неинтересен с точки зрения дела, хотя имел интерес, скорее всего, для психологов.

После того, как выпроводили прессу, предстояла еще встреча с русскими официальными лицами из российского консульства. Гражданство убитого было установлено – в Криминальамте согласились с предложением Полицей-президента, с подачи Йеннингера, не затягивать протокольные мероприятия, а воспользоваться данными найден-

ного на убитом заграничного паспорта. После предварительного разговора с консульскими договорились, ко всеобщему облегчению, не проводить полного опознания, для чего требовалось доставить ближайших родственников. Пока к делу не было еще привлечено слишком много внимания, надо было сосредоточиться на поисках убийцы, а не на формальностях.

Тил, уже считавший дни до пенсии, тоже не хотел перегружаться с передачей дел напоследок, раздобыл Йеннингеру помощника, оберкомиссара, Гюнтера Вирзига, неторопливого, аккуратного саксонца. Мало кто бы поверил, только раз увидев толстого, добродушного Вирзига, под стать Йеннингеру, что ладный, стройный, порывистый, зеленоглазый парень на фотографии на столе оберкомиссара превратился в нынешнего Вирзига.

Йеннингер окинув ревнивым взором с ног до головы помощника, представленного шефом, насмешливо оценил его : «*Didi, der Doppelgänger..*» Вирзиг, ничуть не смутившись, подхватил : «*..Ich brauche mehr Details und das geht nach vorne...*» Тил рассмеялся : «Значит, сработаетесь..» и оставил комиссаров одних.

Йеннингер уселся на край стола и быстро ввел коллегу в суть дела : «Гюнтер, дело, по-моему, безнадежное, поскольку замешаны русские или прочие эмигранты. А с ни-

ми, как ты сам знаешь, много возни, пока выяснишь мотивы. К тому же они, как правило, плохо говорят и добраться до сути нелегко...» Вирзиг откинулся назад и слушал молча. «...В общем, убили, скорее всего, по причине личной антипатии. Так я, по меньшей мере, смог понять у свидетелей и знакомых убитого. Гюнтер, ты потом ознакомишься с протоколами осмотра и допроса, там ничего существенного нет. За исключением примет предполагаемого убийцы, Täter, которого видели в туалете. Примет тоже не особо много, кроме небольшого поношенного рюкзака с рыжеватой надписью Nike. Эта надпись еще и светится в темноте.» Вирзиг заметил: «Рюкзак, конечно, не слишком точная примета.» Йеннингер вздохнул: «Знаю, Гюнтер. Но хоть что-то. Опять же сам прочитаешь в деле, почему мы сделали такой вывод: убийца средних размеров, весьма спортивный. Возраст предположительно от тридцати-сорока и старше. Свидетели видели его со спины, согнутым и больше добавить не смогли – ни цвет волос, ничего.» Вирзиг усмехнулся: «Уже существенно: рюкзак и его носитель средних размеров.» «...Если он не идиот, то рюкзак должен уже выбросить. Так что остается смутное описание фигуры.», – в тон коллеге отозвался Йеннингер. Вирзиг кивнул. «Гюнтер, мне еще предстоит встреча с русскими. Мы им должны сообщить о смерти их гражданина и выразить сожаление, что не уберегли.. Они – обязаны выразить убеждение в способности нашей полиции найти убийц, а нашего суда – осудить в соответствии

с законом. Чтобы не терять время, пока займись с рапортами патрулей и агентов о результатах поиска человека с рюкзаком Nike. Там, наверняка, уже что-то есть. Распоряжение действует с двадцати трех пятницы. Заодно по ходу ознакомишься с делом. Приказ о твоём временном мне подчинении тебе должен прийти сегодня еще. Soweit bin ich durch. Ещё вопросы?»

Гюнтер Вирзиг выбрался из кресла – он оказался таким же большим как Йеннингер. «Ну за дело!», – пожал Йеннингер коллеге руку.

Русские приехали, опоздав на полчаса, когда уже начало темнеть. Йеннингер успел просмотреть заключения экспертов об опознании убитого. Сам Йеннингер отговорился от этой малоприятной процедуры, послав вместо себя, секретаря группы по расследованию, Mordkommission, Гизелу Кемпбах. Потерпевший оказался журналистом из неизвестного для большинства полицейских русского экономического журнала. Гизела, по проручению Йеннингера спросила о тематике статей, написанных убитым, но ничего существенного для расследования в них не оказалось. Совершенно заурядные, по меркам немецкой журналистики, статьи. Разве что сведения, поданные в них, казались иногда фантастическими, но на проверку их истинности не было ни желания, ни необходимости. Гизела записала и о содержании письма от жены убитого, жившей также в Берлине. Предупреждая

естественные вопросы, представитель страховой компании сообщил, что супруга знала о поездке ее мужа во Франкфурт, но сама быть на опознании не могла в связи с «презентацией важного проекта». Дойдя до этого пункта, Йеннингер уточнил у Гизелы : «..То есть, супруга занята более важным делом!?» «Да. Именно так было написано. Заодно завершила – тоже письменно – что всегда поможет...» «В чем только!?!», – буркнул Йеннингер и продолжил изучение акта. В остальном опознание прошло по предписанным правилам и личность убитого была идентифицирована точно. Значит не надо будет краснеть перед русскими представителями.

Второе заключение пришло по служебной рассылке. К сожалению, экспертам по видеоматериалам не удалось разобрать буквы, кроме тех, что уже установили при просмотре видео на месте убийства. Остались тщетными и попытки рассмотреть человека, нагнувшегося около двери в туалет. Смогли только точно установить, что у него при себе был рюкзак, небольшого объема. Отсмотр остававшихся мобильных, айфонов и планшетов ничего, в итоге, не добавил..

Таким образом в результате двухсуточной работы следствие осталось лишь с теми фактами, что были добыты в течение первых тридцати минут – убийца имел малоразмерный рюкзак со светящейся рыжеватой надписью Nike и был среднего роста и телосложения. О возрасте можно было судить лишь косвенно по размерам кабинки и тому, что убийца

смог выбраться из запертого тесного пространства, не оставив следов. Кроме царапин на стенке. Сочли, что при возрасте старше пятидесяти, сделать такое маловероятно. Нашли работников, выходявших покурить около десяти вечера, но они только припомнили, как из соседней двери вышел мужчина среднего роста. Был ли он с рюкзаком, во что одет – они не заметили. А точнее, просто на него не обращали внимания. Потом их позвали, и они ушли. Выяснение причин убийства – а в нынешней ситуации только оно оставалось единственно перспективным – требовало иных усилий а, главное, несравненно больше времени.

Именно в этих раздумьях Йеннингера прервали сообщением о прибытии русских представителей.

К кабинету Тила русские и Йеннингер подошли одновременно. Полицей-президент уже ждал. Рядом стояла фрау Акбулут. Оставаясь на дистанции два метра – при официальных визитах такого рода рукопожатие по протоколу отменялось – полицей-президент представил Йеннингера, как комиссара, ведущего дело.

Йеннингер ни разу еще встречался с русскими представителями по подобному поводу. Старший, вице-консул, как его назвал, видимо, секретарь, младший из русских, пробежал взором по Йеннингеру, еле пряча усмешку. Йеннингер заметил, что молодой секретарь был смущен, когда ему приходи-

лось обращаться к вице-консулу. Тот же, ни разу не посмотрев на своего помощника, глядел только на представленных ему немецких чиновников. Русский улыбнулся лишь фрау Акбулут, но это была не улыбка официального лица, а скорее интерес мужчины к молодой женщине.

Все прошло как обычно. При передаче протокола опознания вице-консул ухмыльнулся и почему-то поинтересовался, было ли у убитого немецкое гражданство. Полицей-президент пожал плечами : «В данном случае нас это не интересует.» Акбулут, судорожно перелистнув в папке с протоколом, покачала головой и тихо сообщила Тилу то, чего Йеннингер не расслышал. Он тоже не успел удивиться, какое это имело отношение к делу, как вице-консул пояснил на хорошем немецком : «Вам должно быть известно, что в таком случае мы не можем нести ответственность за соблюдение прав наших граждан! К тому же мы не сможем Вам помочь, поскольку пострадавший не состоял на консульском учете.» Полицей-президент кивнул, опять сказал тихо что-то Акбулут и ответил громко : «Господа, я предлагаю тем не менее принять от нас сведения о происшествии. Мы выясним в течение ближайших дней все относительно немецкого гражданства убитого и дадим Вам знать. В любом случае расследование продолжится – тут присутствует представитель нашего Полицей-Президиума...» Тил показал еще раз рукой на Йеннингера, вице-консул уже пристальнее осмот-

рел его. Полицей-президент продолжил: «...Мы привлекли наших лучших сотрудников и уверены в успешном завершении. Если Вам понадобятся более подробные материалы, Вы всегда сможете обратиться к нашему пресс-секретарю фрау Акбулут.»

В течение нескольких следующих минут продолжился обмен вежливыми выражениями, в которых участие Йеннингера состояло лишь в кивании, когда называлось его имя. И немцы и русские украдкой разглядывали друг друга. Йеннингер снова отметил, как молодой русский прячет глаза, когда вице-консул протягивал руку за нужным документом.

Гости встали, раскланялись и, не пожимая рук, вышли в сопровождении Акбулут. Полицей-президент облегченно вздохнул : «Сколько формальной возни из-за человека, о котором не знает никто – ни мы, ни русские. Норберт, постарайся побыстрее с этим закончить. Не удивлюсь, если тут возникнет шум. Кстати, как у тебя?» Йеннингер коротко рассказал о результатах экспертизы. «Норберт, я коллегу Вирзига тебе полностью отдаю. Ты его ввел в курс дела?» «Он сейчас занимается сводкой о происшествиях и с докладами патрулей и агентов.» Тил встал, Йеннингер, шумно выдохнув, поднялся вслед за ним. Полицей-президент проводил его к двери и напутствовал : «Норберт, хоть что-нибудь узнай!»

Йеннингер, очутившись за дверью, направился к себе, рассчитывая на то, что уже должен был разыскать Вирзиг.

Рокотаев говорил на встрече с немецкими полицейскими, думая о другом. Он механически произносил протокольные фразы, краем глаза замечая, как Георгий боится вставить хоть слово. Злорадство переполняло Рокотаева, он с малоскрываемым удовольствием сообщил немцам о снятии всякой ответственности, если вдруг убитый журналист имел германское гражданство. Он явно привел немцев в замешательство и, откланиваясь, переключился в мыслях на приведенную Валерой диппочту.

У выхода из Полицей-Президиума на парковку его и Георгия окружила возбужденная толпа журналистов. Первое ошеломление мгновенно вытеснилось мыслью, какой прекрасный повод представился, чтобы усилить его, Рокотаева, позицию в задуманном деле.

«...Господа,» , – заговорил Рокотаев на немецком – «произошло чрезвычайное происшествие – убит журналист, российский журналист. Он был аккредитован в Германии как корреспондент журнала «Эксперт», и писал на экономические темы. Но он также освещал и отношения вашей страны и России, причем не только современные, но и касался трагических для наших стран событий Второй Мировой

войны. Не всегда его мнение совпадало с мнением многих его сограждан. Но вы тоже должны понять, насколько эта тема сложная и требует очень взвешенного подхода. Как со стороны граждан России, так и со стороны граждан Германии...» Рокотаев на секунду остановился, перехватывая дыхание после длинного периода, и тут его бесцеремонно прервали: «Господин вице-консул..» – («во, бл..дь, даже мою должность вынюхали»), – злобно подумал Рокотаев, постаравшись не выдать раздражение – «...Вам не кажется схожесть нашумевшего убийства беглеца от мести Вашего президента и нынешнего?» «Кто это спросил?», – Рокотаев, не сдержавшись, обвел собравшихся мрачным взглядом. Невысокий, смуглый мужчина возле него возбужденно поднял руку. («Давно ли ты сам, чурка, сюда переселился!? Ишь какой стал, демократический...») – улыбка, наверное, вышла у Рокотаева хмурая, потому что журналисты дружно захихикали.

Рокотаев взял себя в руки и, глядя пристально на совершенно спокойного мужчину, поинтересовался : «Итак, почему у Вас возник такой вопрос?» Тот ничуть не смутился : «Ведь Литвиненко, если Вы помните это имя...» – раздался сдержанный смех и объективы нацелились на Рокотаева «... был оппонентом режима Путина, за что его убили так жестоко. Он ведь очень долго страдал, прежде, чем умереть. И его семья страдала вместе с ним...»

Рокотаев улыбнулся : «Во-первых, нам не предъявили

никаких официальных обвинений. А, во-вторых, он уехал не преследуемый никем. Тем более самим президентом...»

Замечание вызвало вновь сдержанный смех в толпе. «Как вы думаете, у президента есть время, чтобы преследовать своих врагов? Да и зачем ему лично это нужно!? Он же неоднократно объяснял, что в России, как и в любом демократическом государстве, каждое ведомство занято своим делом. Я ответил на Ваш вопрос? Кстати, я так и не услышал Вашего имени, господин журналист» «Господин вице-консул, меня зовут Majid Nachwaz, я журналист Frankfurter Allgemeine...» «Я весьма польщен, что такая серьезная газета уделяет столь большое внимание демократии в России», – развел руками Рокотаев : «но опять же почему Вы связываете эти два происшествия? Ведь журналист, убитый накануне во Франкфурте, никуда не бежал и работал, как я уже сообщал, корреспондентом серьезного российского издания. И мы сами, то есть представители Генерального консульства Российской Федерации во Франкфурте, потребовали самого серьезного расследования этого недопустимого случая -убийства представителя свободной прессы. И мы будем самым тщательным образом следить за ходом расследования!»

Выкрикнул женский голос : «Но Вы же сами заявили, что его мнение не совпадало с мнением большинства русских! Может быть за это ему и отомстили?» Рокотаев поднял взгляд – толпа предупредительно раздалась вокруг тем-

новолосой женщины в зеленом костюме. Рокотаеву опять захотелось пройтись насчет происхождения второго своего визави, но он уже встал в колею, когда вопросы и ответы следуют как мгновенный обмен ударами. Он участливо улыбнулся : «Госпожа журналистка, Вы схожи с Вашим коллегой – не представляетесь, когда задаете неудобные вопросы.» И опять он вызвал смех у присутствовавших. «Я Ilona Gerlach, от Hessische Rundblick...» «Госпожа Герлах, ну где в моих словах Вы нашли, что я сказал о большинстве россиян? Кстати, в России, и об этом неоднократно говорил президент России Путин, проживают не только русские. Вам стыдно этого не знать, госпожа Герлах!»

Та, не изменившись ни в лице, ни в тоне, продолжила допрос : «...ведь не секрет, что в вашей стране большинство населения нетерпимо относится к геям!?» Рокотаев ожидал чего-то подобного : «То есть, госпожа Герлах, Вы полагаете, что журналиста из России убили те, кто не любит геев? Что дало Вам повод такое утверждать?»

В такого рода перебранках всегда побеждал тот, кто умел первым выстрелить вопросом. Журналистка, замешкалась : «Я совсем не хотела этого сказать. Но отсутствие толерантности к инакомыслящим в Вашей стране вынуждает задавать такие вопросы...» Рокотаев перебил : «Вы хотели узнать о конкретном виновнике или о причине, о которой

не знает даже ваша полиция?» Он обвел зашущукавшуюся толпу довольным взглядом.

Не давая ответить госпоже Герлах, он заявил : «Уважаемые господа! От имени консульства России я выражаю гневное негодование из-за подлого убийства представителя свободной прессы в стране, где свобода прессы абсолютна. Мы надеемся, и руководство полиции Франкфурта нас заверило, что будут предприняты все меры по поиску убийц и их наказания. Я убежден, что это самый главный итог нашей встречи здесь. Если уважаемые журналисты хотят поближе и точнее узнать...» – Рокотаев задержался глазами на фрау Герлах – «...о состоянии свободы вообще и прессы в частности в России, то мы сможем организовать пресс-конференцию, на которой ответим на все ваши вопросы. Даже самые острые. А сейчас позвольте нам – и Вашей полиции! – уделить полностью внимание неотложному делу по раскрытию этого ужасного преступления! Простите, но я вынужден с вами расстаться!»

Рокотаев был собой доволен. Георгий стоял все это время, как каменный. Журналисты не расходились, разговаривая меж собой. Шоферу Рокотаев приказал возвращаться в консульство.

В последние дни, в короткие предрассветные часы к нему

приходили родители...

Они почти исчезли из его памяти. Он не знал, живы ли они, и уже не хотел этого знать. Он сохранил единственную фотографию, на которой они были совсем молодые и счастливые. Он редко видел улыбку на лице отца. Да и мать чаще ворчала и улыбалась, будто стесняясь. Он не мог вспомнить, видел ли родителей вдвоем, так же, как на выцветшем снимке шестидесятилетней давности. Он написал им с тех пор, как уехал из дома, только четыре письма. Письмам он предпочитал разговоры по телефону. Его удивляли, когда он звонил им в увольнении, их постоянно старевшие голоса. Потом только он сообразил, что между звонками проходило время необратимого изменения. И эти старившиеся голоса становились тем препятствием, которое еще больше разделяло его с родителями. Они же превращались в тени на том берегу Стикса...

Первое письмо он написал из Рязани, на плацу, стоя на котором полчаса назад он услышал свою фамилию в приказе о зачислении. Он не побежал в город вместе с ошалелой от радости толпой счастливых. У входа в канцелярию он нашел скамейку – обычную доску на двух врытых столбах – и тут же, на ней написал полторы страницы о сданных экзаменах. Хотел добавить, чтоб не волновались, но, поколебавшись, сложил листок и сунул в конверт. Он только надписал

обратный адрес училища на заклеенном конверте, как к нему подошел маявшийся от скуки дежурный офицер. «Звонить папе-маме не пойдешь, товарищ почти курсант?», – любопытствовал капитан. «Потом позвоню...», – неохотно буркнул он. Офицер засмеялся : «Потома уже не будет. Учеба, танцы, девушки, наряды. Хоть пригласил родителей на присягу?» Он молча кивнул, глядя себе под ноги. Офицер увидел, что собеседник не настроен на разговор, пожелал успехов и двинулся неспешно дальше.

Он обидел дежурного, но не испытывал никакого сожаления. Несколько десятков шагов с плаца на эту скамейку стали для него началом пути, с которого не было поворота назад. Пути, на котором не оставалось человеческих чувств, кроме выполнения задачи. Он понимал, что перестал принадлежать себе, зато он был не одинок. Присутствие многих других, как и он, выбравших Дорогу, делало крепче и увереннее. На этой дороге не нужны были люди из прошлой жизни. Их безжалостно отрезала от него невидимая стена...

Судьба, которую он себе выбрал, делила отмеренное время на непересекавшиеся отрезки. Прежние люди и события вытеснялись другими людьми и другими событиями. Он постоянно ощущал, как стена окружает его, не давая уйти, исчезнуть, скрыться. И в любой момент его жизнь могла снова рассечься...

...В эти несколько августовских ночей он оказался одинок среди бескрайнего мира. Не было пока еще за плечами Стены, но ее незримое присутствие опять давило его. Появившиеся в преддверные часы родители были предвестником, что снова сомкнется за ним непреодолимая завеса. Они словно торопились увидеть его, хотя-бы во сне...

...После торжественного прохождения курсанты, принявшие присягу, растворились в море родственников. Снова опустел плац. На нем, кроме него, остались стоять еще шестеро. Все сначала неуверенно крутили головами, не сходя с места, и со смущенными улыбками, подошли к нему. Перебрасываясь невеселыми шутками, оставшиеся поглядывали с завистью на толпу, стоявшую в очередь на КПП. По кругу пожали друг другу руки и назвались по именам. Все оказались одного возраста, сразу после школы. Все, кроме него, детдомовцы. Кто-то предложил сходить в парк в город, но тут их поймал озабоченный полковник, начальник их курса: «Товарищи курсанты, пусть молодежь гуляет, а мы с вами лучше займемся полезным делом,», – и он пригласил их за собой.

Матрасов, кровати и тумбочек оказалось бесконечно много. Зато они смогли без суеты сходить в столовую, где их накормили до отвала за всю роту. Немолодая подавальщица

участливо приговаривала : «Кушайте, хлопчики. Когда снова так поедите!?» Она вышла к повеселевшим парням, старательно очищавшим очередную тарелку, обошла их стол и внезапно погладила именно его по затылку и ушла к себе. Он замер, парни засмутились и опустили головы ниже к тарелкам, звеня еще старательнее вилками и ложками. «В любой ситуации нет безвыходных положений», – негромко произнес он : «...бывают только те, кто не видит выхода...» Все засмеялись, отпустила тревога и у всех поднялось настроение.

Тот, кто не испугался быть первым – где-угодно, хоть даже в том, чтобы что-то сказать первым – становился поневоле первым во всем. Он впоследствии всегда чувствовал всякий раз от своих сокурсников ожидания, как поступит именно он, когда на занятиях им ставили какую-то очередную задачу.

Его сразу же определили в сборную училища по вольной борьбе. В первые два года он успел выступить на всех возможных соревнованиях – от первенства училища до чемпионата Союза среди высших военных заведений, что мало уступало по рангу нормальному чемпионату страны. Везде он неизменно, и неожиданно для себя, занимал первые места. Тренер сокрушался, что не удалось пристроить его на Спартакиаду дружественных армий, проходившую во Вроцлаве, только из-за досадного промедления в оформлении масте-

ра спорта международного класса. Он внезапно открыл в себе способность ко второму дыханию, изумлявшую не только тренера, но и всех, кому довелось сойтись с ним в схватке.

Ему всегда очень тяжело давалось начало всякого дела, к которому он приступал. Надо всего-лишь было выстоять первые три минуты. За это время он не успевал сосредоточиться. Руки ему отказывали, он проигрывал десяток баллов осмелевшему противнику. Он не слышал ни криков болельщиков, ни отчаянных подсказок тренера. Сидя в перерыве, он, не обращая внимания на тренера, не стеснявшегося в выражениях, слушал свое успокаивавшееся дыхание. Вскakiвал, отбросив полотенце, и выходил на центр ковра...

Он помнил все схватки, проведенные им, начиная со второго периода. Соперники (их лица слились в одно, удивленное и отчаивавшееся) двигались настолько медленно, что он упивался от восторга, опережая их, видя, как опаздывали все их попытки провести защиту. Он играл с противником, и удовольствие доставляло замечать яростно жестикулировавшего тренера, показывавшего, что пора заканчивать схватку.

Эти последние броски он много раз проделывал мысленно во сне, чувствуя каждую часть своего тела...

Он вставал и привычно поднимал руку, не дожидаясь, по-

ка ее вздернет рефери на ковре. «...Сколько видел бойцов, но такого, как ты, не могу понять. Какого ху... ты с ним так долго возился!?!», – удовлетворенно бубнил КаПэ, Константин Павлович, коренастый, с короткими ногами и изрядным животом : «Ты его тушируй, но и балл не забывай взять. Ну ты и уникам...»

После победы на первенстве Союза, он утратил интерес к возне на ковре. Стало просто скучно, в очередной раз повторять то же самое, что и в первый год. КаПэ его поддержал : «Жаль, конечно, но тебе нужно учиться, а не валять тела по ковру. Только не везде у тебя будет второй период. Береги себя.» И КаПэ его крепко обнял.

Он с легким сердцем завершил со спортом и плавно приступил к изучению иностранных языков. Он не выбирал даже, а, как само собой разумевшееся, погрузился в немецкий. Он быстро понял, что превзошел преподавательницу, после того как она пригласила его к себе домой в субботу.

Немного поговорив о нем самом, о его родителях, она напрямую спросила, откуда у него такое произношение. Он не знал что ответить, он сам чувствовал, что будто живет второй, отдельной жизнью, звучащей немецкими словами. К нему прилипло второе прозвище – «Немец».

Первым стала его собственная фамилия. Преподаватель

тактики, майор Калявин, недовольно заметил ему, что просил называть фамилию. Под хохот аудитории он объяснил майору, что назвал свою настоящую – именно ту, как она записана у него во всех документах. Калявин не поверил и, прочитав в журнале, сказал примирительно : «Ты ни в чем не виноват, фамилия просто такая...», вызвав новый шквал хохота. Терпеливо переждав всеобщее веселье, майор вызвал его к доске.

После контрольной Калявин попросил его зайти в преподавательскую. Майор долго листал журнал, открывая, закрывая, и предложил : «Что Вы думаете, если вас назначить моим помощником по проведению тактических занятий!?» Он совершенно не удивился, потому что сам видел свое превосходство над сокурсниками. Он только уточнил : «Мне сразу давать ответ, товарищ майор?» Тот задумался и сказал : «Обычно просят несколько дней, но вам это не нужно. Вы же и сами все знаете. Кстати, откуда у Вас такая фамилия?» Он усмехнулся : «От отца. А почему у отца такая, я не знаю.» Калявин чуть внимательнее посмотрел на него : «Вы, насколько я информирован, ни разу не ездили домой!? Почему? У вас дома что-то не в порядке? Простите, если я вмешиваюсь не в свое дело. Можете сесть, мы просто беседуем.» Он ответил с задержкой, односложно, пожав плечами : «Нет, все в порядке.» и посмотрел в глаза майору. Калявин смутился и ответил, будто оправдываясь : «Мы ведь не толь-

ко преподаем, но и воспитываем. Поэтому не обижайтесь, если мы, офицеры училища, интересуемся обстановкой в семье и дома.» Он повторил : «У меня все в порядке.» Майор не стал настаивать : «Ну раз в порядке, значит, к делу. Если согласны с моим предложением, то сначала подпишем приказ. Первый полевой выход проведете со своими товарищами. А потом уже, если хорошо себя покажете, станете моим ассистентом. Война – это, прежде всего, скучная и нудная подготовка, а потом уже беготня со стрельбой. Побеждает не сильный и быстрый, а хорошо подготовленный и умный. Ну в вашей физической подготовке я не сомневаюсь, слышан...» Калявин дружески улыбнулся : «Отсутствием ума Вы тоже не страдаете, так что будем делать из Вас умного командира. Вы можете далеко пойти.»

Он слушал, но не относил все сказанные слова к себе. Он просто жил жизнью, не имевшей ничего общего с жизнью в доме в северном городе с вечным ветром и влажным воздухом..

Еще его удивил преподаватель математики пожилой неприветливый капитан со странной для этого заведения фамилией Сунтор. «...У тебя такая голова, что ты забыл среди этих долбоёбов!?!», – как-то выговорил в сердцах капитан, поймав его в коридоре после раздачи контрольных : «...Эти только и способны о голову бутылки, да кирпичи разбивать.

Ну с них и спрос невысокий. Но ты-то!?!..» Он не мог найти, что ответить. «И ты станешь таким же. Если не поумнеешь.», – досадливо сказал Сунтор, и не дождавшись ответа, ушел, сутулый и неопрятный. Он тогда так и не понял, почему выделил его математик.

Учеба, полевые занятия, перемежавшиеся кратким отдыхом, катились как на колесах. Он не замечал, насколько короткими стали выходные. Возвращавшиеся из увольнений и самоволок рассказывали о приключениях среди гражданской жизни, о встречах с женщинами, о танцах. Он, естественно, тоже выходил в город. Больше всего он любил спускаться под гору по длинной улице, пересекавшей весь город. Осенью и ранней весной мелкая пыль, что приносило невидимыми тучами со Мстёры, из-за зеленого океана за Окой, стекалась в бесконечные брустверы липкой глинистой грязи. Через эти валы надо было перепрыгивать, чтобы приземлиться на подножке городского автобуса. И не раз, не рассчитав прыжок, он втаскивал с собой в автобус кучку грязи, выдавливавшейся, как из тюбика, из ботинка.

В одну из таких прогулок он открыл городскую библиотеку. Он пропадал там в увольнениях, читая все подряд – в основном, из истории. И совсем не обращал внимания на молодую библиотекаршу, подносящую книги ему прямо к столу. Свобода чтения стоила всего на свете...

На танцы его буквально затащили сокурсники. Девичья половина пополнялась студентками из Радиотехнического института и близлежащих ПТУ. Посещали танцы и патрульные – где можно еще было выполнить план по отлову «дезертиров»!? На него откровенная «ловля» женихов произвела унылое впечатление. Самыми неразборчивыми были старшекурсники. У них поджимало время найти себе жену и домашний уют. Попасть служить в Германию или Венгрию считалось слишком невероятным везением. Даже Алитус казался удачей, не говоря уже о почти «заграничном» Вильнюсе. А в целом рассчитывать можно было лишь на Среднюю Россию, Кировабад в заброшенной дыре в Армении, или Фергану, бывший Скобелев.

Потому и спешили курсанты и уводили в начале весны всех стоящих девчонок.

Танцы в Доме офицеров напоминали ему деревенскую дискотеку в Пушкинских Горах. Местные девки там были избалованы всенародным вниманием к знаменитому земляку и не испытывали дефицита в самых экзотических и видных кавалерах. Приемы, которыми приближались достойные или отшивались негодные, не отличались нигде. Проходила все та же охота с целью ненадолго поиграть или наоборот – ухватить добычу и уже не отпускать. Вероятно, кто-то, про-

яви он терпение, смог бы получить и его в качестве желанного приза. Но ему стало скучно и он, бросив партнершу посреди танца, торопливо вышел.

Перед входом он наткнулся на патруль. Курсанты-патрульные были свои, они узнали его. Командир, молодой капитан-связист, отпустил их ненадолго, а сам, закурив, подзвал его и беззлобно поддел: «Ну что, курсант, теряешь время? Жену искать надо, а ты растерялся...» Он натянуто улыбнулся капитану : «Да как-то не хочется...» «Смотри, останешься бобылем и служба будет не в радость», – капитан обрадовался возможности скоротать время : «Потом не наверстаешь потерянное. Век военного недолог. Ты куда?..» Капитан вынул сигарету изо рта, увидев, что собеседник нетерпеливо оглядывается по сторонам. «Куда ты уже пойдешь? Час поздний...» Он захотел остаться один и, буркнув неприветливо, двинулся вниз по лестнице. «Ну ты и бирюк, парень. Таких девки не любят.», – пытался удержать его капитан, но, поглядев на него, отвернулся.

Он неспеша направился пешком в училище, радуясь теплему ветру, обдувавшему лицо.

Среди однокурсников он сблизился с Мишкой Селиверстовым. Их породнило то, что и у одного и у другого не было заметных успехов на «женском фронте». Как-то раз он, по-

стояв на краю вертевшегося моря пар, так и не решившись никого пригласить, повернулся к выходу. Приунывший однокурсник – он знал его по фамилии – засобирались тоже. Получив шинели у хихикавших гардеробщиц, они – Мишка и он – подошли одновременно к зеркалу, в котором поймали каждый взгляд другого. После чего рассмеялись. «Курсант второго курса факультета спецназа Михаил Селиверстов!», – ухмыляясь, сообщил Мишка. Он хмыкнул : «Что так официально?», после чего сказал о себе. «Про тебя-то наслышан», – с оттенком уважения сказал Мишка. Наверное, это, он пришел гораздо позднее к выводу, и сблизило их. Они, помешкая в дверях и уступая друг другу, вышли наружу.

Разговор протекал самый незатейливый – откуда кто приехал, кто чем интересовался и вообще ни о чем, но как могут только говорить люди, давно знавшие друг друга. После неудавшегося выхода «в свет» они с Мишкой стали проводить свободное время вместе. Мишка не рассказывал почти ничего о своей прошлой жизни, но ему стало понятно, что их обоих объединило желание оторваться от их прошлого и разобраться с чем-то тайным в своих душах. Он видел свое превосходство над Мишкой во всем – и в физическом развитии и в происхождении из более изоциренного мира. Он делился с Мишкой, как само собой разумеющееся, всем, что успел узнать, так что Мишка не успевал признаться в невежестве. Он таскал его всюду, куда хотел идти – в го-

родскую филармонию, в художественный музей, в библиотеку... Мишка слушал его, не осмеливаясь возражать, но, что ему особенно нравилось, не конфузившись от превосходства друга. То, что они с Мишкой друзья, он знал без всякого сомнения.

«Мишка, давай свалим в город!?!», – предложил он, когда они встретились в читальном зале училища. Их курс засадили за самоподготовку к выходу на полевые занятия : изучить карты, просчитать варианты подходов, выкладки тактических и огневых рубежей. Мишка недоверчиво покосился на бесконечные ряды курсантов, обсевших столы, на груды книг и пособий, которые таскали от стойки библиотекаря и обратно, и заулыбавшись, поддержал : «Пошли! Потом сдуем у Сережки Митусова.» Он добавил : «А если упрется, то мы у него отнимем. Куда ему против нас!?!» Он только задержался возле стола, за которым согнулся Лёшка Пронин, бессменный отличник на курсе, и сказал : «Лёш, мы отлучимся на пару часов, сдай наши пособия...» Лёшка поднял отсутствовавшие глаза, силился что-то спросить, но смог только кивнуть, пребывая где-то далеко-далеко. Оставалась нерешенной только проблема с Арцюхом, въедливым коренастым украинцем из медвежьего угла в Закарпатье – тот бы занудил и доложил начальству. Но он не стал загружать себе голову понапрасну.

В Рязани царствовала весна.

Не та, ранняя, когда попеременно сыпался надоедливый дождь (точь в точь как в осень в Ленинграде) и проникал нестойкий солнечный свет из разрывов низких облаков, наплывавших из-за Оки, с Мещёры. Нескончаемые валы глинистой грязи, отделявшие тротуар от мостовой, ссохлись и опали мелкой пылью, взрывающейся облачком при попадании в них ноги. Запах раскрывавшихся почек растворял в себе улицы, здания, деревья...

Они бродили по спускавшимся и поднимавшимся в гору улицам без всякой цели. Страх налететь на патруль не было вовсе, хотя они и условились не заходить на людные центральные места.

«Прыжок через забор» удался.

Он выбрал не облюбованное большинством «самоходчиков» место, у которого подстерегал патруль либо дежурные по училищу. Он всегда удивлялся отсутствию фантазии тех, кого ловили при приземлении – будь это снаружи, то в самом училище, когда довольный тем, что не попался в городе, курсант преодолевал последний рубеж и оказывался в крепких руках дневальных. Он как-то усмотрел кривую сосну, росшую сиротливо в отдалении. В этом углу никогда не сторожили, потому что совершенная гладкость стены не давала

и тени предположения о том, что ограду можно преодолеть. Его внимание обратилось на длинную ветку, протянувшуюся к самой ограде, и однажды он подошел туда. Схватившись за ветку, он согнул ее, подавнуюсь без усилий, и отпустил. Ветка разогнулась с резким пружинившим звуком, так что он отпрянул, и качалась еще долго, совершая размах в добрый метр. Он представил вдруг себя вставшим на ветку, раскачавшимся на ней, и как вдруг он достает руками верхнего края забора...

...Так и случилось – сначала, раскачавшись, прыгнул он и ухватился за край стены. Легко подтянулся и очутился наверху. Ограда, как он уже успел раньше посмотреть, выходила на людную улицу. Именно поэтому-то тут и не сторожили. «Мишка, давай...», – сказал он, усевшись на ровном, шириной в два кирпича, заборе. Мишка, опасливо встал, раскачался и неловко подпрыгнул, вытянув руку вверх. Но он тут же подхватил Мишку и вытащил его к себе. «Ну ты прямо как подъемный кран...», – восхитился Мишка.

После чего они спрыгнули в город.

Именно в тот день он впервые зашел за линию, отделявшую его жизнь, направляемую чужой волей, от Неведомого. Возвратившись, он нашел себя изменившимся...

Они решили перекусить, для чего выбрались на улицу за

пределами центральных. В кулинарии имелось крохотное кафе с обычным небогатым выбором – кексы, кофе светло-коричневого цвета наливаемого в стаканы. Взяв по два кекса и по стакану кофе, они пошли к двери. «Курсантики,», – крикнула буфетчица : «стаканы только верните...»

Пока Мишка отвечал, он первым вышел из магазина. На улице, хоть и пустынной, решили не оставаться и завернули за угол. Там как раз деревянные потемневшие дома безыскусного, барачного, малоухоженного вида, образовывали уютный дворик, скрывавший от любопытных глаз.

Они устроились на кое-как сваленных распиленных стволах тополей. Мишка тут же разыскал ящик, на который они поставили еще не остывшие стаканы с кофе. Никакой бумаги, ни даже газеты, не нашлось, и он, брезгливо обтерев рукавом шинели ящик, осторожно положил кекс. Мишка недоверчиво наблюдал за ним и положил свой. «Кофе какой-то горький...», – заметил Мишка, с наслаждением отхлебывая из стакана. Он не успел ответить – скрипнуло, раздалось небрежное шарканье.

Неопределенного возраста и вида мужик, стоя на грубом крыльце, вяло проговорил : «Эй, чего ящик без спросу берете?» Он положил кекс обратно и оглядел говорившего, не отвечая. Мишка же ел и запивал с удовольствием. «Тебе жалко? Мы тебе принесем сколько-угодно этой рухляди, ты только скажи сколько и куда..», – добродушно прогово-

рил Мишка, справившись с кексом, не выпуская опустевший стакан.

Скрипнула дверь еще раз – высунулся другой, помоложе. «Сынки совсем припухли, старшего посылают...», – удивился он и вылез полностью на крыльцо. Первый даже не сдвинулся, держа руки опущенными. Его приятель пролез между стоявшим и стенкой крыльца, спустился на землю. «... Ну вам что сказали!?!», – чуть повышая голос, он двинулся к курсантам. Мишка осторожно поставил стакан и смотрел с любопытством на приближавшегося к ним. Хлопнула форточка слева от крыльца. Оттуда беззвучно выглядывало чье-то лицо.

«...Ну ты, еврей... Я же тебе сказал...» Он молча встал напротив Мишки. В груди, глубоко, разлился холодок. Мужик уже подошел вплотную – расстегнутая куцая телогрейка открывала синюю выцветшую майку. Бледно-молочные руки с разрисованными синим пальцами, далеко вылезали из рукавов. Он остановился в полутора шагах. Лицо было беззлобным, таким же молочно-белым как руки. «...Ящики, говорите, принесете!?!», – задумчиво повторял он, глядя больше себе под ноги, не встречаясь глазами, и вообще не делая никаких движений. «Скидывайте сапоги и шинели...», – решительно предложил мужик. Мишка чуть отпрянул. Он коротким рывком затянул ремень, подергал ногами. Мишка, почувствовав его движение, оглянулся. «Давайте, ребятки, шинели. И с обувкой не задерживайте...» – голос, но уже не

вялый, а вполне твердый раздался слева.

Они не успели даже заметить, как первый, стоявший все время на крыльце, оказался рядом, с другой стороны. Он был одет похоже, но в застегнутой телогрейке и в завернутых до середины голени серых сапогах. И руки его шевелились.

Но его загоразивал Мишка.

Руки и ноги будто примерзли к телу. Только от прижавшегося к нему Мишки шло тепло. Но он внимательно наблюдал за тем, кто стоял ближе к нему. А он и не двигался, будто выжидая. Краем глаза он ухватил короткое движение слева. Только чуть охнул Мишка и полностью закрыл его. Мишка мешал, и он инстинктивно сделал шаг назад. Тот, кто стоял перед ним, отпрянул. Этой заминкой он воспользовался и, сделав еще шаг назад от продолжавшего стоять Мишки, очутился лицом к лицу с тем, кто до сих пор был скрыт от него другом. От блеска в руке нападавшего, его будто обрушило с размаху в прорубь. И тут же его охватил испепелявший жар.

Руки привычно захватили ту руку, с ножом, корпус произвел рывок с поворотом, и чужое тело, тяжесть которого он не ощутил вовсе, пролетело мимо него. Он не стал смотреть, как оно упало, и, молниеносно, обойдя Мишку, оказался лицом к лицу со вторым, который еще не успел сделать ни шага.

Он словно опять попал в то, знакомое, пространство, из

которого чужое движение виделось неповоротливым, неловким, замедленным. Он видел все, замечал все и мог делать с тем, кто вышел против него, все что-угодно...

...Второй полетел через голову, нелепо выставив руки. Спустя секунду раздался сдавленный выкрик. Сбив ящик, на котором стояли стаканы, ворочался первый, брошенный им. Мишка осторожно-медленно с тихим вздохом садился на землю. Он поддержал его и увидел красное пятно, распылавшееся по ворсу шинели. Выбитый нож с обмотанной синей изолентой рукояткой валялся у ящика.

Он навсегда запомнил, как он был спокоен, когда резко заломил руку, из которой выпал нож. И помнил с наслаждением хруст, животный вопль и бесчувственное тело на земле. Как неспешно подошел ко второму, внимательно посмотрел в его глаза. Видел, как тот закрывается синими пальцами. После тяжелого глухого удара носком ботинка из-под низу в челюсть опало второе тело...

Мишка сидел на земле, изо-всех сил стараясь удержаться прямо, зажимая руками живот. Из-под рук проступали красные пятна, растекаясь и темнея. «...Не бросай меня...», – прошептал Мишка, силясь не закрывать глаза на белом лице. Хлопнула форточка, за нею резко отпрянули, стало тихо во дворе...

«Миш, ну что ты такое говоришь...», – он склонился к Мишке, погладил его по лицу.. «...Что ты меня как покойника...», – пытался пошутить Мишка, но сомлел и уронил голову. Он присел над Мишкой, стал хлопать его по лицу, трясти. Мишка ненадолго выплыл из забытья.

Он думал вначале забежать в магазин, благо за углом, и позвонить в «Скорую». Но Мишку клонило в беспамятство. С каждым толчком сердца, с каждой каплей крови, с каждой секундой выходила из Мишки жизнь...

Присев, он аккуратно и бережно взял Мишку на руки. Ноги зацепились, когда он выбирался со двора. Он прошел, как утопая, по чему-то мягкому, поднимая ноги как можно выше, и, не оглядываясь, выбежал на улицу.

Он бежал вверх по улице, рыча от тяжести. Мишкина голова качалась в такт толчкам, и Мишкины глаза то открывались, то закрывались на бледневшем лице. «Мишань... Дорогой... Только не засыпай...» , – бормотал он, борясь с дыханием. Тротуар был слишком узок, и он побежал по мостовой, не слыша, как ему сзади бешено сигналият и истошно орут.

Он бежал, задыхаясь от отчаяния и, плача, не чувствуя своих рук, прижимал к себе Мишку...

Дорога пошла круто вверх. В ушах заскрежетало визгом

тормозов. Он повел глазами – из остановившейся патрульной машины подбегали двое в милицейских шинелях, подхватили Мишку. «...Давай, поддержи...», – занесли Мишку в машину.

Она помчалась под рев сирены..

...Он сидел, не сняв шинели, на которой оставались следы Мишкиной крови, с опустевшей душой. По коридору ходили, бегали с криками, кого-то вели, несли. Он сидел совершенно безучастный.

Опомнился он от того, что его трясли. «...Ну, вовремя сообразил все, парень. Пять минут промедлил бы и, считай, лишился бы ты своего товарища...», – говорил молодой врач. Он едва понимая, кивал головой. Врач еще что-то сказал и подтолкнул его в плечо. Подсели двое – в форме с погонями майора, другой в штатском. «...Молодцы ребята. Задержали рецидивистов, один в бегах был. Так что обоим по медали. Мы вашему командованию все как надо доложим.» «Как он?», будто вспомнив, спросил он. «Друг твой!?» , – переспросил майор : «Все в порядке. И жить и служить будет. Во время ты его принес. Врач говорит, приедь мы минутой-другой позже, не удалось бы спасти. А теперь в училище ваше тебя доставим. Ты, парень натерпелся, да и сидишь ты тут часа два...» Он уже взял себя в руки : «Почему так долго?»

Вмешался врач, который, оказывается, никуда не уходил : «Кровь переливали, твой друг литра полтора потерял. Но, слава богу, выкарабкался. Теперь покой, питание и крепкий здоровый сон. И раньше, чем через неделю не приходи – ему в себя надо прийти..» Который в штатском, добавил : «Если сможешь, то здесь прямо напиши обо всем, что случилось. Поподробнее. Понимаю, что нелегко, но, брат, ты себе выбрал службу, где к подобному надо привыкать и, чем скорее, тем лучше...» Он кивнул : «Да, я готов. Где?»

Его усадили за стол в кабинете главврача больницы. Хватило сорока минут, чтобы написать три страницы протокола. «...Хорошо а, главное, очень ясно пишешь. Это сейчас редкость, даже среди военных...», – похвалил его штатский, пробежав глазами написанное: «Вот только под каждой страницей, в самом низу, распишись...»

В училище, на КПП, предупрежденные звонком из горотдела милиции, его ждали. Командир роты, не говоря ни слова, провел его сразу к начальнику курса. Тот, выйдя из-за стола, отмахнувшись от его «Товарищ полков...», с усмешкой проговорил : «Ну, герой, натворил ты нам всем делов. Мало того, что сбежали, как последние разгильдяи, так еще и в хорошенькое говно попали. Товарищ твой с пробитым животом, неизвестно, что будет, а ты тут у нас герой...» Он возразил : «Курсанту Селиверстову опасность для жизни не

угрожает.» Про себя он выругался за стиль произнесенной им фразы, но, скорее всего уже завершённая военная служба, видно, изменила его безвозвратно. «...Слава богу, что твой друг, которого ты увел, жив. Иначе, он был бы на твоей совети... И не стыдно самому!? Впрочем, какой тут стыд!? Дерзтиров, знаешь, к чему прислоняли в военное время?», – зарычал полковник.

Он ничего не говорил, просто молча смотрел на полковника. Это молчание вывело того ещё больше из себя. «Он ещё и молчит! Если б парень умер, да я б тебя своими руками пристрелил!!» Командир роты, старшекурсник, сержант Белоев, крепкий осетин, его неудачливый соперник в борьбе, мрачно смотрел в окно. Полковник, так и не выплеснувший ярость, рявкнул : «Пока не пришел приказ об отчислении, будешь не только служить, как устав велит, но и сидеть бессрочно во всех нарядах – от сортира до кухни. Не посмотрим, что чемпион и книжки читаешь. Один устав будешь только читать! До конца службы! А пока – шагом марш под арест! Если только он тебе поможет... Пошел с глаз моих...» Полковник устало махнул рукой. Белоев тихо за спиной скомандовал : «Кругом...»

Опустилась тишина, и он вышел, с силой толкнув дверь. Вылетел в коридор полковник : «Он ещё и дверями хлопать... Веди его под арест!! .Ишь, разошелся...Герой....»

Сидеть на гарнизонной гауптвахте ему долго не пришлось. На следующее утро, сразу после построения во дворе и до строевой подготовки, его забрали обратно в училище. На КПП его встретил уже сам начальник курса : «Давай пошел, герой. К генералу идем. Приведи себя в порядок! И чтоб никаких оправданий. Обосрался – так умеешь отвечать. Пшли...»

Генерал-майор Чикризлов долго читал в бумагах, пока они стояли перед ним. Начальника курса генерал попросил удалиться. Как только полковник вышел, генерал поднялся с места. Постоял, вышел из-за стола. «Курсант, Вы знаете, что Вас представили к медали «За отвагу»?» Он ничему не удивился, удивил его только голос генерала, чуть высоковатый с хрипотцой.

«...Сказано – за помощь в поимке опасных преступников...», – генерал снова посмотрел на него. Он пожал плечами.

Генерал прошелся по кабинету, повернулся к нему: «По всем законам и правилам тебя надо выгнать. Даже пусть ты и геройски проявил себя. Я тебя не выгоняю лишь за то, что ты спас своего товарища. И награду ты получишь – я уже подписал приказ! – не за сраных гопников, а за спасение жизни товарища. А что будет стоять в наградном листе, меня мало интересует – да что-угодно. На тебя можно положиться, парень, и это главное... Так что иди учись и бросай гражданские вольности.» Генерал рассмеялся.

Позволил себе едва улыбнуться и он. Генерал, будто преодолевая что-то в себе, надолго замолчал и неожиданно признался : «У меня у самого нет такой медали. Я даже тебе завидую.» Потом он снова сел за стол, поднял трубку телефона : «Пусть зайдет.»

Вошел полковник...

Его не отчислили, но отношения с начальником курса испортились окончательно. Его стали сторониться многие однокурсники. Он понял, что награды становятся первой стеной, разделяющей друзей. Самым странным оказалось, что медали «За отвагу», полученные ими обоими – Мишкой и им – отдалили и их друг от друга.

Мишка долго еще провалялся в госпитале, переживая, что вот-вот его комиссуют. Приезжала Мишкина мать, немолодая, гораздо старше его матери, усталая женщина. Они вдвоем сидели в палате – мать гладила Мишку, его, снова Мишку и плакала.

Ему дали увольнительную, и он захотел показать Мишкиной матери Рязань. Но она едва одолев сотню метров, остановилась, расплакалась и сказала, что останется с сыном. А, после того как тихо поцеловала его, сказала еще : «Мишенька же у меня поздним родился. Его отец с войны пришел весь в ранах. Мишеньки, сыночка своего, только и дождался, да

и умер вскорости. Тихо умер, будто от жизни освобожден, во сне... А до Мишеньки еще и дочка была, сестренка Мишенькина, так и умерла, безымянная. Слабенькая очень...»

Она давилась слезами, держась за него. Он, смущенный, слушал ее причитания и долго после того не мог двинуться с места.

Он постепенно осознавал, что ранение, как и всякая слабость, делали невозможным оставаться наравне с теми, кто сумел избежать урон. Он читал и слышал о рассказах про войну – как люди возвращаются даже после самых тяжелых ранений. Но теперь он сам уже получил опыт, скорее инстинкт, несравненно куда более важный, чем получили большинство тех, кто находился бок о бок с ним.

И инстинкт этот убеждал его сильнее всего остального – раз выбывший из строя, выбывает окончательно на обочину Дороги, до конца которой дойдут немногие. Наверное, тот же инстинкт руководил и Мишкой, который все больше сторонился его. Не из-за обиды и досады, а просто моментально повзрослев.

Он был уверен, что заслужил награду по праву, что мало кто из его сослуживцев смогли бы поступить как он. Проникала в него и мысль, что он виновен во всем случившемся. Но слова генерала звучали в нем и вызывали гордость за себя.

А самым главным результатом случившегося, он считал, что пропала медлительность. Прошло то ожидание второго периода, о котором его предупреждал КаПэ. Теперь он умел моментально сосредоточиться и действовать сильно и беспощадно. Даже в отчуждении с Мишкой ему виделось благо – сентиментальность и слабость больше не владели им, и он становился безжалостной – что в них старательно вколачивали! – машиной уничтожения...

Родителям он ничего не сообщил – ни о приключении, ни о награждении. По-прежнему он звонил регулярно в Ленинград. Но теперь он заказывал разговор с центрального телефонного узла. Однажды он зашел в уличный телефон-автомат и воспользовался ротным двугривенным – двадцатикопеечной монетой с дыркой, через которую продевалась стальная проволока. По окончании разговора монета выдергивалась из монетоприемника и могла использоваться снова для «бесплатных» звонков по «межгороду».

...Отозвался отец. Даже не ответив на приветствие, недовольно сказал, что они с матерью сейчас слушают концерт по телевизору. Он подождал немного, удивленный. Отец только и спросил : «У тебя все?» Он положил, не ответив, трубку и стоял в кабинке, не обращая внимания на стук – возле будки собралась порядочная очередь. Не забыв выдернуть монету, он медленно отправился по улице. Дошел до Кремля и по-

вернул в училище. Он сидел долго на своей койке, а потом бродил по территории училища, едва замечая кого-то.

После этого он никогда не звонил с уличного автомата.

В этот раз он заказал разговор с Ленинградом, но говорить долго не стал – о том, о сём, коротко сообщил об учёбе, старательно не касаться того, чем жили родители. Отчуждение нарастало, но оно, как ни странно, с каждым разом делало его уверенным в одиночестве.

...Родители являлись к нему в снах и чем дальше отстояло время, когда он их видел в последний раз, все яснее он различал в них черты, которые он никогда не видел, когда был рядом с ними...

...Вирзиг успел получить от дежурного рапорты патрулей – сообщалось о задержании нескольких мужчин, несших рюкзаки ‚Nike‘. Всех их отпустили после краткого опроса на улице, кроме одного, подходившего по размерам – худощавого и спортивного, на свою беду занимавшегося айкидо, так и по возрасту – между сорока и пятидесятью. Подозрительным показалось, и то, что этот мужчина явно не хотел попасться полиции. Поэтому его отвезли в ближайшее отделение, на Schloßstrasse. Вирзиг созвонился с Polizeirevier, где ему рассказали подробнее про задержанного. «С такими га-

баритами вполне можно было бы совершить что-то подобное, вроде позавчерашнего убийства, но вряд ли этот», – заключил Вирзиг, передав разговор с Revier Йеннингеру : «К тому же, он немец. Точнее, рожденный в Германии. Сейчас с национальностью «немец» может быть столько разных типов, что уже впору вводить, как у наших заокеанских друзей что-то, вроде Nichtdeutscher Deutsch, ненемецкий немец.» Оба комиссара ухмыльнулись, и Вирзиг закончил : «...Еще точнее: тип не из русских по происхождению. Вряд ли его интересуют русские и их отношения друг с другом. Если у Вас, господин комиссар, более срочные дела, я съезжу взглянуть.» Йеннингер шумно по обыкновению вздохнул – из рассказа Вирзига следовало, что случай совершенно пустой, но надо было выполнить формальности. Он взглянул на часы – девятнадцать двенадцать. Йеннингер, раздосадованный потерей времени на пресс-конференцию и встречу с русскими, решил закончить с оформлением опроса свидетелей, чтобы было с чем идти к полицей-президенту. «Отлично, коллега! Поезжайте в управление и разберитесь сегодня с этим типом. Если что-то будет чрезвычайно интересное, сразу звоните мне. У Вас все?» Вирзиг чуть подумал и ответил : «Нет, больше ничего, кроме того, что я Вам передал. Я выезжаю.» Он встал, огромный, как и Йеннингер и им обоим стало тесно в кабинете. Йеннингер кивнул коллеге и пошел к себе.

Едва он устроился за столом и включил компьютер, как за-

звонил телефон. С ним говорил комиссар из Берлина, управления Лихтенфельд. «Еще раз, простите, как Ваше имя? Ich habe akustisch nicht genau gehört», – извинился Йеннингер. Комиссар из Берлина, Фюрне, занимался убийством недельной давности в Берлине. Он сообщил, что информация о деле, которое было поручено Йеннингеру, в связи с чрезвычайной важностью, дошла до Берлина. Дело в том, говорил далее Фюрне, что по некоторым признакам почерки убийц очень похожи. У них есть подозреваемый или точнее, предположительно подозреваемый. Не мог бы господин комиссар Йеннингер проверить, не было ли лица, о котором идет речь, на месте преступления в пятницу!? Насколько основательны утверждения, уточнил Йеннингер у берлинского коллеги. Пока всего лишь мы основываемся на показаниях свидетеля, да на факте, что этот человек был замечен накануне убийства на месте преступления. То есть, пока речь идет, как говорится, всего лишь о предположении, оговорился берлинский коллега. «Посылайте тогда Fantombild», – согласился Йеннингер.

На фотографии был изображен мужчина неопределенных лет – от сорока до пятидесяти, или даже за пятьдесят. Вместе с фотографией пришли и полные паспортные данные, а также малоразборчивые отпечатки пальцев. Йеннингер распечатал фотографию на своем принтере и сунул ее в папку с опросами свидетелей. Подумав, то же самое сделал и с отпечатками.

Берлинский коллега еще не отключился, и Йеннингер уточнил :«Судя по данным, это иностранец, приехавший из Минска Так!?!..Ага!... Пока что неизвестно, пересек ли он границу!?!..» Ему ответили. Йеннингер попросил оставаться возле телефона, а сам позвонил Вирзигу : «Комиссар, Вы еще не ушли?!..Отлично!... Зайдите ко мне прямо сейчас и возьмите кое-что...» Через минуту вошел Вирзиг. «Комиссар!?!», – Йеннингер показал ему фотографию на экране : «Задержанный имеет сходство с этим?» Вирзиг пригнулся, взглядываясь, помотал головой : «Нет. Совсем разные типажи... Да и...» – он прочитал данные на экране : «...из разных мест...» Йеннингер уточнил : «Есть подозрение, что тип с экрана не выехал из Германии, хотя виза у него должна была закончиться пару лет назад. Так что проверьте на всякий случай.» Вирзиг пометил в записной книжке, спрятал ее во внутренний карман. Легкая куртка не скрывала ремень кабуры, распираемы мощной грудью комиссара. Йеннингер поглядел на ремень, на ждавшего Вирзига и отпустил его.

«...Коллега Фюрне,», – продолжил он, убедившись, что дверь в кабинет закрылась плотно : «еще раз – я должен проверить, был ли субъект, чью физиономию Вы переслали, у нас!?! Пока только как потенциальный свидетель!?!... Спасибо за помощь, коллега» Он положил трубку, задумался, машинально проверил наплечную кобуру, пистолет, казавший-

ся игрушкой в огромных руках комиссара.

Через две минуты он выезжал в сторону Hohenzollernallee.

На место Йеннингер прибыл уже через десять минут. Кафе работало, как обычно. Никто из посторонних не смог бы сказать, что всего лишь сорок часов назад в нем произошло убийство. Но, скорее всего, в связи с начинавшейся рабочей неделей число посетителей не было чрезмерным, и Йеннингер сумел почти без помех поговорить с сотрудниками кафе. К счастью, не было и господина Миковича. Кивнув на видеокамеры на углах, Йеннингер насмешливо заметил: ««Там» увидят, что вас от работы я не отвлекал.» Он устроился на углу стойки, рядом с кассой и попросил приглашать к нему официантов по одному. Задавал он один и тот же вопрос каждому – видел ли кто человека изображенного на фотографии. Ответил утвердительно четвертый из приглашенных. Йеннингер переспросил, и официант уверенно подвел его к столу, стоявшему возле углубления в зале, из которого выходила дверь в туалет. Йеннингер припомнил видеосъемку, те кадры, на которых тщетно пытались разглядеть человека с рюкзаком Nike. «Вы уверены, что именно здесь?», – навис он горой над официантом. «Да. Я ему приносил пиво...» «Чем расплачивался?», – оживился комиссар. «Bargeld, наличными.» «Точно наличными?», – настаивал Йеннингер. «Абсолютно. А сидел он здесь, лицом к туалету...», – и официант

показал на стул за пустым столом. Эта часть кафе была пуста почти вся. Йеннингер прошелся вокруг стола, кивнул официанту, стоявшему в ожидании подле него. «Wenn Sie mich noch bräuchen, bin ich für Sie da!», – сказал официант, удаляясь.

Йеннингер не стал задерживаться. Прямо из машины он позвонил в Берлин : «Господин комиссар, свидетели подтвердили – этот человек был здесь вечером в пятницу. Я еще только проверю по отпечаткам пальцев и сразу дам Вам знать. Хотя боюсь, что идентичности полной не достичь в связи с нечеткостью исходных отпечатков... Да, благодарю!»

Йеннингер распрощался и задумался. Несмотря на удачу, он не верил, что она продвинет следствие существенно к успешному завершению. Что-то в нем сопротивлялось слишком очевидным совпадениям...

...Ангелика Рамзайер отчасти могла быть удовлетворенной. Во-первых, Дребитц, хоть присутствовал при разговоре со свидетелем, но чувствовалось, что само дело было ему малоинтересно и он занимался им лишь из-за гарантированной оплаты без приложения особых усилий. Да они и не стоили чрезмерных затрат времени. Непосвященным, и судящим по сложной юридической жизни по сериалам и детективам, всегда кажется, что прокуратура, полиция и адвокаты бьются не

на жизнь, а на смерть ради истины. В действительности, все они представляли собой стороны одного и то же механизма, непрерывная и успешная работа которого зависела от хорошо налаженного взаимодействия и согласования всех его частей.

Понятно, что защита всячески старалась оттянуть, а то и развалить обвинительные дела, но это делалось ради того, чтобы сам механизм не стоял в бездействии. Чем больше и дольше тянулись процессы, тем изошреннее приходилось работать всему механизму правосудия, тем очевиднее казалось многочисленность участников и тем гарантированнее и обоснованнее должны были быть расходы на содержание всех участвовавших.

В делах же, подобных тому, каким занимались Рамзайер и Фюрне, невидимая сплоченность обвинения и защиты только укреплялась. Убийства, какими бы громкими они не становились порой, были вызовом спокойствию общества и, в отличие от финансовых махинаций, приводили в движение куда менее значимые средства. И между обвинением и защитой установилась негласная поддержка усилий друг друга по снижению рисков общества.

Рамзайер в предварительной беседе с Дебритцем, договорились не касаться недоказанных пока подозрений насчет мужчины, опознанного свидетелем. Чисто формальная

сложность возникла в том, как объяснить руководству, чем руководствовалась бригада по расследованию, послав фотографию во Франкфурт комиссару Йеннингеру. Ангелика не знала, как квалифицировать действия ее помощника, который, разумеется, действовал для достижения скорейшего успеха. При том, что результат оказался неожиданным и представлялся перспективным. Но процедура была нарушена. Помог Дребитц – он намеком пояснил, что, с точки зрения защиты, претензий не возникло. Тем более, что следствие могло параллельно выявить нарушение закона, не обязательно относившиеся к общему делу. Оно могло быть выделено в отдельное производство, но в случае получения доказательств связи с основным, легко вновь быть объединенным с ним. Таким образом, допускалась потеря времени на необходимые формальности, но сберегались усилия по добыче ценного следственного материала. Ведь никто не мог заранее предугадать – и это всегда принималось во внимание со снисхождением – пути, по которому придет успех.

Ангелика решила не приглашать Фюрне на встречу с адвокатом, поскольку волей-неволей приходилось идти на сделки с совестью, про которые необязательно еще было знать молодому комиссару. Он должен был сам пройти этот путь.

«Господин Дебритц, тогда, как мы условились, я не стану задавать вопросы по личности, опознанной свидетелем

Штернбергом», – предложила Рамзаер : «, поскольку мы уже об этом с ним разговаривали. Точнее, мы сделаем акцент на том, что попросим просто назвать знакомых, которые проживают или с которыми он мог встречаться в Германии...»

«Да,», – подхватил Дебритц : «именно, как знакомые, которые могут поделиться сведениями о том, как живут русские эмигранты в Германии. При этом прошу Вас не связывать их с подозрениями в убийстве.» Рамзаер согласно кивнула: «Мы задним числом выделим в отдельное производство, как условились...» Дебритц живо сказал : «...но я настаиваю, чтобы Вы еще раз допросили свидетеля именно в этом ключе – назвать по возможности больше знакомых, про которых он знает, что они могут быть или бываю в Германии.» «Опять столько времени теряем.», – тяжело вздохнула фрау юстицрат : «но делать нечего – иначе целая неделя будет потеряна...Да, и вот еще : прокурор Берлина дал разрешение на осмотр квартиры убитого. Мы уже ее осмотрели. Вам протокол осмотра нужен!?» Дебритц улыбнулся, показав лошадиные зубы : «Разумеется, я Вам верю. Мне только будьте добры передать заверенную его копию, а также копию разрешения из прокуратуры.» «Секретарь передаст – у нее специально наготове папка для Вас. Мы еще раз, опять же в Вашем присутствии, спросим Вашего подопечного об угрозах, которые получил убитый, и про которые тот рассказывал в субботу утром господину Штернбергу!?» Дебритц, ухмыляясь, согласно кивал головой : «Да, естественно! Поскольку у

Вас протоколо допроса по этому нет, то Вы имеете право задать все эти вопросы еще раз. Про копии я Вам уже напоминать не буду.. Если у Вас все, то у меня вопросов и, тем более претензий, к Вам нет. Мой клиент уже заждался Вас...» Дебритц еще раз улыбнулся и, кряхтя, поднялся. Ангелика слегка поддержала его под руку пока адвокат нашел нужное равновесие, и открыла перед ним дверь.

Свидетель Штернберг был опрошен в присутствии адвоката Дебритца и обоих комиссаров. Рамзайер пригласила на всякий случай переводчика, но все-равно пришлось просидеть почти до шести вечера. Большая часть времени была потрачена на составление списка знакомых Штернберга. Фюрне едва скрывал раздражение, выслушивая постоянные уточнения написания фамилий – сначала вопросы, задаваемые фрау юстицрат, потом они же, переводимые свидетелю, затем бормотания русского. Свидетель подолгу иногда вспоминал, записывал по-русски, переводчик переписывал на немецком. Тут раздавался медлительный, чуть ворковавший голос Мани, спотыкавшейся о непривычные имена («Хотя уже давно можно ко всему привыкнуть» – иной раз думал в тоске Фюрне). Ему нечем было заняться, кроме как слушать. Но вид старательной Мани, остававшейся единственно невозмутимой среди всех присутствовавших, умиротворял, успокаивал и настраивал на работу. Снова спрашивал переводчик и наконец еще одна позиция списка

заканчивалась. Дебритц один раз извинился, когда у него звонил мобильник. Рамзайер поглядела на Маню, и та помогла Дебритцу выйти в коридор. Все молчали, пока он отсутствовал. Фюрне постарался незаметно поглядеть на часы. Рамзайер терпеливо ждала. Дебритц шумно вернулся, выставляя вперед колени оттого, что ступал на носках, долго устраивался за столом, и составление списка продолжилось.

Наконец список знакомых свидетеля Штернберга исчерпался. Фюрне удивило, что понадобилось почти полтора часа для того, чтобы вспомнить всего два десятка фамилий.

Снова сделали перерыв. Свидетель, понурый и заметно усталый, остался сидеть за столом— Маня налила ему кофе. Остался и переводчик, средних лет сотрудник из российских немцев. Он тихо стал говорить со свидетелем.

Дебритц вновь извинился, набирая номер в мобильнике. «Господин Дебритц,» , – остановила его Рамзайер : «мы с коллегой через десять минут вернемся.» Тот кивнул, прижимая телефон к уху.

«Луи, надо будет пройтись по списку.», – обратилась фрау юстицрат к коллеге, когда они зашли в кабинет Фюрне – Рамзайер не хотелось говорить о служебных делах в коридоре, а ее кабинет был занят. «Вы возьмете первые десять фамилий, я – остальных.» , – продолжила Ангелика : «Там ничего особенного – только проверить, находятся ли эти люди

в Германии, или приезжали в последние полгода.» Фюрне молча кивнул. «Но в этом списке находится фамилия, уже названная свидетелем раньше. Именно тот человек, про которого Вы спрашивались во Франкфурте...» Рамзайер колебалась, стоило ли посвящать молодого коллегу в содержание её договоренности с Дебритцем, и решила пока ничего не говорить. Она пояснила: «Луи, Вы пошлете комиссару Йеннингеру разъяснение, что мы опрашиваем свидетелей, которых нам удалось установить, и мы просим оказать нам любезность – официальную! – по возможности поговорить с этим человеком...» «Так комиссар уже ответил, что этот человек был там именно в вечер, когда произошло у них убийство...», – не понял Фюрне.

Ангелика поморщилась досадливо – ей было неловко вводить в заблуждение напарника, тем более выговаривать ему за нарушение формальности, допущенное, в первую очередь ею. Она решила : «Коллега, мы чуть поспешили с оповещением иногородних коллег. Поэтому надо соблюсти формальность хотя бы задним числом. Вы меня поняли?» Фюрне, сообразив, чуть покраснел. «Только не расстраивайтесь, главное то, чтобы дело не стояло. Но это не все!» Молодой комиссар, все еще немного пунцовый, кивнул: «Фрау юстицират, исключительно все ради дела...» Ангелика нетерпеливо повела подбородком, продолжив : «Сегодня надо обязательно встретиться с господином Лютцем. Во-первых... За-

пишите...». Фюрне торопливо раскрыл блокнот. «Проясним наконец с этой таинственной личностью – выезжал ли он тогда из Германии и как он оказался здесь в пятницу. Во-вторых, и это будет самым важным. Мы запишем со слов свидетеля все, что касалось последней переписки убитого. Судя по заверениям, в ней мы можем найти достаточные основания и, главное, чтобы они удовлетворили господина адвоката...» – Рамзайер показала рукой на дверь: «Основания, по которым мы можем составить запрос для EDV установить по возможности, с какого компьютера были отправлены письма с угрозами. Если повезет, нам удастся найти адрес главного подозреваемого... Вы согласны со мной!?» Фюрне задумался: «...А может быть, не теряя времени, нам разделиться!? Я бы мог не сидеть сейчас с Вами, а уже начать изучать переписку!?» «Боюсь, что так быстро не получится. EDV все равно потребует официальный запрос. Затем нужен переводчик, хорошо разбирающийся в русском. Судя по тому жаргону, что в ходу даже среди нас, полицейских, у русских его не меньше. А потом – Вам не лишним совсем будет пообщаться с адвокатами. Для Вас станет очень полезной практикой на будущее.» Фюрне записал, закрыл блокнот. «Задержались на семь минут...Пойдемте скорее!», – спохватилась фрау юстицрат, легонько подтолкнув Фюрне к двери.

Игорь чувствовал себя выпотрошенным, вспоминая всех своих знакомых, с кем он виделся в Германии. Он не совсем

понимал, для чего это нужно полицейским. Да и адвокат сидел с чуть прикрытыми глазами и больше глядел в смартфон. Периодически он поддакивал полицейским и изредка заносил пометки в толстый блокнот, обтянутый черной кожей с золотым тиснением.

Для Игоря оказалось большим облегчением присутствие переводчика. Он не боялся уже сказать лишнее или неправильно выразиться на немецком. Он также старался говорить попроще после того, как переводчик переспросил его несколько раз. Видно было, что он учил русский язык от родителей и поэтому не совсем точно употреблял некоторые русские слова. Впрочем, Игорь слышал в своей речи, как сам уже не мог найти точные слова и прибегал к эмигрантскому жаргону, характерному для провинциалов, что его в особенности раздражало. Но беседа шла споро. Пришлось Игорю назвать и мужчину, которого он видел в прошедшую субботу возле Спорт-Форума. Он не стал скрывать, что встречался с ним года три назад в Штуттгарте, то есть дословно повторил то, что уже говорил ранее только полицейским. Не скрыл он и того, что не помнил точно фамилии. Его удивило, что полицейские на этот раз не заострили внимания на этом человеке, просто записав со слов.

После перерыва стали выяснять, что о чем именно шел у них с «Аламо» разговор утром в прошлую субботу. Игорь по повторявшимся вопросам понял, что на сегодняшней встре-

че эти сведения полицейских интересовали куда больше, чем то, что они услышали до перерыва. Игорь наострил уши и стал внимательнее прислушиваться к вопросам комиссарши до того, как их переводил Константин, переводчик.

«...Behaupten Sie eindeutig, Herr Sternberg, daß der gemeinte Alamo durch die Emails beängstigt war?» – на этот раз Игорь точно понял вопрос и закивал, не дожидаясь перевода : «Ja! Ganz genau!» Рамзайер, молодой комиссар и адвокат тем не менее выслушали переводчика и все, как один, перевели взгляды на Игоря. Игорь сказал, теперь по-русски : «Да! Именно так он и сказал.»

Рамзайер тихо переговорила с напарником, потом с адвокатом, который энергично закивал. Константин склонил голову ближе к Игорю и облегченно промолвил, тоже тихо : «Кажется все...» Рамзайер сказала громко, что Игорь не понял. «Протокол подписать и можно идти», – подсказал переводчик.

Пока девушка допечатывала за компьютером, все немного успокоились. Адвокат Дебритц улыбнулся Игорю, держа глаза полуприкрытыми. Полицейские листали блокноты. Рамзайер нетерпеливо оглядывалась, готов ли протокол.

Протокол был наконец распечатан. Игорь подписал все три экземпляра – среди них свой. Полицейские сдержанно попрощались. Молодой комиссар с заметным интересом рассматривал Игоря, пока его начальница говорила негром-

ко с адвокатом. Комиссары вышли, с ними ушел и переводчик. Остались адвокат и сероглазая девушка за компьютером, которая тут же занялась папками. Адвокат сделал Игорю знак и Игорь напрягся.

«Also, Herr Sternberg. jetzt können Sie sich jetzt entspannen. Sobald es noch zum Bedarf kommt, benachrichtige ich Sie unverzüglich, damit ich Sie weiter unterstützen könnte. Haben Sie mich verstanden, Herr Sternberg?», – адвокат смотрел немигающими глазами в упор на Игоря. Игорь отвел взгляд, ответил односложно «Ja!» «Gut! Bevor wir uns verabschieden, möchte ich Ihnen zwingend und unumzuehend mitteilen, das Protokoll, das Sie gerade unterzeichneten, bei Ihnen zu behalten. Haben Sie mich verstanden, Herr Sternberg?» Игорь отвечал опять односложно, поразившись, до чего похоже говорили все работники юстиции. Но долго думать об этом ему не пришлось – девушка протянула Игорю листок бумаги. Игорь проямлил нечленораздельно, потом опустил глаза к бумаге. Это был пропуск.

Игорь с опустошенной головой выбрался на улицу, подернутую легкими вечерними сумерками.

Едва отпустили свидетеля, как позвонил Лютц. Он ожидал обоих комиссаров через полчаса, в девятнадцать. «... Никакого пропуска не надо – только назовите себя.», – преду-

предил он вопрос Рамзайер. «Да, и есть для вас, думаю, приятная новость. Нашлись записи о вылете и прибытии человека, которым Вы накануне интересовались...» Ангелика выдохнула: «Про вылет – понятно! Вы говорили, что был сбой в данных. Я понимаю, что удалось все восстановить.. Но что за прибытие!?» «Приезжайте и я Вам все покажу!», – не стал говорить Лютц по телефону : «Жду Вас через полчаса!» Ангелика, повеселев, обратилась к Фюрне : «Луи, собираемся! Предчувствую, что мы попали на удачу!» Фюрне изобразил улыбку в тонких губах, тронул пистолет в наплечной кобуре, сунул блокнот в сумку. «Я готов, фрау юстицрат!»

Но пришлось неожиданно задержаться. Отпечатки, присланные из Франкфурта Йеннингером, совпали лишь в некоторых деталях со взятыми на месте убийства у Спорт-Форума. Точнее, как сообщили из лаборатории, сохранившиеся фрагменты расширяли возможный круг обладателей отпечатков до пятидесяти тысяч человек. «...Такое число можно определить вероятностным образом, исключительно по набору элементов папиллярных линий. Пятьдесят тысяч – это максимально возможное число. Сколько их будет в действительности, можно сказать, лишь проведя поиск по картотеке. Возможно, что и никого не будет, если эти люди не попали к нам в картотеку. К сожалению, у нас не проводится повальное снятие отпечатков пальцев при рождении, как у наших заокеанских друзей», – посетовал на том конце

Йорн Вальд, старший эксперт дактилоскопической лаборатории Полицей-Президиума.

Ангелика вопросительно посмотрела на Фюрне. «Что вы собираетесь делать? Разыскать для вас все, что у нас есть?», – спросил Вальд. Рамзайер, еще чуть поразмыслив, ответила : «Йорн, поищите! У Вас ведь оба отпечатка!? Наш и из Франкфурта!?» «Да, оба! Но франкфуртский очень четкий. По какому вам искать?» «Ищите по берлинскому, пусть даже он и нечеткий. И параллельно сравните из полученного списка с франкфуртским. Если будет точное совпадение, обязательно укажите. Я Вам еще нужна? Есть у вас еще что-нибудь для меня?» «Пока нет, Тогда мы принимаемся за работу и сразу Вас извещаем!» Ангелика положила трубку. Фюрне оживился : «Кстати, ведь нет никакой гарантии, что отпечатки снятые со стола, принадлежат нужному нам человеку...» Ангелика возразила, правда, не совсем уверенно : «Комиссар Йеннингер пояснил, если Вы помните, коллега, что было снято несколько отпечатков, но он выбрал те, что эксперты сочли самыми свежими – в последние три часа.» Фюрне прищурил глаза: «Тогда остается полагаться, что официант точно определил время, когда за этим столом находился опознанный им посетитель...» Ангелика согласилась : «Другого у нас, к сожалению, ничего нет. Приходится полагаться и на это. К тому же необязательно он должен быть тот, кого мы ищем. Пока что мы остановились на нем из-за маловероят-

ных совпадений. Любой адвокат наши предположения просто похоронит, и мы окажемся снова в самом начале. Только с потерей недели труда.»

Фюрне замкнулся, ничего не говоря, смотря на старшую коллегу. «Говорил ли комиссар Йеннингер про то, отметил ли официант какие-то особые приметы!? Очень прямую осанку!? Она, пожалуй, самая яркая и бросающаяся в глаза примета.» «Ничего такого не говорили. Просто сидел и пил пиво. Бокалы там моют сразу – это все сотрудники показали! – как забирают. Так что отпечатков на бокале не искали. Расплачивался наличными. Впрочем, я никогда еще не видел, чтоб за пиво платили карточкой!» «А что-нибудь из одежды или еще чего характерного заметили?» Фюрне поджал тонкие губы, припоминая : «Нет, ничего! Он только упомянул, что рядом с ним, на сиденье лежал рюкзак, лямками вверх, так что фирмы не было видно. Точно установлено, что у убийцы был Nike, рыжий, с фосфоресцирующей надписью.» «Да, я помню...», – задумчиво проговорила Ангелика, добавив: «Если он не совсем идиот, Vollidiot, то он от рюкзака избавился уже. Так же как и от одежды... Ладно, Луи, не будем гадать – поехали!»

За окном разливалась лиловая тьма, перебиваемая движущимися огнями фар.

До Министерства добрались мигом – на машине с сиреной и мигалкой. Рамзайере сказала, когда они подходили к подъезду : «Луи, спать сегодня, вероятно, уже не придется. Надо, пока у нас есть такая поддержка, использовать ее до предела.» Фюрне сумрачно шел сзади, думая о чем-то своем.

Лютц провел их а ту же самую комнату, где вчера еще смотрели тысячи фотографии. Фюрне заметно передёрнуло от вида этой комнаты. За компьютером сидел парень в форме РОК, комиссара полиции. «Отто Герхардт», – представил его Лютц. После представления все расселись за большим столом, на котором Лютц разложил бумаги из синей папки.

Начала совещание Рамзайер. «Вы, коллега Лютц, уже сообщили, что собирались нас порадовать. Но я, то есть мы» – она показала рукой на Фюрне – «хотели бы, чтоб наша встреча протекала следующим образом. Сперва Вы расскажете о том, что у Вас есть. Нас еще очень интересует содержание электронной почты убитого за последнюю неделю, то есть с понедельника до пятницы прошлой недели. Там, как уверяет наш свидетель, можно разыскать данные о том, как именно планировалось убийство. Но это только после Вашей информации.» Фюрне раскрыл блокнот, поискал глазами ручку на столе – заметив это, Отто протянул ему свою.

«Вчера мы долго искали, с помощью Вашего свиде-

ля...э...», – заговорил Лютц, поглядывая в записи перед собой. «Штернберг», – подсказала Рамзайер. «Да, Штернберга... Который рассказал, как он встретил своего старого знакомого из школы почти три года назад в Штуттгарте...» Рамзайер и Фюрне кивнули. Отто невозмутимо рассматривал обоих гостей. «...Затем свидетель Штернберг узнал своего знакомого по фотографии... Фрау юстицрат, я не буду снова объяснять, как мы составили список фотографий. Мой коллега Герхардт уже в курсе.»

Отто поглядел на Лютца и едва приметно улыбнулся. «Мы выяснили, что Sergey Burjak, так зовут этого человека, действительно был в Германии в командировке на фирме Edoko GmbH в период с мая 2010 по август 2010. Мы не нашли в наших базах данных отметки о выезде потому что он вылетал обратно через Париж, CDG – Charles de Gaulle Airport, до Минска. Данные рейса я Вам передам...» «Как Вы это узнали?», – перебила Лютца Рамзайер. «Пришлось запросить базу данных по перелетам в Европейском Союзе, слава богу, разрешение у нас было с самого верха. Там нас соединили с коллегами в Police Judissiere Франции. Они уже от себя сделали запрос в базу данных Gendarmerie Nationale, которая контролирует границу. В точности, как наша Bundespolizei. Так к нам попали данные на интересующего Вас человека...» Рамзайер хотела что-то сказать, но Лютц не дал: «...И еще – упомянутый Burjak был в Германии, снова приехал в командировку, в Дармштадт, как раз последние две недели – с вос-

кресенья. А в субботу, то есть позавчера в 15:35 он вылетел в Минск рейсом Lufthansa LH 1486...» Рамзайер не сразу ответила: «Значит, чисто теоретически, у него хватило бы времени на оба убийства.» Лютц согласился : «Получается так.» Фюрне вмешался, поймав невеселый взгляд старшей коллеги : «Я еще раз хотел бы обратить внимание на ту встречу, в парке у Hbf Stuttgart...» «Там, где сейчас Riesenbaustelle Stuttgart 21, большая помойка, вместо вокзала...», – насмешливо встрял Отто. Фюрне хмуро поглядел на него : «Я в данном случае не о стройке, а о парке.» «Парка там уже нет!» «Как нет!?» «Вырубил как раз в 2012», – невозмутимо проговорил Отто. «Да уж... Ну все-равно,...», – настаивал Фюрне, пока Рамзайер молчала, задумавшись – «Так вот, Штернберг упомянул, что этот его знакомый работал в IBM. Не помню, называл ли, как он к нему обращался, в смысле по имени...» Лютц ответил : «Мы, когда тогда давали свидетелю фотографию для опознания, имя и фамилию ему не называли.»

Рамзайер попросила : «Луи, откройте список в своем блокноте, там по номером девять...» Фюрне хлопнул себя по лбу : «Не догадался! Спасибо, коллега...» Он пролистал быстро несколько страничек : «Вот... Имя – Александр... Значит, обманул.» Ангелика покачала головой. Лютц глядел то на неё, то на Фюрне. «Этот «Сергей-Александр», как мы установили, родился в Москве...» «Точно!» – согласился Лютц, сверившись со своими записями. «...Закончил школу

в Lenigrad, который снова стал Петербургом, а в 90-е, то есть когда не стало UdSSR, перебрался в Minsk...» Лютц дополнил : «Но про школу, в которой он учился – то есть номера – у нас в записях нет».

Он возрился на Рамзайер. Та объяснила : «Ничего необычного нет. Он попал в базу данных к нам, как лицо, въехавшее по бизнес-визе. Для ее оформления никаких данных, кроме нынешней работы и цели визита в Германию, не нужно. К тому же, он мог вполне сменить не только имя, но и фамилию после того, как уехал из Петербурга. Это не правонарушение. Точно так же, он назвался Штернбергу именем, которое носил в бытность в Lenigrad. Никак не привыкну к этому названию. Но главное – мы можем проверить, был ли такой сотрудник в IBM в указанный период времени.»

Рамзайер посмотрела внимательно на своего напарника : «Коллега Фюрне, Вы тогда займитесь этим. Во Франкфурте, в Fgarrort, Вам надо будет расспросить смену, стоявшую в субботу на пограничном контроле. Так же найдите экипаж самолета, выполнявшего рейс в Минск, стюардесс. Господин Лютц, простите, что мы говорим не с Вами, нам минут пять еще надо, чтобы обсудить.» «Фрау юстицрат, занимайтесь Вашими делами столько, сколько Вам необходимо!», – Лютц устало махнул рукой. Ангелика озабоченно кивнула ему и Герхардту.

«...Значит, еще раз, Луи. В Bundespolizei я позвоню завтра с утра и договорюсь насчет Вас. С тем, чтобы Вам не надо было искать самому и обойтись без лишних бумаг. Но поездки во Франкфурт Вам все-равно не избежать. Теперь с «Люфтганзой». Придется оформить командировку. Я сейчас найду Маню и, если она еще на месте, то попрошу ее напечатать для Вас предписание. Я думаю еще, с какими полномочиями!?» Фюрне ухмыльнулся : «Просто текста, вроде «...für die Vernehmenug bevollmächtigte Polizeibeamte, Rang, Name» недостаточно!?»

Рамзайер разглядывала Фюрне, наморщив лоб : «Луи, надо на всякий случай оформить Вас как полномочного представителя следственной бригады на выезде. Тогда Вам не надо будет каждый раз сноситься со мной и ждать разрешения. Погодите, я Мане скажу.» Фюрне почесал над бровью.

Рамзайер отошла в угол комнаты и прижала к уху мобильник. Видно ей ответили, так как она тихо заговорила, время от времени выискивая глазами Фюрне. «Отлично, Маня!» , – сказала Ангелика так, чтобы было слышно напарнику : «Оставьте на моем столе..Только прикройте чем-нибудь.» Он рассмеялась и вернулась к столу : «К девяти у пойду к директору управления, Вы тоже будьте наготове – вдруг он захочет у Вас что-то выяснить. Не выдавайте, что Маня сидела допоздна – он возражает, чтобы эксплуатировали мо-

лодых сотрудниц.» Отто, неслышно что-то пробормотал.

Рамзайер и Фюрне подсели снова к ближе к хозяевам кабинета. Рамзайер начала: «Коллега Лютц, еще одна вещь, которую мы должны сегодня решить. Получено разрешение на проверку почты убитого. Как я Вас поняла, для этого не обязательно тащить к вам компьютер.» «Совершенно верно!», – подтвердил Лютц : «Нужен только электронный адрес, как говорят, IP-Adresse. Нужен также пароль, по которому владелец компьютера открывал почту. И мой сотрудник Отто Герхардт будет с Вами этим заниматься...» «Коллега Рамзайер,», – сказал Фюрне : «Боюсь, что у нас нет паролей. Только IP.» Ангелика переспросила : «Этого недостаточно?» – и обвела всех глазами. «По IP мы можем определить, какой провайдер, иными словами, какая компания подключала компьютер к интернету. Но дальше надо обращаться к провайдеру, чтобы они предоставили все пароли к сетевым ресурсам, к электронной почте, в частности. Тот ресурс, на котором «сидел» ваш подопечный...» «Что значит «сидел»?», – не поняла Ангелика. Фюрне пришел на помощь : «Ну этот тип участвовал во всяких дискуссиях на так называемых форумах. А эти форумы, иначе сообщения, которые участники посылают друг другу, хранятся не на домашнем компьютере, на сервере...» «Ага, то есть, на основном!? Вроде телефонной станции...» Герхардт и Фюрне переглянулись, Лютц улыбался : «Очень точно заметили, фрау Рам-

зайер. То есть, все сообщения записываются где-то на большом компьютере. А потом, по команде с домашнего, сообщение, направленное от собеседника хозяину этого домашнего компьютера, посылается на него по электронной почте. И в почтовый сервер приходит сообщение...» «Я поняла! Не стойте! Давайте дальше!» Вступил Отто : «... И пользователь, который сидит дома, открывает сообщение, читает его и пишет злобный ответ...»

Лютц, усмехнувшись, возразил : «Не всегда злобный. Но ответ.» Отто продолжил : «... когда нажимается кнопочка на экране «Senden» или «Send», то это сообщение уходит на сервер в форум. Если получить доступ к серверу, на котором сохраняется форум, то по IP можно сообразить, откуда, с какого компьютера, пришло сообщение. То есть, нашему клиенту прислали ответ с форума. Мы вскрываем форум – по IP сортируем сообщения дл нашего клиента, а в этих сообщениях есть еще дополнительный IP, который указывает, кто именно послал сообщение...» Отто мелко потряс головой, поджав губы. «Фрау юстицрат, Вы поняли?», – терпеливо обратился Лютц к Рамзайер. «Да, в общих чертах... Значит, нам с моим коллегой надо обратиться к провайдеру. Ему будет достаточен IP-Adresse, который мы уже имеем, и провайдер, точнее тот, кто обеспечивает связь через интернет, выдаст нам адрес электронной почты, а по нему все сетевые ресурсы, к которым наш клиент обращался!? Так!?» «Имен-

но так!!» – оживленно подтвердили одновременно Лютц и Герхардт. Лютц уточнил : «Мы не имеем права сами ковыряться на чужих серверах. Только с разрешения...»

Ангелика воскликнула : «Так вы имеете доступ к ним!?!» Лютц неохотно ответил : «Да! Но нам нужно разрешение от провайдера.» Рамзайер переглянулась с Фюрне : «Тогда давайте сделаем так! Мы принесем вам разрешение на обработку персональных данных на сетевом ресурсе – я правильно сказала!?!..» – «Да!», – кивнули оба, Лютц и Отто – «И вы, имея разрешение на руках, быстро для нас все вскрываете!?! Идет!?!» Лютц несмело возразил : «Нужно разрешение от нашего руководства.» «Будет! Вы сомневаетесь!?!», – поддразнила его Рамзайер. Тот с некоторой натугой усмехнулся : «Если Вы, фрау юстицрат, этим занимаетесь, не сомневаюсь!» «Тогда,», – поставила точку Рамзайер : «завтра, до полудня у вас будет разрешение, и я прошу, как можно быстрее, нам все сделать. Странно, конечно, почему полицию называют тако всесильной!?! Мы вас не станем сейчас отвлекать от других дел... Кстати, еще раз, большое спасибо за данные по персоне! Это нас сильно подвинуло в расследовании.»

Рамзайер встала, следом поднялся Фюрне. За ними – хозяйева. Ангелика задержалась у двури : «Чуть не забыла – у вас есть переводчики с русского или вам он нужен?» «Хороший вопрос», – отозвался Лютц. С минуту он подумал,

глянул на Герхардта и сказал : «Лучше, чтоб был от вас» «Konstantin Kreuzhof, личный номер I – ... Он вам позвонит и еще раз уточнит, что именно вам нужно.» Лютц оторвал листок от стикера, записал, сунул в синюю папку. «Я сообщу на вахту. Надо бы направление тоже, но можете прислать позже.»

Садясь в машину, Рамзайер, сокрушенно вздохнула: «Еще один день и практически ничего. Одна бюрократия.» Фюрне уже думал о предстоящей поездке во Франкфурт и не ответил. Молча доехали до управления. Там Рамзайер, сославшись на срочное на несданное оружие, оставила Фюрне одного..

...Вторник начался с беготни. Найдя под стопкой чистой бумаги Манину записку, Ангелика отправилась в к директору. У того только что открылось совещание, но Ангелика настояла, и секретарша, Кордула, позвонила, почти сразу встала, приоткрыла дверь в кабинет и ненадолго исчезла там.

Поблагодарив вышедшую Кордулу, Рамзайер ринулась к себе.

...Пальцы Фюрне проворно бегали по клавиатуре. «Луи, вот ваша направление.», – протянула ему подписанный бланк Ангелика. «Теперь я звоню в Bundespolizei, как вчера договаривались. Вы прямо сейчас заказываете машину,

которая отвезет Вас во Франкфурт. Передайте мне то, что записали вчера к себе.» «Я как раз все перепечатал, только проверю и тотчас отправлю Вам по служебной почте.» Ангелика просияла: «Молодец Вы, Луи! Поставьте в рассылку еще и Маню.» Фюрне наклонился над клавиатурой, щелкнул «мышкой». «По Люфтганзе...», – напомнила было Рамзайер, Фюрне закончил фразу : «...в аэропорту есть генеральный представитель компании. Я позвоню ему сразу, как выясню с выездом. Только бы стюардессы не загорали где-нибудь в DomRep...» «Луи, я вижу, что Вам не надо ничего подсказывать! Не удивлюсь, если Вы скоро станете руководить мной.» Фюрне отмахнулся в притворном страхе : «Фрау юстицрат, боюсь, чтоб Вы мене не переоценили...» Она перешла на серьезный тон: «Луи, с пограничным контролем необходимо прояснить как можно скорее. Показания стюардессы или стюардов , хотя женщины всегда более наблюдательны, не так важны. Правда, кто знает!?»

Ангелика взялась за телефон, искоса наблюдая за напарником. Тот тоже снял трубку и заговорил, повернувшись вполборота к Рамзайер. Ангелика услышала голос помощника шефа Bundespolizei Дитера Романна, любимца министра Фридриха. Она едва принялась объяснять, как голос в трубке сменился энергичным, принадлежавшим человеку, привыкшему командовать, а не к тишине, располагавшей к политическим интригам. Оказалось, что Романн не оставал-

ся в неведении относительно решений министра.

Обошлось без бумаг и направлений – Ангелика назвала своего напарника помощнику, с которым после короткого разговора вновь соединил ее Bundespolizeipräsident. Рамзайер управилась со своим звонком еще быстрее, чем Фюрне. Положив трубку, она с любопытством прислушалась к тихому голосу молодого комиссара. Ангелике стало неудобно за подслушивание, и она переключилась на обдумывание, как построить разговор с шефом SE Info & Kommu Полицией-Президиума Берлина по поводу обращения к провайдеру, как зазвонил телефон. Ангелика посмотрела на дисплей – Nummer unbekannt, номер неизвестен. Она с некоторой опаской подняла трубку.

Голос в ней напомнил о себе не только по репортажам о политиках, но и по пятничному разговору. Она сделала знак Фюрне – тот исчез за дверью, тихо ее притворив. «... Фрау Рамзайер!? Мне важно узнать, насколько я смог Вам помочь!» Если бы Ангелика присутствовала на заседании Bundesregierung, она бы не поверила метаморфозам голоса. Тем не менее, звонок оказался как нельзя кстати.

«Господин министр! Я хочу Вас поблагодарить за помощь! Расследование продвинулось заметно вперед. Я бы хотела, коль так случилось...» – в трубке засмеялись сво-

бодным смехом: Ангелика улыбнулась, представив господина Фридриха, рассматривающего одновременно с разговором документы из-под очков – «...попросить еще Вашей помощи...» Она мучительно стала подбирать слова, чтобы объяснить министру то, что она впервые услышала вчера от современных, куда более технически образованных сотрудников EDV. Не рассказывать же министру в самом деле тонкости интернета!? Она произнесла лишь одну фразу, упомянув посещение министерства.

Это был действительно министр, политик, мгновенно схватывавший суть любого разговора. «...Фрау Рамзайер, я дам распоряжение руководителям департаментов, чтобы все Ваши запросы исполнялись тут же, без промедления. Я был очень рад услышать Вас и узнать, что Вы успешно ведете расследование. Кстати, как Ваш помощник? Справляется?» «Я еще раз хочу Вас поблагодарить, господин министр! С такой помощью даже сама мысль о неуспехе невозможна. Со мной вместе работает КОК Фюрне. Я счастлива иметь такого помощника, даже скорее напарника. » Голос министра излучал удовольствие: «Фрау Рамзайер, я очень благодарен Вам за Ваши усилия! И Вашего напарника мы не забудем! Успехов! До свидания, фрау юстицрат Рамзайер! Auf wiederhören, Frau Justizrat Ramsaier!» В трубке загудело.

Ангелика произносила и воспринимала фразы благодар-

ности привычно, но из услышанного она сделала довольно неприятный вывод – понадобился еще один звонок министра с уверениями в том, что все его распоряжения исполняются беспрекословно и незамедлительно. Что, очевидно, являлось излишним, если бы так происходило на самом деле.

А второй вывод стал совершенно ясным – министру необходимым и срочным стало как можно более быстрый результат расследования.

Значит, не оставалось ничего другого, как завершить расследование успешно. От этого зависела уже и судьба, не только карьера, молодого комиссара Луи Фюрне. Редко бывает так, чтобы попасть под пристальное наблюдение самого высокого руководства при первом деле в самостоятельной жизни. Поэтому каждый шаг молодого коллеги должен был быть выверенным и безошибочным и ответственным за него была уже Рамзайер. Её страшило такое внимание к себе, но, как она уже объясняла коллеге, в таком внимании были и огромные плюсы.

Ангелика вышла в коридор – Фюрне не терял времени: он одновременно говорил по мобильнику и, наклонившись, записывал на стикере, прижатом к коленке. Увидев Ангелику, он кивнул, мол, сейчас. Она просто показала коллеге на дверь и вернулась в кабинет.

Фюрне вынырнул буквально через несколько секунд. Ан-

гелика взяла сразу его в оборот : «Луи, Ваше направление у Вас уже есть. Все разрешения и распоряжение полицейским коллегам на любую помощь получены. У Вас очень важная задача. Информлируете меня без задержки, как только что-то узнаете. Теперь относительно комиссара Йеннингера. Вы, Луи, пока ничего ему из того, что мы узнали, не сообщайте – у него много других дел, а нашими сведениями мы пока вряд ли ему поможем. Еще: разыщите смену Bundespolizei, которая дежурила в тот день, когда прибыл «Sergey». От них узнайте, помимо подробностей в облике, куда и к кому он приезжал. Записываете!? То есть, фирму и ничего больше. Разумеется, от какой фирмы. Правда, не в Европейском Союзе нам искать не разрешат, да и сотрудничество с ними затруднено. Поэтому обратите внимание только на фирму, которая пригласила. Вы только сообщите мне, а как с ними разговаривать и о чем расспрашивать, мы решим чуть позже. Потом – постарайтесь найти отель, если он жил в отеле. Дармштадт не так велик, там их не больше десятка. Может, конечно, он останавливался во Франкфурте – ведь он же посещал кафе вечером в день убийства. Как приедете во Франкфурт, сразу идите в Полицей-Президиум, я прослежу, чтобы там Вам оказали помощь. При любом отказе сразу звоните. Об IBM, где он якобы работал... У меня здесь сомнения, потому что такая фирма обычно не берет сотрудников на три месяца. Вероятнее всего, это какой-то проект, который куда дешевле, если отдать его иностранцам. В компа-

ниях, вроде IBM, неохотно идут нам навстречу. У них, если поискать, нарушений столько, что их можно оштрафовать, если не совсем закрыть, за нарушение всех существующих законов, начиная от неуплаты налогов. Но тут мы не можем, к сожалению, ничего сделать. Придется действовать формально – брать разрешение на поиск в базах данных Ведомства по труду, Amt für Arbeit, а там искать, что за фирма пригласила. Если, конечно, они все эти данные не уничтожили. Это с Вами, Луи. Вы все поняли!?»

Фюрне дописал, захлопнул блокнот. «Фрау Рамзайер, давайте, для надежности внесу план моей поездки в виде ToDo в компьютер, разошлю по вам всем. А Вы будете иметь возможность его корректировать!?» Ангелика не стала возражать : «Да, конечно! Вы, Луи, уже знаете время, когда отправляетесь?» «В одиннадцать тридцать, отсюда, с нашей парковки. Они мне позвонят, как приедут. Мы еще должны заехать ко мне домой, а то у меня с собой только то, что на мне. Пообещали доехать быстро и без нарушения правил движения.», – Луи сдержанно улыбнулся.

Ангелика замечала порой недоверчивость напарника. Она объясняла её, скорее, различием в происхождении, чем в возрасте. Но об этом Ангелика предпочитала не думать, зная, что первое являлось куда большей причиной для недопониманий, чем декларировалось официально. С коллегами

могло быть единственным средством ломки отчуждения – доверие в мелочах. Все-равно любое, даже самое огромное дело состояло из мелких деталей, движений и зачастую не удавалось тоже только из-за мелких ошибок, обид, несогласованности.

Поэтому она подробно осветила то, чем станет заниматься, пока будет отсутствовать ее коллега. «...Луи, я, как Вам уже говорила, получила все разрешения с благословения с самого верха...» Ангелика подождала, давая Фюрне возможность понять, почему она выпроваживала его из кабинета – Фюрне понял. «Я отправлюсь в EDV, как только провожу Вас. Очень надеюсь, что надолго не затянется, и мы сегодня-завтра найдем путеводную нить к убийце/» Фюрне слушал внимательно. «Коллега Рамзайер,» , – он обратился так, чтобы снять с Рамзайер напряженность, еще пока не рассеявшуюся со вчерашнего дня: «я допускаю, что даже IP – Adresse не даст нам точного адреса. Есть такие Proху, из-за которых постоянно меняются эти IP. И я готов уже к долгой и нудной работе.» Ангелика рассмеялась : «Луи, Вы все-равно молодец. Если нам удастся довести дело до конца, я предрекаю Вам блестящую карьеру. Вы вполне заслуживаете её...»

...Рокотаев вернулся в консульство, зная что делать. Нынешнее происшествие как нельзя лучше способствовало формулированию единственно верного плана. Итак, надо

было всего лишь, вместо запланированных «акций» – Рокотаев снова посмеялся в глубине души над усвоенным им нехарактерным словом – нарисовать картину широко задуманной и внедренной сети, опутывающей по-крайней мере Германию. Ему не нравилось нарушать тот принцип, по которому тайная деятельность не направлялась из самой страны пребывания, но после размышления Рокотаев решил, что фиктивность организации будет лучшей защитой для него самого. Он, при всем, самом активном участии, не считал свое пребывание вне России завершенным. Да и за много лет, когда каждое возвращение в Москву становилось лишь короткой паузой перед очередным отъездом – иной раз в «никуда», с самыми малыми шансами остаться в живых. Рокотаев отчасти привык к спокойной жизни вице-консула и даже снижение объема работы он оценивал не иначе, как заслуженный им давно отдых. Он, и это вьелось в его натуру, тем не менее постоянно был готов к самой резкой смене деятельности и места пребывания.

Все-таки он так сильно привязался к Франкфурту, не такому вбалмошному, суматошному и беспорядочному как Кёльн или не такому показному деловому, как имперский Берлин. И Рокотаев очень хотел задержаться во Франкфурте, который он еще не успел узнать.

Консульство было пустым – консул даже и не приходил

сегодня. Валера, как Рокотаев понял, машинально постучав в дверь, был, как обычно, на месте и, как обычно, сидел перед монитором. «Опять, подлец, фашистов стреляет...», – Рокотаев ухмыльнулся, открывая свой кабинет.

Он включил компьютер, позвонил Мише – никто не ответил, но пока что Миша не был нужен. Рокотаев достал из сейфа почту, привезенную Валерой из Бонна и разложил бумаги на столе.

Сведения о бизнесмене, одного из двух которых просил проверить московский гость, оказались очень обширными. Из этого «делового человека» необходимо было сделать держателя финансовых средств и «почтовый ящик» для многих агентов, якобы наводнивших Европу. Схема, которую предстояло подбросить «западникам» виделась достаточно простой – из Центра должна была прибыть директива с заданиями агентам, осевшим в Германии, и, что стало бы самым сильным доказательством, попади они к контрразведке (а именно это и становилось целью всего задуманного предприятия), расчетные листки с оплатой исполненных заданий. Здесь, разумеется, нельзя было переиграть и пускать «партнеров» по совсем ложному следу. Рокотаев рассчитывал на уверенность оппонентов в здравом смысле русских – в том, что русские не станут «засвечивать» собой страну пребывания. Поэтому он задумал связаться с коллегами в Италии, которая всегда была весьма лояльной к неофициальной ак-

тивности иностранных дипломатов. Составленная им директива передавалась некоему доверенному лицу, а этим лицом, в свою очередь, переправлена напрямую «финансисту сети». Лучшего кандидата на доверенное лицо, чем Георгий, нельзя было найти. А сама директива вручалась Валере, который ее должен был передать из рук в руки старому проверенному знакомому, не раз пересекавшего тайные пути Рокотаева на службе Державе. Главным было то, что «итальянский» сослуживец имел незарегистрированные в консульстве конверты диппочты, которые проштамповывались, также не попадая в журнал регистраций исходящих бумаг, и пересылались по назначению. В непредвиденном случае от содержимого такой «диппочты» всегда можно было отказаться и, кроме внеплановой проверки сохранности конфиденциальных документов консульства, не имело никаких серьезных последствий.

Рокотаев вызвал Валеру и проинструктировал, чтобы его пассажир ни в коем случае не увидел переданных Валере бумаг. «Итальянец» знал лично Валеру, потому не требовались лишние процедуры с паролями и отзывами. Всего-то надо было вручить эти четыре листа, а потом передать их, уже в официальном конверте, юноше. А там уже все шло своим ходом.

Полученное от Миши до отъезда в Полицей-Президиум

сообщение содержало, что некто с известного мобильного номера позвонил по телефону, который, как явствовало из донесения Дитмара, принадлежал службе наблюдения BND.

Звонили с мобильного, принадлежавшему Георгию...

Это обстоятельство сыграло, как ни странно, полностью на руку Рокотаева: Георгия откомандировывали в Милан, там он получал спецпочту на свое имя. Это облегчало информирование заинтересованных кураторов. А в том, что Георгий не замедлит поделиться с ними, Рокотаев не сомневался. Один тот факт, что мальчика так быстро, едва он успел прибыть в Германию, «зацапали», свидетельствовал о его невысоком уме. Таким «кротом» можно было пожертвовать без сожаления. «Спалился» на какой-нибудь бл..., ну и пусть послужит правому делу, со злорадством подумал Рокотаев. Правда, оставался нюанс, чтобы почта не просто была взята, а еще и попала этому Крицкому, который решил раньше времени, что получил право наслаждаться вольной жизнью на «Германщине». «Нет, мальчишки, вы не с той конторой связались. Мы вам устроим веселые каникулы. До конца жизни будете помнить.»

Рокотаев набивал текст быстро, улыбаясь и напевая.

Сама директива софрмулировалась без затруднений : все-

го лишь несколько строчек о распоряжении перевести указанным ниже в приложении лицам, разумеется, с полными адресами, средств в долларах на указанные ими счета.

Доллары Рокотаев поставил сознательно, потому что расчеты в иной валюте, пусть и такой значимой, чем евро, всегда вызывали более пристальное внимание фискальных органов любой европейской страны, а уж таких, как Франция и Германия, в особенности.

Сочинение правдоподобной подписи требовало особой внимательности, но у Рокотаева хранилась не одна подобная директива и соорудить похожую было нетрудно. Он некоторое время колебался, но решил, что раскрытие подписывающего лица мало кому навредит. Наверняка, у «партнеров» набрался хороший банк данных образцов подписей. Да и годы правления алкоголика тоже не прошли для «партнеров» даром. К тому же, документ сочинялся с заведомой целью стать известным тем, к кому он в нормальных обстоятельствах попасть не мог. Рокотаев был уверен и в том, что оппоненты не слишком высоко оценивали нынешнюю Службу, утерявшую былую хватку, и не рассчитывали на быстрое раскрытие «крота». Наоборот, доверие к мальчику должно было повысить вероятность быстрого попадания важнейшей информации в нужные руки. Конечно, оставался риск переиграть и тут, но на стороне Рокотаева был быстрый темп проведения операции, не дававший времени задуматься над пу-

тями овладения секретами противника.

Итак, курьер был определен. Оставалось отдать распоряжение о выезде так, чтобы оно не шло от Рокотаева лично и даже не от представительства Службы в Германии. Для этого у Рокотаева был другой, сильнейший, аргумент, который надо было еще тонко пустить в ход. Рокотаев решил не форсировать события, а пока что закончить текущие занятия.

Список «агентов» он составил очень легко: взял личные данные на десятка три людей, вставших на консульский учет в посольстве бывшей «братской» Украины. Такие данные «братья» поставляли без особых угрызений совести. Просили только передавать наличными. Недорого – за три-четыре тысячи евро за одного человека. Если были данные об образовании – в виде копии диплома, иногда с заверенными переводами на немецкий -, удовлетворялись дополнительной тысячей. Еще одна тысяча шла на оплату сведений о банковском счете. Последние приходили до примитивности просто : перед выдачей новых паспортов «Незалежной» требовалось – в целях борьбы с коррупцией консульских работников – перевести оплату на счет посольства, и многие переводили со своих личных счетов. Именно эти счета и стоили той лишней тысячи. Особенно ценными были данные о месте работы. Для получения паспорта – и таков был порядок во всех «странах»-осколках развалившейся Державы – тре-

бывалось подать сведения о работе, и многие, не задумываясь, писали, вероятно из тщеславия, подробно о своих успехах. Некоторые, что было для Рокотаева совсем уже необъяснимым, даже вписывали служебные телефоны.

Но теперь Рокотаев совсем не жалел о потраченных, довольно внушительных, деньгах. Иногда удавалось, вместо траты денег, сводить дипработников «братской державы» на специфические представления. Они предпочитали шоу на Елисейских полях или Moulin Rouge. Билеты до Парижа часто списывались по графе «Представительские», а сами шоу и ресторан Рокотаев оплачивал из своих, что в целом обходилось дешевле покупки целиком «пакета сведений».

Также предлагали, совершенно не таясь, подобные услуги и в новоткрытом во Франкфурте, недалеко от Zeil, генконсульстве другой «великой» державы – Казахстана. Но Рокотаев решил пока не пользоваться их «помощью». Не только из-за того, что граждан Казахстана было слишком мало – большинство покинуло «землю предков» в начале 90-х и стали полноправными немецкими гражданами -, но и больше из-за того, что в отношении Казахстана не была сформулирована четкая политическая линия.

Рокотаев собрал в списке людей разных: по возрасту, месту происхождения. Но преимущество он отдавал тем, кто

имел высшее образование, работал, имел семью. Особо он отмечал получивших высшее образование в Германии или США. Станным образом – «будто, кто за язык тянет, только дай выставиться», – недоумевал Рокотаев – несколько человек не удержались и выложили в пункте, где требовалось указать всего лишь семейное положение, подробные данные о своих семьях. С каким-то малоскрываемым удовольствием соискатели паспортов оставленной родины писали по-немецки имена своих немецких жен и мужей. «Вот идиоты. Таких только и посылать на подпольную работу», – веселился Рокотаев, вписывая очередного «агента» с его адресом и счетом. Злорадствуя, он писал и, выдерживая знакомые «партнерам» правила игры, краткое содержание задания, за которое переводили заслуженную премию.

За два часа список был готов. Всего вышло четыре листа. Рокотаев распечатал документ, проглядел его, заметил две опечатки в фамилиях, но, поскольку, ошибок в прочих данных не было, решил не переделывать. Запечатал его в пустой конверт, пришедший с диппочтой в Бонн. Затем стер все, что было «флэшке», запустил программу, сделанную для него специально Мишей, которая «чистила» – как это происходило, Рокотаев понимал смутно – оперативную память принтера. Для изготовления особых документов Рокотаев всегда пользовался компьютером без диска, создавая документ на «флэшке», и принтером, подключаемым только

к этому компьютеру. Миша предлагал установить программу, чистившую память автоматически после завершения работы, но Рокотаев настоял на запуске им лично, вручную – для полной уверенности. Этот лэптоп он запирает в том же сейфе, где хранил особой важности документы.

Было уже девять вечера. Рокотаев позвонил по телефону – Валера откликнулся со своего поста.

Предстояло обдумать разговор с Генеральным. Необходимо было убедить его послать секретаря своим личным распоряжением, чтобы тот не догадался о характере задания. Для сопровождения – и в этом не было бы ничего подозрительного – годился Валера. Более сложная комбинация вырисовывалась впереди. Секретарь должен был встретиться – лично! – с Крицким и вручить ему только что изготовленный им, Рокотаевым, документ. Одновременно – приходилось рисковать, но выхода не было! – дать задание Дитмару на проверку факта телефонных контактов по установленным номерам.

В том, что документ тем или иным способом попадет к заинтересованным лицам, Рокотаев не сомневался. На руку Рокотаеву сыграет и факт далекой командировки «спалившегося» сотрудника. Обычно раскрытие «крота» не происходит быстро традиционными оперативными мероприятиями. То, что посчастливилось так быстро об этом узнать, лишь

чистая случайность, которая почти никогда странным образом не учитывается людьми, не приученными спецификой службы, верить в чудеса. Поэтому и задание воспримут как доверие со стороны своих. Поэтому проявят и повышенное внимание к дальнейшему.

Вряд ли стали бы напрямую «палить» Георгия его кураторы – им достаточно созвониться, а потом проследить за его маршрутом. Присутствие Валеры их уверенность только подогреет, а визит к Крицкому укрепит уверенность в важности полученного документа.

Также надо было «подготовить» «бизнесмена» к предстоящей встрече, а, главное, убедить в ее неизбежности. После нее пусть этот Крицкий делает, что пожелает. Впрочем, как успел выяснить Рокотаев, читая его досье из Москвы, за ним остался немалый «должок» перед Службой, которая в свое время немало постаралась в облегчении проводки финансовых потоков на Запад через латвийские банки. Понятно, что терять легализованные немалые деньги «бизнесмену» очень не хотелось.

Комбинация Рокотаев состояла в том, чтобы убедить бизнесмена тут же пойти в полицию и рассказать о нажиме, не скрывая свой «роли» в предстоящей операции. В обмен на обнародование этой, без преувеличения, сенсации,

ему предлагалось сдать на милость немецкого государства и программы защиты свидетелей по особо важным делам. Крицкому для этой цели нетрудно было найти адвоката – уж их-то у Службы было везде! – что сумел бы сберечь для подзащитного часть денег, которые ему помогли «перебросить» с исторической родины. Рокотаеву пришло в голову, что стоило бы дополнить в документе специальный пункт о переводе некоторой суммы на счет Крицкому. Но, рассудив, оставил в документе все, как есть. Во-первых, задуманная комбинация это его личная, Рокотаева, инициатива, к ней его московские друзья отнесутся с недоверием, если не подозрением. Уже одно задание о составлении плана говорит о желании их подстраховаться. Разумеется, за счет тех, кем можно пожертвовать в Большой Игре за Власть.

Рокотаев решил осторожно разыграть свою игру. В досье были приведены и некоторые счета в Kommezbank на имя Крицкого. На этот счет надо было вскоре – хорошо бы через день-два – после визита Георгия – перекинуть тысяч сто евро. Деньги на оперативные нужды как раз лежали в почте из Бонна, вместе с оружием. Рокотаев только не хотел в отчете даже намекать на подобное действие. Такую сумму было вполне реально раскидать по нескольким статьям, вроде оплат разовых услуг. Например, рискнуть раскрыть Дитмара, как важного осведомителя в коммуникационной компании и показать выделение пары десятков тысяч ему. Об

отказе Дитмара от получения денежной награды он распространяться, конечно, не будет, да и деньги окажутся нелишними. В общем, выкрутиться можно. Напрягать Ульриха и подставлять под преждевременный удар его фирму, Рокотаев не считал пока неизбежным.

А для «нажатия» на Крицкого годится и обещание ознакомить Finanzamt с внушительными переводами в почивший в бозе Parex Bank. Правда, беседу такую надо будет провести до получения директивы и, ни в коем случае, не в Германии. Встреча Рокотаева с «бизнесменом» тоже исключалась. Приходилось «оживлять» законсервированную агентуру, но тоже не в Германии.

Рокотаев набрал номер. «...Коля! Привет! Как скатался?...», – спросил он с напряженным ожиданием в трубку. Там ответили коротко. Рокотаев облегченно ответил : «... Придется тебе, Коля, скататься, теперь уже в belle France... Сначала в Страсбург, встретишь человека, возьмешь кое-что. А потом дуй в Марсель... Ты где сейчас? Ага. Не успел еще до дома доехать!?! А что делать!?! Служба у нас такая... Тогда вставай на автобан и дуй прямо через мост. Адрес и позывные слушай...». Рокотаев произнес дальнейшее, машинально приглушив голос и прикрыв рот ладонью. «Так. Хорошо. Что тебе надо делать, ты, наверное, понял. Лишнего не спрашивай, там тебе все скажут...» Николай ответил.

«Ксиву свою настоящую не свети. Тебя встретят как своего. И выполняй все по инструкции.» Рокотаев, слушая собеседника, усмехнулся : «..Много им не давай. Звони, если срочно по...» Рокотаев назвал номер Дитмара : «..и отпишись, куда – знаешь, как и что было. Бывай, Коля!»

Он очень не хотел втягивать Николая, тем более сводить его с Дитмаром. Рокотаев втайне надеялся, что до этого не дойдет, но был приучен за время своих неисповедимых путей ко всякому. Да и самыми непредсказуемыми, как это ни удивительно, были проверенные тысячу раз, соратники. И всегда неожиданно наступал момент, когда ломались самые крепкие...

Другого своего помощника Рокотаев еще не успел узнать настолько, чтобы подозревать в слабости и недоверием. В том, что он не откажется, рокотаев уже не сомневался...

Все-таки как своевременно случилось недавнее убийство! – Рокотаев не воспринимал его как чью-то личную трагедию, он давно уже рассматривал участвовавших в политических комбинациях людей частями механизма, который несет определенные потери. Рокотаев наскоро проглядел, перед выездом к немцам, материалы, чьим автором был убитый журналист, и не нашел в себе сочувствия к покойному. Теперь этот журналист стал уже сыгранным козырем в начатой игре и нужно было, чтобы это козырь не оказался

выброшенным зря.

Те, о которых они говорили с Михаилом в Штуттгарте, представлялись не такими важными. Затраты на их устранение превосходили разумные границы, да и они, в особенности, «Сиделец» из Швейцарии, при всей его значимости, был уже фигурой «отработанной», выброшенной в «отвал». Журналист, да еще и на неприкасаемой территории Германии, являл собой куда более перспективную по последствиям цель. Тем более, что его устранение не стоило ничего. Но этот случай Рокотаев решил преподнести московским подельникам как спланированный под его руководством. Журналист малозначительного издания превращался, судя по сегодняшнему ажиотажу, в ферзя.

Заперев кабинет, он зашел к Валере и даже не поинтересовался, по обыкновению, успехами в Wolfenstein : «Валера, завтра едешь в Италию, на консульской машине. Машину поведет консульский шофер. Твоя задача – обеспечить безопасность. Там не торчите и сразу обратно. Как можно быстрее, но и не лихачить.» Тут же он коротко повторил то, что надо было сделать Валере. Валерино лицо не дрогнуло, он только кивнул. Он уже знал, раз шеф не называет пункта назначения, что его миссия – в сопровождении и пользовании оружием без ограничения. «Есть. Иду чистить перья.» Так Валера называл процедуру подготовки – чистка и пристрел-

ка оружия в тире, получение боекомплекта, проверка бронжилета, машины, средств связи – обычной и экстренной, спецаптечки... Много чего еще требовалось для защиты дипломатических машин такого, что мало понятно посторонним. Но и один Валера стоил хорошего взвода полицейского спецподразделения.

Рокотаев вышел наконец на улицу. Темень пробивалась яркими желтыми лампами, освещавшими консульство. Он глянул в здание на углу, ближе к Berkersheimer Tor, и показалось ему, что на четвертом этаже в окне в эркере быстро задернулась штора, оставив тусклую световую щель...

Рокотаев усмехнулся от наваждения, преследующего его постоянно на его работе.

Вдыхая еще теплый, но пронизанный холодными струйками ночной воздух поздней августовской ночи, Рокотаев зашагал отвыкшими от нагрузки ногами, чувствуя сладкую боль в распрямлявшейся после многочасового сидения спине...

...Он сунул машинально в рюкзак ни разу еще не раскрытую 'Varusschlacht', выходя на встречу с Лангером. Он редко уже читал в своих разъездах. Суэта вокруг него перестала быть необходимой для сосредоточенности, как бывало

прежде. Он гораздо лучше помнил прочитанное им в поезде, автобусе, метро и со временем понял, что не мог настроиться для чтения дома. Он одно время пытался читать в кафе, но не мог приучить себя к неспешному выпиванию холодного кофе небольшими глотками. Но все-равно продолжал брать с собой что-нибудь, во что можно углубиться хотя-бы на десяток минут.

Спустившись к подъезду, он еще раз осмотрел себя и двинулся к туннелю станции Frankfurter Berg. Ожидание встречи с прошлым немного угнетало его, и он постарался отвлечься, рассматривая Таунус, хорошо видный в прозрачном воздухе.

Der Alte Flughafen за Ниддой был полон сидевшими за столиками и гулявшими по растрескавшемуся бетону взлетной полосы. Он вошел на территорию через мостик и сразу увидел Лангера.

Тот сидел одетый в велосипедный костюм, в одиночестве за столиком под стеной бывшей аэродромной контрольной башни. Он замедлил шаги, неспешно огляделся и пошел вдоль ряда столиков, будто ища места. Оказавшись напротив Лангера, он поднял взор, встретился с внимательными глазами Лангера и остановился: «Darf ich zusetzen?» Сидевший подвинулся, и он сел рядом. Какое-то время он изучал меню и спросил так, чтобы для посторонних казалось, будто он

спрашивал совета : «Was gibt's heute zu trinken? Können Sie was empfehlen?» Лангер отозвался низким хрипловатым голосом, совсем не тем, каким говорил в кабинете: «Ich würde ein Paar Bierle nehmen...» Он подозвал официанта и заказал Hefe Weizen. Заодно справился у соседа: «Machst du mit oder?..» Лангер выбрал то же самое.

Сидели молча, оглядывая людей вокруг, и время от времени осматривая друг друга. Он нашел, что Лангер мало изменился с того ошеломленного парня в пустыне. Они оба были похожими внешне, скорее спортивностью и более порывистыми, чем у большинства окружавших, движениями.

Как только официант отошел, Лангер нарушил молчание : «Erinnerst du dich an den Typ, der uns damals entgang?» «... Der im zweiten Auto saß!?!», – уточнил он. «Eben!» «Was ist mit dem?», – посмотрел он внимательно на Лангера. Тот колебался: «Er ist mir vor paar Tagen hier angetreten. Willst du mir damit helfen?» Он опустил голову и стал рассматривать свой рюкзак. Лангер ждал. «...Was willst untereheimen? Was könnte ich tun?», – он начал понимать, куда клонил Лангер и своим вопросом вызывал его на большую откровенность.

Разговор давался Лангеру с трудом. Он снова произнес нейтральную фразу : «Es geht um mich, daß ich von der Vergangenheit loswerde...». И снова замолчал. Он изобра-

зил провокационное недоумение, хотя ему уже все стало ясно : «...Dich sollte der Typ wohl gut im Gedächtniß einprägen lassen. Ich verstehe immer noch nicht, warum du dich vom Fleck berührtest!?» Лангер зло возразил : «Das war nicht meine Sache».

Он снова посмотрел внимательно на собеседника, удивленный тоном его голоса. «Gut! Was schlägst du vor? Sollen wir den Typ irgendwie neutralisieren!?» Лангер будто что-то прикидывал : «Ich habe mich für ein Treffen verabredet. Es wäre herauszufinden, wie der Typ uns nie mehr besorgt...» Он спросил, не скрывая ничего: «Also, deckst du dann die ganze Sache hinterher!? Du wießt selbst, wie man uns auf die Spuren losreißt.» Лангер смотрел прищурившись : «Hierüber möchte ich mit dir reden. Aber nicht da. Wenn du grundsätzlich einverstanden bist, laufen wir dann und besprechen das Weitere...» Лангер подозвал официанта и рассчитался за обоих. Он вышел из-за стола, ожидая пока Лангер возьмет велосипед.

Они направились от аэродромного поля, через Bonames, к трассе S-Bahn в направлении Wommrsheim. По пустынной дороге их обгоняли изредка одиночные велосипедисты.

Его чуть удивляло, как деловито Лангер и он обсуждали убийство незнакомого человека, но он тем не менее внимательно слушал своего партнера поневоле. «...Der Typ

kommt ins Ostendepark, du sollst es wissen, wo das liegt. Zuerst untersuchen wir die Stelle im Voraus. Da gibt's eine sehr gemütliches Eckchen, wo keine Sau uns bemerkt. Bestimmt wird der Typ was sprühen, soweit es zu seinem Job gehört, aber den locke ich herbei, da es sein brennender Wille ist, mich zu ansehen. Dann kommst du an die Bühne und wir beide erledigen die Sache komplett. Kannst du Pistole immer gut bedienen?» «Natürlich, warum fragst dann!?!...» «Bist du auf jeden Fall mit meinem Plan einverstanden?» «Ja aber warum machst du das eigentlich? Ist sein Auftauchen so für dich tödlich?» Лангер едва не вышел из себя : «Was würdest du an meiner Stelle machen, wenn so ein Gespenst aus der Wüste kommt?» Снова шли некоторое время молча.

Он рассматривал Лангера с интересом и находил родственное в себе, убеждаясь в том, что предопределенное назначение не может никуда деться. Оно лишь отставляется на время в сторону, но именно оно управляет дальнейшими движениями, когда обладатель его стоит на перепутье. Он уже оставил это перепутье за спиной и сейчас его вел инстинкт. И он видел, что к своему перепутью подошел Лангер. Именно сейчас, а не тогда в пустыне. Просто Лангер – он видел это отчетливо – еще не ступал за Стену и потому каждый шаг давался ему с трудом.

«...Ты уверен, что этого еврея надо убирать!?!», – спросил он Лангера, уже не давая себе труда задуматься о том, чем

был тот переполнен. Теперь он сам превратился в машину, ведомую разбуженным инстинктом. «Ведь если за тобой началась охота, тебя скорее бы прибили по-тихому, а не после таких нелепых представлений.»

Лангер ушел в себя. Он отметил, что руки его не дрожали и уверенно вели велосипед. «Скорее всего, этот тип сам не уверен, что это ты и решил поглядеть на тебя вблизи.» Лангер отозвался окрепшим голосом : «Меня сначала удивило, как он смог найти меня, но для израильтян и всех прочих, кому надо, это труда не составляет.» Он в ответ только кивнул, приглашая этим Лангера на откровение. «...Я не стану тебе рассказывать, от кого могли узнать – ты и сам можешь догадаться – только спрошу еще раз: ты мне поможешь?»

Для него предложение Лангера прозвучало обыденным деловым вопросом, на которое он уже ответил так же, по-деловому: «Да! Конечно!» Но не смог удержаться, чтобы слегка не кольнуть – как это практиковалось в среде тех, кто бывал за Стеной – соратника так, чтобы тот не терял ощущения необязательной неизбежности успешного исхода : «Впрочем, тебя узнать было легко – у тебя ведь и тогда было бледное лицо. Да и волосами ты не сильно оброс.» Лангер вспыхнул на миг, но инстинкт уже управлял им, и Лангер ухмыльнулся: «Мне было некогда, да и приходилось, в отличие от вас, головорезов, содержать себя в приличном виде.»

Оба они рассмеялись и вмиг стали слаженным механизмом.

«...Ты его запомнил?», – спросил его Лангер. Он вызвал в памяти картину сдававшей назад машины, управлявшейся испугавшимся водителем, судя по судорожным вывертам колес. Тогда он не разглядел лица – оно скрывалось в сплошном белом пятне, но смог прикинуть как тот мог выглядеть. Очевидно, такого же среднего сложения, как и они с Лангером, но ничего более характерного он не вспомнил.

«Я до сих пор вижу его глаза. Лицо ничем не примечательно, даже не скажу, типичный ли еврей, араб или латинос. Но вот глаза – они внимательные, но из них выплеснулся страх. Я и сейчас узнал его именно по этому неконтролируемому страху от неизвестности...»

Он отметил образную наблюдательность Лангера, как тот точно нашел слова. Он видел такие глаза у людей в ту секунду, когда они понимали, что сейчас умрут. Он снова посмотрел на Лангера, но теперь уже как профессионал, оценивающий работу профессионала, и именно это замечание Лангера стало окончательным, сбрасывавшим отчуждение.

«...Опиши его поточнее», – произнес он. Его не удивило, что описание Лангера почти в точности совпало с представ-

лением об «объекте», которое он уже для себя сделал. «Роста как мы примерно. Чернявый, чуть с сединой, нос прямой, лицо продолговатое. Брови редкие, тоже с сединой. Губы тонкие...» «Я бы сказал, что это ты. Но ты, вроде, не еврей!?!», – усмехнулся он. Лангер улыбнулся одними губами. «Но он оставил одну, но очень бросающуюся в глаза приметку – он выбрит гладко и налысо пострижен. Не так давно, правда, недели две. Так что успел слегка отрасти. Иначе, откуда бы я знал, что он с сединой!?!»

Тем временем они миновали переезд и шли по дороге среди полей у Боммерсхайма. Мгла полуденной жары спадала, освобождая из белесой кисеи окрестности. Видны стали строения Ридберга и более далекие – Оберурзеля.

«...Они, точнее, он – захотел встретиться со мной. Я назначил встречу на в четверг и предложил Ostende Park. Ты там бывал!?!», – продолжал Лангер. «Да, не один раз. Там много укромных мест.» «Именно!», – обрадовался Лангер : «...Самое лучшее место для встречи – край, подпираемый Гогенцоллерн-Аллее. Отдельные рощицы со скамейками, а парк упирается в озерцо, за которым стена метра два высотой. За стеной деревья с кустарниками. Стену они закрывают. А слева брошенный каменный сарай, от него дорога вдоль всего северного берега большого озера. Там можно оставить машину, сесть на нее и быстро уйти на на-

бережную Майна. Потом перемахнуть через ...мост в Alte Sachsenhausen. Он набит людьми в любое время дня и года – сам, наверняка, знаешь – никто не обратит внимания. Как тебе?..» «Ты уже все спланировал...», – пошутил ли : «Какая моя роль?» Лангер сухо объяснил : «...Осмотреть намеченное место накануне, пути отхода. Мы должны затем осмотреть еще раз вместе. А во время встречи страховать меня...» Он воспринял как ссамо собой разумевшимся то, что Лангер употреблял терминологию, принятую в специфической среде. Приоткрывалась и завеса над неизвестной ему частью жизни Лангера. Впрочем, это его снова не удивило, когда он вспомнил обстоятельства, при которых встретил Лангера.

«Нужно оружие...» Лангер не сразу ответил : «...у меня есть незарегистрированный ствол.» Он так и сказал – «Rohr». «Пристелянный!?» «Он у меня с собой. Также и патроны...» Он спросил : «Ты с чем будешь?» Лангер быстро сказал : «У меня есть, тоже ‘чистый’.»

Теперь они понимали друг друга с полуслова, и снова эта связь укрепила его в схожести начальных обстоятельств их жизни. Больше им и не требовалось.

Но он все-таки вернул разговор к самому началу: «А почему ты так испугался, Племянник?» Лангер недобро окинул его взором. Он продолжил : «Ведь этот еврей не поленился сам прийти, чтобы встретиться с тобой. Ты не дума-

ешь, что в этом просто личная месть, но никак не охота на тебя. Может тебе нечего бояться!?» «Ты понимаешь,» , – подхватил разговор Лангер : «он в штате израильского посольства и мог быть откомандирован, чтобы разведать насчет меня. Евреи всегда очень щепетильны...» – Лангер выразился «pinkelig» – «...насчет убийства своих. Тем более, сейчас нет Сове́стского Союза, которого они опасались...» «...А тебе не кажется несоответствие между статусом этого типа и его, как ты считаешь, инициативой? Ведь ему почти столько, сколько и нам, то есть за пятьдесят. Человек в таком возрасте и всего лишь охранник посла!? Ну, может быть, начальник охраны израильского посла и где!? В Германии. В стране, где этому послу ничего не угрожает. Ты не думаешь, что этого типа просто сослали, как неспособного ни на что!? А после того, как он бросил своих подопечных там, в пустыне, ему уже нельзя было доверить ничего серьезного! То есть, если и бояться тут, то только что этот тип сделает какую-то глупость. Одну глупость он уже совершил – приперся, если верить твоим словам, с твоим же коллегой, причем по самому нелепому поводу. Он настолько туп, этот еврей, что не сообщил, что такого рода дела делаются не так!? Ну про твоего коллегу я уже молчу – видел его.» Лангер мрачно выслушал и, помедлив, сказал : «Я этого как раз и боюсь – дури. В Германии, надеюсь, про наше путешествие за экватор мало кто слышал. Очень надеюсь. Правда, остается еще твоя родина. По тому, что я слышу о происходящем на ней, твои бывшие

коллеги и начальники не столь щепетильны в хранении тайны и выложат все что-угодно.» Тут Лангер подмигнул ему и шепнул : «...за небольшую кучку баксов.»

Он должен был признать правоту бывшего «Neffe», но решил возразить до конца : «..Пока что нас с тобой не тронули, так что будем надеяться и не тронут. Но что тебе даст, если мы этого идиота выведем из строя?»

Ответ Лангера оказался сокрушительно прост : «Мне просто хочется дожить в покое и перестать вздрагивать от шороха, как в пустыне...» Он не смог не оценить его правоты и так же просто ответил : «Тогда и говорить много не будем.» «Встречаемся завтра, в восемь вечера – сможешь?», – спросил Лангер. Он кивнул. «У моста в Harnheim – там только один мост, как раз после поворота у Sportanlage. И мало, кто ходит.» Он знал хорошо эти места, так сам часто возвращался пешком из Bad Vilbel. Он понял, для чего Лангеру нужна встреча в уединенном месте.

Он еще раз кивнул. Пожали друг другу руки. Лангер внимательным взглядом окинул его рюкзак, сел на велосипед, а он повернул к Бонамесу и, не оглядываясь, зашагал по пустынной дороге.

Он уже он не мог отказаться от предложения Лангера, потому что оно исходило от «своего». По дороге он еще раз вспоминал, как вел себя Лангер, его слова звучали в нем, и

он не видел них ни подвоха, ни неискренности. Не ушел от его внимания и взгляд, брошенный Лангером на рюкзак, и этот быстротечный взгляд вызвал неясную тревогу.

Теперь он понял, что сделал ошибку, не избавившись от вещи, сроднившейся с ним, но становившейся уликой. Его прежний опыт, когда такое сродство нередко спасало жизнь, не годился на новом отрезке пути. Но он не мог еще в себе подавить то, что вращалось годами. Отказаться от проверенного жизнью неодушевленного предмета оказывалось для него родом предательства.

И что все-таки могло притянуть внимание Лангера к его рюкзаку!? Он стал припоминать, и вдруг увидел перед глазами поставленный им на позавчера рюкзак на полу в туалете. Именно в тот самый момент, когда пробились звуки из зала. Он успел наклониться к крану и не подставить лицо под нехотят подвернувшиеся чужие глаза, ногой пододвинув к себе брошенный на пол рюкзак...

Он слышал, старательно умываясь, что вошли двое, как один сильно подергал ручку двери кабинки, из которой он только выбрался. Другой, смеясь, пожелав приятелю терпения, заперся по соседству. И ему пришлось изображать тщательное мытье минут десять, пока оба посетителя наконец ушли. И все это время он видел свой рюкзак, у себя под ногами...

...

Главврачу роддома N 1 г.Москвы
т. Родионову Виктору Ароновичу.

Прошу Вас разрешить взять мне, гражданке ..., на усыновление ребенка мужского пола (N...), в связи с отсутствием у него родителей. Прописана по адресу г. Москва, ул. Осипенко, д..., ..., своих детей не имею.

Подпись...

11 ноября 1954 года

...

Разрешение на усыновление.

Главврач роддома N 1 г.Москвы,
Родионов В.А.

Прошу передать ребенка мужского пола (N...), оставленного роженицей ... 7 ноября 1954 года в роддоме, заявительнице гр.

Заявления об отказе от близнецов мужского пола и справка о родах прилагаются.

Подпись

...

...Фюрне объявился в четыре часа: «Фрау юстицрат, я во Франкфурте, звоню из кабинета комиссра Йеннингера. Он очень помог мне в хлопотах с моим предписанием. К счастью в секретариате Полицай-президиума были предупреждены и все необходимые разрешения оформлены. Пока что устроили в отель для сотрудников нашего ведомства, тут совсем недалеко...» Ангелика извинилась : «Луи, это все очень хорошо. Удалось ли Вам уже с кем-нибудь поговорить?» «... Я как раз хотел рассказать. У нужных нам офицеров бундес-полицай смена до восьми вечера сегодня. Я уже договорился о встрече в восемь тридцать прямо во Fraport. Пока есть время комиссар, Йеннингер познакомит меня, насколько это возможно, с деталями следствия, но у наших франкфуртских коллег не очень много нового. Они считают, что случай почти безнадежный, несмотря на удачу в опознании по фотографии...» «Вы только потише, чтобы коллеги не обиделись..», – предостерегла Рамзайер разговарившегося коллегу. «Комиссар вышел из кабинета...», – оправдался Фюрне.

Ангелика задумалась. На том конце трубки выжидательно молчали. Юстицрат продолжила : «Нам прислали согласие телекоммуникационной компании, провайдера, на из-

влечение данных переписки с сервера. К сожалению, они не очень спешили, так что раньше пяти коллеги из EDV не начнут. Они позвонят, когда будут готовы что-то показать. Пока что я командировала к ним переводчика, они там разбираются. Что у Вас еще?» Фюрне помедлил с ответом : «Я свяжусь с Lufthansa, чтобы они вызвали экипаж, выполнявший рейс в Минск в воскресенье. Пока все» «Хорошо, коллега!», – одобрила Рамзайер : «Тогда займемся делами. Кстати, не вернулся еще комиссар?» Она услышала, как Фюрне что-то сказал в сторону, раздался шорох, скрип, и в трубку с одышкой сказали : «Коллега Рамзайер!?» «Да, Норберт,», только произнесла Ангелика. «... Очень рад Вас наконец снова слышать. Мы с Вашим коллегой хорошо поладили...» – в трубке засмеялись – «я возьму над ним шефство на эти несколько дней. Как он уже вероятно Вам сообщил, поделюсь всем, что мы успели раздобыть, хоть немного мы можем рассказать. Вы знаете куда больше нас и без вашей помощи все еще бы топтались на месте..» Ангелика услышала шумный выдох и спросила: «Коллега, Вы получили предупреждение, что наш запрос пришел несколько преждевременно чисто по формальным основаниям?» Снова повисла пауза. «... Фрау юстицрат, мы уже обсудили это обстоятельство. Дело в том, что мы как раз устанавливаем всех присутствовавших. Пока что. О подозреваемых речи пока не идет. Нам на руку играет, что опознанный вылетал через Франкфурт в воскресенье и поэтому его присутствие в баре в пят-

ницу весьма достоверно. В зависимости от результатов разговора Вашего коллеги с пограничниками и экипажем мы переквалифицируем ваш запрос. К счастью, полицейский-президент пошел нам навстречу и дал указание этот запрос не регистрировать. Просто как чисто частная помощь.» Ангелика вздохнула облегченно : «Спасибо, Норберт!»

Она не стала рассказывать о подключении к их расследованию адвоката в Берлине, понимая насколько неблагоприятное дело поручено Йеннингеру. Она только попросила своего франкфуртского визави помочь, насколько в силах, ее молодому коллеге. «...Нет, комиссара Вирзига не знаю. Это новый?», – спросила она Йеннингера. Тот ответил. «Понятно! Норберт, желаю успеха, не буду отвлекать..» И Ангелика положила трубку.

Позвонила Маня. Фрау юстицрат приглашали в EDV. Она быстро заглянула в свой компьютер и обнаружила сообщение. Ангелика распорядилась, чтобы Маня по получении известий из Франкфурта сначала звонила ей, а потом уже дублировала по почте. «Что-нибудь еще срочное есть?», – спросила Рамзайер, накидывая китель и оправляя кобуру с пистолетом. «Тогда ждите или звоните.» И она быстро вышла из кабинета.

«...Итак, вы распечатали самую последнюю переписку убитого с неизвестным !?» , – уточнила Рамзайер у Герхардта, быстро взглянув на переводчика, сидевшего рядом. Тот

продолжил : «Оба наших друга обменялись резкими выражениями, полными нецензурной бранью..» – переводчик обвел глазами своих коллег : «вроде английского fuck you et cetera, но по-русски, уверяю вас, звучит куда сильнее.» «... И дальше», – спросила Ангелика. Переводчик карандашом подчеркнул несколько строк : «...Вот тут незнакомец предложил встретиться, а убитый назначил место...» И Герхардт и Ангелика одновременно нетерпеливо кивнули. «...Выход из Спортфорума, в девять вечера.» Герхардт уточнил : «Поскольку они переписывались за два дня – дата стоит наверху распечатки – то назначенная дата полностью соответствует той, когда произошло убийство..» Ангелика попросила переводчика показать место в переписке. «Константин, тут все по-русски только!?» Переводчик пододвинул другой лист с текстом : «Перевод. Я перевел все, что тут было.» Герхардт, казалось, с любопытством, посмотрел на Ангелику. «Очень хорошо, коллеги,», – подвела итог Рамзайер : «оригинал текста переписки и перевод можно приобщить к делу. Вам, Герхардт, нужен перевод?» Герхардт коротко взглянул на листы и покачал головой : «Для нас достаточно написать протокол, что нужный текст найден и переведен. Это все. Наверное, у Вас, фрау юстицрат, другой вопрос – как определить адрес, с которого послано сообщение!?» «Именно!», – Ангелика почувствовала облегчение от того, что наконец было найдено доказательство угрозы, но она еще раз уточнила : «Константин, оба наших участника разговора договорились о встрече

и именно в том месте, недалеко от которого был найден убитый!?» Переводчик молча кивнул. «Я попрошу Вас написать короткий протокол для наших коллег из EDV. Собственно, это все, но Вы пока не уходите. Теперь Вы, Герхардт...» И Рамзайер записала в блокноте : «Как быстро Вы можете установить адрес компьютера. С которого пришло сообщение?» «Дадите мне час?» «Столько – сколько Вам будет необходимо», – согласилась Ангелика : «Только распечатайте как можно более полную переписку . Пока вы занимаетесь, мы с коллегой ознакомимся с содержимым.» Герхардт кивнул, пальцы его забегали по клавиатуре и через несколько минут он сказал : «..Тут все, что найдено за две недели. Я послал на Ваш адрес.» Ангелика убедилась, что сообщение пришло, поблагодарила и подозвала к себе переводчика : «Константин, давайте проглядим все это...»

Все занялись своими делами. Переводчик перелистывал на экране монитора присланный документ и тихо переводил Рамзайер. «Сколько там всего!?!», – поинтересовалась она. Переводчик несколько раз щелкнул мышкой : «Страниц десять...» Ангелика подумала и остановила Константина : «Дальше для нас ничего информативного нет, но Вы сделайте перевод поточнее и, как уже договаривались, составьте протокол в виде таблицы по датам в обратном порядке.» «Фрау юстицрат,», – в голосе переводчика зазвучало сомнение : «не все поддается точному переводу, очень гру-

бье ругательства...» «Константин, там где ничего нет существенного для поиска, просто пометьте.» Ангелика сделал несколько записей в свой блокнот, время от времени бросая взгляд на засевшего перед монитором Герхардта.

Вошел Лютц : «Помощь нужна?» Герхардт не ответил, углубившись в свои занятия. Рамзайер, встретив глаза Лютца, тихо покачала головой. Лютц не стал настаивать и ушел.

«Готово!», – громко сказал Герхардт и резко отпрянул от монитора. Ангелика тотчас же переместилась к его столу. Герхардт пояснил : «Удалось найти место подключения к серверу провайдера, но не сам адрес компьютера. Это подключения охватывает район Nord-West во Франкфурте. Я Вам послал карту. Дальше придется искать уже Вам.» Ангелика подавила разочарование, но решила не настаивать – итак уже было сделано невероятно много по сравнению, как долго могло длиться в ином случае одно только получение всех нужных согласований и разрешений. Она поблагодарила Герхардта и попросила развернуть карту на его большом мониторе.

Район на карте оказался действительно обширным. Рамзайер не очень хорошо знала Франкфурт и напряженно пыталась в голове прикинуть план дальнейших действий. «Да, тут надо повозиться...», – согласилась она с Герхардтом и справилась у коллеги : «Вы закончили, Константин?» Тот быст-

ро набивал на клавиатуре текст : «Почти закончил, там на самом деле не так много и, в основном, все об одном и том же..» И Константин усмехнулся. Герхардт, довольный, подхватил : «..Рассказывают друг другу, какой кто Arschloch..» «Да, фантазия не особо богатая..», – подтвердил Константин, добавив : «Фрау юстицрат, пять минут еще...»

Ангелика кивнула, продолжая рассматривать карту. Судя по ней, район был покрыт стандартной застройкой многоэтажных домов. «Герхардт, найдите, пожалуйста, несколько фотографий района». Тот пощелкал и вывалил на экран изображения непрезентабельных серых пятиэтажных домов. «...Это Julius-Brecht Straße...», – Герхардт перелистал : «...тут Пройнгесхайм...» Рамзайер вспомнила : «Там я была, в Vollzugsanlage, на памятной церемонии...» Герхардт кивнул и вопросительно посмотрел – листать!/? «...В общем, понятно, такой же трудный район как и Лихтенфельд... Спасибо, Герхардт!»

Она встала, поправила кобуру. «Константин!/?» «Все!», – встал переводчик.

Рамзайер перед уходом зашла к Лютцу. Произнеся слова благодарности, она еще раз оценила объемы предстоявшей работы, думая, где раздобыть еще людей для поисков, и рассеяно слушала Лютца «...Если еще что-то понадобится, мы

к вашим услугам..», – Лютц проводил обоих коллег до выхода из здания.

Константин сел за руль и быстро довез Рамзайер до управления. Она отпустила молодого коллегу, напомнив тому о том, что протокол должен быть к утру.

Прежде всего Ангелика сварила кофе и, устроившись поудобнее в кресле, включила компьютер. Посмотрев на часы, она набрала Фюрне и сделала первый глоток.

Фюрне отозвался не сразу. Извинившись, он сообщил, что еще находится вместе с Йеннингером в кабинете начальника пограничной полиции – Bundespolizeistelle Fraport. «...Заканчиваем с коллегами..», – объяснил он тихо. Ангелика попросила позвонить, как только он освободится.

Фюрне не звонил долго, но за это время ей пришла в голову мысль, но она решила подождать до разговора с коллегой.

«...Фрау юстицрат!?» – голос Фюрне был бодр. Рамзайер быстро посмотрела на часы – без двенадцати девять – «Время летит...». Сгустившаяся темнота за окном вполне соответствовала тому, что показывали часы. «...Только что расспросили пограничников. Поскольку коллега Йеннингер в большей степени заинтересован в разговоре, он в основном и говорил. Мне было добавить нечего...» Ангелика уточни-

ла : «...Они вспомнили? С чем он проходил, как себя держал!?» Она понимала, что многого от этого разговора ожидать было нельзя, разве что подкрепить предположения. «... У него, то есть Sergei Burjak, был небольшой рюкзак, примерно тех же размеров, что и у подозреваемого, и тоже Nike. Рюкзак не новый.» Она выслушала спокойно, будто уже знала, что тот пройдет именно с теми предметами, которые всеискали. «...Как он выглядел?» Фюрне ответил сразу : «Ничего бросавшегося в глаза. Средняя фигура, средний рост. Держался спокойно..» «Вы про осанку спросили у коллег?» «Шел как и все, чего-то примечательного в осанке не увидели. Обычный мужчина средней наружности. И, повторяюсь, вел себя очень спокойно.» «Луи, у меня тогда вопрос – почему они не сообщили комиссару Йеннингеру? Я имею ввиду Bundespolizisten...» Фюрне не задержался с ответом: «Меня, откровенно говоря, это самого удивило. Но полицейские обосновали тем, что, во-первых, мужчина был старше пятидесяти. А в ориентировке говорилось от тридцати до сорока-сорока пяти. Во-вторых, и комиссар со мной согласился, если это тот самый,кто сидел в кафе, то он всего лишь свидетель. К тому же он улетел раньше, чем выяснили про его присутствие на месте преступления.»

Ангелика слушала, подумав с досадой, что только лишь распоряжение министра ускорило работу, иначе бы не было и такого, весьма скромного успеха. При всех усилиях они

опаздывали на двое суток по сравнению с ходом событий.

Ангелика интуитивно осознавала, что и разговор со стюардессами не добавит нового. Она тем не менее напомнила Фюрне об этой встрече. «...Я помню, коллега. Завтра в десять утра, тоже в аэропорту. Но я поеду один – комиссар Йеннингер с утра на совещании в полицей-президиуме.» Фюрне чуть понизил голос : «Его весьма крепко прихватили...» «Я, надеюсь, он Вас не слышит», – съязвила Ангелика и перешла на серьезный тон : «Луи, Вам придется заняться более хлопотным и более относящимся к нам делом. Нам в EDV составили карту района, в котором может быть компьютер, с которого велась переписка. Район немаленький, скажу Вам. Я переслала Вам уже карту. Вам надо будет составить список потенциальных отправителей.»

На том конце замолчали. Ангелика выждала паузу и спросила : «Луи, Вы поняли, что я Вам сказала!?» Фюрне отозвался, медленно проговаривая слова: «... Я понял. Значит, я должен пойти в Bürgeramt Nord-West и взять список адресов, по которым проживают мужчины, русские или приехавшие из бывшего СССР. В возрасте от сорока лет!?!» Рамзайер, помедлив, подтвердила : «Правильно, Луи! Я тоже пришла к такому же выводу. Если у Вас будет что-то новое, сразу сообщите мне. Но пока выглядит именно так – мы должны методично пройти по району и найти среди всех того, кто мог посылать эти сообщения. Для этого Вам нужно бу-

дет получить содействие от полицей-президиума Франкфур-та.» Фюрне спросил : «Я не уверен, можно ли просить помощи у комиссара Йеннингера!?» «Не надо. На этот раз этот поиск касается исключительно обстоятельств нашего дела. Но комиссара Вы обязательно поставьте в известность. Мы пока что расследуем, опираясь больше на предположения и неуверенные показания нашего свидетеля. Но другого пути я не вижу.» «Понятно!» «Луи, Вы тогда, как и планировали, начинайте со стюардесс Люфганзы, а я подготовлю запрос в полицей-президиум, чтобы Вам оказали полное содействие. Я тотчас же Вас извещу. Что-то еще у Вас есть?» «Нет, фрау юстицрат. Мне надо еще оформить протокол допроса...»

Рамзайер попрощалась и положила трубку. Предстояло еще составить запрос во Франкфурт и напечатать протокол сегодняшней встречи для управления. После чего надо было решить, стоило ли просить о командировании хотя-бы одного помощника для молодого коллеги.

Утро среды началась звонком по телефону в кабинете Рамзайер. «Коллега, звоните мне в любое время, не ждите, пока я появлюсь в кабинет», – озабоченно отчитала Ангелика Штефана: «Так что там у Вас?» Она прижав трубком плечом, доставала папки из ящика стола. «...То есть, у типа отпечатки из определенного нами числа в пятьдесят тысяч..?», – Ангелика тут же извинилась : «..в смысле тот, кто

сейчас сидит у вас!?!.. Вы в Управлении?!.. В Тегеле!? Штефан, у меня сейчас каждая минута на вес золота, привезите его сюда. Пожалуйста!»

Она облегченно выдохнула и села к компьютеру. Проглядывая последнюю сводку по городу, про себя соображала распорядок дел.

Постучали – вошла Маня. «Фрау юстицрат, протоколы осмотра квартиры, распечатка с переводом почты убитого. С комментариями.» Ангелика торопливо набивала рапорт коллеги о результатах первого дня пребывания во Франфурте и лишь махнула Мане рукой, показывая, куда положить файлы. Сам рапорт не занял много времени, куда больше времени ушло на обоснование командировки и на согласование с полицей-президиумом Франкфурта. К счастью, не потребовалось прикладывать всяческие разрешения министерства внутренних дел Гессена. Это было улажено распоряжением от федерального министра. Всю эту канцелярщину можно было предоставить безотказной Мане.

Штефан примчался скоро – Ангелика еще допечатывала рекомендации по установлению круга лиц в соответствии с предложенным на вчерашнем совещании в EDV, то и дело заглядывая в записи.

В коридоре громко заговорили, и дверь приоткрылась. Всунулся Штефан, оглядел кабинет и исчез. Снова заговорили, и кабинет заполнил собой очень большой, точнее огром-

ный, молодой мужчина. Из-за него вынырнул Штефан, скрытый до того своим спутником.

Мужчина, не скрывая недовольства, придвинул стул и сел. Стул заскрипел. Ангелика и Штефан, оба посмотрели на стул прежде, чем перевели взоры на невиданного посетителя.

Он был одет в темно-коричневую кожаную куртку, неопределенного цвета – от черного до синего – джинсы и белые кроссовки невероятного размера. Ангелика увидела под столом вытянутые ноги и невольно сравнила ноги посетителя со своими – «..richtige Flößen...» – усмехнулась она. Мужчина, возвышавшийся над столом нахмурился. Ангелика, увидев его гримасу, без промедления перешла к делу.

«Коллега Грейнер, представьте мне гостя», – Рамзайер искоса глянула на пришельца и повернулась к своему сотруднику. «Фрау юстицрат, совсем коротко скажу, а потом, полагаю, нам господин Витнер расскажет все подробнее.», – Грейнер достал блокнот, полистал и продолжил : «..мы проверяли по отпечаткам, по нашему списку, и разыскали господина Витнера, попавшего в нашу картотеку. Самое любопытное, что господин Витнер является сотрудником охранной фирмы Спортфорума...» «Являлся!», – возразил голос необычно высокий для мужчины таких размеров. Оба комиссара переглянулись и осмотрели говорившего. Тот наклонил голову, выбритую до зеркального блеска. Руки, по-

крытые изошренной татуировкой, придавили стол. Ангелика взглянула на эти огромные конечности, медленно подняла глаза, встретившись на миг взором с сидевшим напротив нее верзилой. Тот мрачно осмотрелся в кабинете и повторил : «Являлся (Gewesen!)» Штефан не стал возражать : «..бывший сотудник. Также выяснилось, что господин Витнер был знаком с убитым и может нам кое-что рассказать.»

Грейнер смолк. Рамзайер сказала: «Спасибо, коллега! Господин Витнер, можно полюбопытствовать на Ваш аусвайс или что у Вас есть!?» Витнер с нескрываемой неприязнью ответил: «Ваш сотрудник уже смотрел мои документы. Не вытаскивать же мне их ради каждого нового любопытного полицейского». Ангелика бросила короткий взгляд на Грейнера – тот чуть прикрыл глаза. «Ладно, будем считать, что одного раза пока достаточно», – согласилась юстицрат: «»Тогда не станем терять время на формальности. Вы, как уже выяснил мой коллега, сможете сообщить нам что-то неизвестное?! Или..?! И Рамзайер в упор взглянула на сидевшего перед ней. Он повысил голос: «Прежде всего, я хочу знать, на каком основании меня сюда привезли!» В дверь, видно привлеченные громким голосам, тотчас же заглянул сотрудник, но, убедившись, что пока все не вышло за грань разговора, закрыл дверь. Ангелика, внимательно продолжая разглядывать гостя, объяснила: «Во-первых, господин Витнер, давайте сбавим тон. Мы с Вами пока что спокойно разговариваем и никаких обвинений вам не предъявляем. В дан-

ный момент мы просто проводим проверку по чрезвычайном упрощению и нам важны любые сведения. Вы, как я поняла из рапорта моего коллеги, были знакомы с потерпевшим?!...» Про частичное совпадение отпечатков пальцев, она решила не говорить – уж очень не вязался образ этого шумного и недовольного громилы с тем, кто мог незаметно подстеречь жертву. Этот скорее бы встретил, не прячась, и недолго бы выбирал выражения. Но совпадение отпечатков тем не менее было, а особенно то, что Витнера привлекали в ту же самую охранную фирму, могло стать неплохим подспорьем при скудости сведений. И потому Ангелика решила обойтись без стандартных процедур установления личности и оформления протокола по всем правилам, что также сберегало время.

«Итак, господин Витнер, вы подвзались какое-то время в охранной фирме пр Спортфоруме...» «Да, в Meinhardt Sicherung GeFa. Время от времени они меня вызывают.» «У вас есть лицензия охранника, господин Витнер?» Тот снова недобро улыбнулся: «Разумеется, госпожа комиссарша...» Ангелика в тон ему ответила: «Я – юстицрат, мой коллега, что сидит с нами, осподин оберкомиссар. Не поверю, что Вы до сих пор не разбираетесь в званиях офицеров полиции. Кстати, у Вас были какие-то неприятности с нашим ведомством?» Витнер нахохлился: «Вы все, что вам надо, могли бы сами узнать. Ко мне со стороны нашего полцейского государства нет претензий. Пока». Он вызывающе оглядел всех

присутствовавших.

Ангелика задала вопрос неспроста – она успела уже пробежать глазами записку, которую ей передал Грейнер. Там значилось привлечение к ответственности и даже годовая отсидка за *Rechttextremismus*. Что, впрочем, навевали кожаная куртка, высокие ботинки, татуировка на шее, металлические перстни и непременный пирсинг в ухе. «Да, такой продкараулировать не станет», – повторно убедила Рамзайер. «Наверняка, из банды, что делит с такого же рода турецкой район для сбыта наркотиков», – подумалось ей. Но в данном случае, эта деятельность никак не относилась к делу, ради которого пришлось познакомиться с еще одним, весьма вероятным, невольным посетителем Криминальамта,. Весьма вероятно, что за ним числилось не одно «деяние». Но как раз сейчас, он совершенно напрасно этого опасался.

«Вы знакомы с ...?», – Рамзайер назвала имя того, кто проходил в деле под обозначением «Аламо». «Den blöden Arschloch würde ich gerne prügeln!», – взъярился кожаный молодчик. И снова в комнату заглянули сотрудники, дежурившие у дверей кабинет в коридоре. «Эта свинья взяла у меня в долго пятьдесят евро...» «...И вы пришли, чтобы их у него взять?», – спросила Ангелика. «Эта скотина от меня бегала постоянно, я сказал, чтобы он меня ждал вечером...», – он стал вспоминать: «... как раз в прошлую субботу». «Как вы узнали, что он будет дежурить?», – быстро спросила Ан-

гелика, обменявшись взглядом с Грейнером. «Проще некуда -», – пожал плечами Витнер: «Я позвонил парням, что работали в тот день.»

Ангелика покачала головой – еще неделю назад изворачивался хозяин фирмы Прёлль, отрицая, что вообще когда-то знал «Аламо». Конечно, был великий соблазн заодно привлечь и Прёлля за обман, да и вообще разобраться в тёмных делишках всех, кто кормился при Спортфоруме. Ангелика уточнила: «Вы или другие – как постоянные сотрудники?» Витнер почувствовал подвох: «Я же сказал, что меня приглашают только!» – Ангелика кивнула – «...и п закону можно иметь дополнительный заработок, не информируя никого...»

Ангелика только усмехнулась, видя неуклюжую попытку скрыть обман государства, и успокоила гостя: «Нас совершенно не интересуют источники вашего дохода. Если у вас что-то не в порядке, вы будете объясняться в другом месте.» – надо было ему показать, что его тут видят насквозь и требуют совсем другого. Хотя налицо было и другое, весьма сербзное нарушение, что могло бы стать поводом для того, чтобы присмотреться к самому господину Прёллю, слишком уж вольготно чувствующавшим себя: разглашение персональных данных сотрудников. Хотя и тут было не слишком просто поймать его на нарушении, кроме того, что он нанимал сотрудников, не ведя бухгалтерии. Но формально он был

чист во всем, что касалось разглашения конфиденциальной информации. «Надо будет потом им заняться», – мелькнуло у Ангелики. Но она продолжила начатую тему: «..И вы, господин Витнер, решили подождать вашего должника вечером?!» «Да! Я пришел к девяти, чтобы наверняка его не упустить. Все выходящим платят в тот же день, так что деньги у него были». Ангелика вспомнила, что убитого нашли раздетым, так что подтвердить, был ли он с деньгами, было уже невозможно. Она продолжила: «Когда заканчивалось дежурство?» Ответ был, как она и ожидала: «В десять. Я решил не походить к самому входу к бассейну, а встал у выездных ворот. Мимом бы никто не прошел. Да эта свинья и не знала, что я его ждал». Рамзайер переглянулась вновь с Грейнером. Тот снова кивнул.

Пока что все сходилось. Свидетельница Винтерштеттер показала уже, что человек впереди неё выходил после десяти часов. Но вот затем, судя по показаниям, убитого встретил совсем другой человек. Где в этом случае находился Витнер?!

Видно было, что этот же вопрос возник и у Грейнера, но он не вступал в разговор. «Значит, как вы утверждаете, господин Витнер,», – глядя внимательно на посетителя поневоле, спросила Рамзайер: «Вы стояли с девяти часов у выездных ворот?!» Раздался раздраженный ответ: «Сколько раз вам надо повторить?! Я пришел к девяти, к воротам, чтобы в

этот раз он от меня не ускользнул». «И вы его дождались?» «Эта сволочь, наверное, узнала каким-то образом, что я его ждал, и улизнула... Я проторчал до одиннадцати и ушел.» Грейнер коротко глянул и, завидев кивок Ангелики, спросил: «А может он уехал на машине, а вы не заметили?!» Витнер захохотал: «Да эта нищета и машины-то никогда не видела! Мимо меня проехало за все время только две машины, причем такие, что не каждый Promi такую имеет...» Ангелика кивнула, Грейнер продолжал. «...А может вы отвернулись, и он мимо вас проскочил?! Ведь было темно уже и вдруг..?!» И опять гогот кожаного громила: «Я пока еще не ослеп. Я сказал, что проехало две машины и одну запомнил точно – «Beetle» VW, разве что цвет не разобрать, но точно тёмного цвета.» «А как вы догадались, что в машине не сидел ваш должник?!», – Грейнер был очень серьезен. «Да такого оборванца никакая приличная женщина к себе не допустит и на сто метров» «А пройти мимо или прокрасться – никак нельзя было?» «Я стоял с тёмной стороны шлагбаума, чтобы меня нельзя было увидеть. А мне было видно все...» Ангелика вступила в разговор: «Вы только что сказали, что не различили цвет машины...» Витнер огрызнулся: «Я не могу точно сказать, была ли она красная или черная, но точно не белая...» «И номер тоже не разглядели?!» Витнер уже был на грани бешенства: «Ну сколько раз же вам повторять?! Машина была тёмного цвета, а номер-то мне к чему был?!» Грейнер уступил очередь Рамзайер. «А может быть кто-то

прошел?!» Витнер чуть не рывкнул снова: «Никто мимо меня не прошел. Только в ворота прошел один человек...» Ангелика и Грейнер чуть ли одновременно не сделали стойку. «Вы прямо так стояли и разглядывали каждого проходившего?!», – Ангелика взяла намеренно насмешливый тон. Витнер шутки не принял: «Прошел какой-то тип, с рюкзачком и все.» «Что-нибудь еще заметили необычного?» «Тип этот, как и большинство тех, кто ростом обижен, старался показаться выше, от того и держался ровно. Прямо как военный на плацу.»

Ангелика почувствовал, как вспыхнула внутри. То же самое состоянии, заметное только посвященным, охватило и Грейнера. Размзайер не сразу смогла сформулировать вопрос: «Вы сказали, что ожидали еще целый час, до одиннадцати. Никто еще вам не встретился?» «Нет. Только проехало две машины. А тип тот, наверное, тоже дежурил, потому что больше не появлялся». Грейнер, снова получив согласие кивком, уточнил: «Не мог бы быть он вашим коллегой?» «Нет. В первый раз его видел. Лицо как лицо, на вид старше сорока. Но никогда его не видел. Может быть из новых?!» Тут снова вмешалась Ангелика: «Вам больше не хотелось узнать, как с вашими деньгами?! Вы простояли еще час и ушли?» «Да, я не стал больше ждать. Но я тогда очень разозлился. Счастье, что я эту свинью в тот вечер не встретил, иначе бы я за себя не ручался...» Ангелика посмотрела на Грейнера и сказала: «Господин Витнер, посидите пока тут,

мы скоро вернёмся». Она встала. Следом поднялся и Грейнер.

Выйдя в коридор, юстицрат коротко попросила стоявших наготове сотруднков побыть в кабинете минут двадцать.

«Ну что вы скажете, Штефан?», – обратилась она к коллеге. «Машина именно та, на которой ездила в бассейн фрау Винтерштеттер, и цвета иемно-красного. Стоит ли уточнять, заметила ли она кого-то на выезде?», – Грейнер вопросительно посмотрел на Ангелику. Она думала и ответила наконец: «Думаю, что надо, но, даже если она и не видела, то это ничего не изменит. Главное, что мы узнали, когда пришел предполагаемый убийца.» Грейнер скептически заметил: «Этот Rechte слишком себя переоценивает, так пренебрежительно отозвавшись о вошедшем типе.» Ангелика думала. «Штефан, больше мы вряд ли что-то больше узнаем, но два свидетельства о человеке с прямой спиной, да еще и встреченном невдалеке от места убийства, очень существенны. Мы можем смело давать в розыск прямую осанку как примету. Было бы еще неплохо найти вторую машину, вдруг они заметили дежурившего господина Витнера, тогда мы бы закрыли эту страницу полностью.» Штефан покачал головой: «Это не так сложно сделать – пройтись по списку владельцев абонементов. Но вот только время...» И он посмотрел выжидательно на Рамзайер. Она кивнула, согласившись: «И я так думаю. Тогда, как уже сказали – Вы, Штефан, узнаете от

свидетельницы о том, что она видела при выезде. Начинайте сразу сейчас и с протоклом к Мане. Я пока что жду сообщения из Франкфурта.»

Огромный Витнер уже весь извертелся, да и присутствие двух полицейских с оружием его бесило. При возвращении комиссаров он явно успокоился. Подписав протокол, вышел в сопровождении Грейнера, также к большому облегчению Ангелики.

И кабинет сразу стал просторнее. Ангелика посмотрела на часы – было уже четырнадцать часов двадцать три. Можно было прерваться на обед, о чем она совсем забыла. Ей стало неудобно, что она послала Грейнера, не дав ему прийти в себя после беготни с раннего утра. Но она тут же переключилась на отчет Фюрне и свой собственный рапорт. Найдя несколько опечаток, она принялась исправлять их сама, вскидываясь постоянно на теелфон, и думая, что, наверное, надо было дать Мане. Но хотелось уже освободиться от отчетов и заняться вплотную координацией поиска во Франкфурте. С одной стороны надо было поддерживать сотрудника, коль скоро она не могла присутствовать рядом с ним, и одновременно не давать ему отвлекаться чрезмерно на помощь франкфуртским коллегам, хотя в ней все больше укреплялось подозрение, что обе бригады искали одного и того же человека. Но, при естественной поддержке полицейскими друг друга, наличествовало, едва ли не в большей сте-

пени, соперничество. И молодой коллега, попав в поле зрения самого высокого руководства, мог не выдержать ответственности. Ангелика видела в себе ту единственную опору и нить, что могла удержать и направить комиссара Фюрне.

... «Как же я так обделался?!», – Рокотаева точно обдало струей холодной воды утром в понедельник: «Я ж шефа Русланом назвал, а его Сосланом кличут. И ведь даже не поправил, собака. Они, чурки, злобные, что касается их кличек. Хотя все-равно, пусть утирается...»

Рокотаев успокоился.

Он ворочался всю ночь, обдумывая, не слишком ли сложную затеял комбинацию. Но лучшего решения так и не нашел. Встал совершенно невыспавшимся. «Придется Валере прокатиться в bella Italia. Ну и пускай хоть посмотрит Европу, пока она еще существует...», – Рокотаев поймал себя на том, что больше думает о заботах Валеры, чем о его пассажире, который был все-таки главным звеном в комбинации.

Рокотаев постоял под душем, побрился и, полностью успокоившись, неторопливо одевался. В голове выстраивалась ладная схема: «Итак, едут ло Милана. Ян предупрежден. Значит, здесь никакого подвоха. Валера передает бумаги, Ян всовывает их в конверт и вручает юноше. Тут же оба выезжают... Или – может разрешить денёк им покуролесить в Италии?!» Рокотаев задумался: «А может не гнать ло-

шадей?! Перевод на счета должен этого делового нагнуть по- сильнее, чем какая-то бумага. Тем более, что этот еврей точно за собой знает, что, кроме денег от латышей, он ни с чем другим дела не имел...»

Рокотаев в раздумье мерял шаги по квартире. Когда до приезда Валеры оставалось еще семнадцать минут, решил- ся: «Надо поторопить Колю, чтобы все успел рассовать и взять квитки о переводе. Главное, чтобы еврея подцепить, а с остальными разобраться в течение недели. Вот обрадуются ребятишки!» Рокотаев злорадно усмехнулся и выглянул в окно – белая машина стояла у бордюра.

В машине разговаривали мало.

«Как было сказано, товарищ генерал,», – голос Валеры как и всегда звучал весело и добродушно: «Все готово. Только услышать звук трубы и вперед...» «Молодец, но пока при- тормози Труба еще не смазана...», – в тон ему отозвался Рокотаев: «Но готовность никто не отменяет. Едешь, как ска- зал, не один. Пассжира своего береги как зеницу ока...» Валера не сказал ничего, но Рокотаев увидел в зеркале заднего обзора Валерины сузившиеся насмешливо глаза. Про день отдыха Рокотаве пока не стал говорить.

Немногочисленные подчинённые уже работали – Миша, судя по его сонному голосу, наверное, и не уходил на выход-

ные. «Мается парень тут один», – пронеслось в голове Рокотаева: «Как-нибудь надо ему будет устроить отпуск. И Валеру с ним пошлю. Но уже после всех дел...» О том, что могут настать какие-то дни, свободные от той затеи, что взвалил он на свою голову, Рокотаев уже и не мог подумать. Вся служба приучила не рассчитывать будущее дальше, чем на день-два вперед. Не уходило предчувствие, что затеянная акция станет последней, и думы о будущем иногда вводили Рокотаева в тоску.

По размышлении он отказался пустить в ход копию скверно отпечатанного на плохой машинке документа. Достаточно убойным станет для Казбековича и то, что известно от Дитмара.

Рокотаев снял трубку старомодного черного аппарата без диска: «Сослан Казбекович у себя?» Трубка ответила сразу же сладковатым голосом: «Да, Генеральный в кабинете.» «Будто ждет уже мальчик...», – Рокотаев представил себе насторожившегося Георгия. «Передай, », – он намеренно допустил фамильярность» «что я приду через пять минут.»

Прийти сразу не получилось. Казбекович явно ожидал подвоха и решил продемонстрировать значимость формальной иерархии. От бешенства Рокотаев чуть было не решил зайти при встрече с козыря, но вовремя остыл. Закусивший удила Казбекович вообще не станет слушать, еще и потому, что своей карьерой консула не особо дорожил – все-равно он

уже выбыл из разряда перспективных и знал, что он всег на-
всего сохраняет в тепле место, за которое дерутся в Москве.

Рокотаев даже поблагодарил про себя заартачившегося
Казбековича, потому что мог еще раз прикинуть состояние
дел, прежде чем являться во всеоружии.

Николай не подвел. Встреча в Страсбурге уже состоялась
– звонок Рокотаева застал его на пути в Марсель. «Коля,
взрослый, объяснять ничего не буду,», – Рокотаев напряжен-
но ожидал вызова и был лаконичен: «в Марселе выгружаешь
пакет у людей. Тебе делать ничего не надо – сдал на руки и
свободен. Но только сразу сообщи – можешь как-угодно, хоть
электрической почтой.» Там засмеялись.

Зуммер черного аппарата сорвал Рокотаева со стула.

Разговор происходил тягостно.

«...То есть, его взяли на бабе??», – Казбековича пока что
сдерживал ярость тем, не смотрел на собеседника. Рокотаев
развел руками: «На чем, не знаю, но есть основания подозре-
вать...» Консул нахохлившийся, большой не знал, куда де-
вать руки. Он то сцеплял их, то раскладывал по столу. «И что
теперь?», – он решился спросить прямо, по-прежнему водя
ошалелым взглядом вокруг, стараясь избежать встретиться
глазами: «Выпереть?! И как написать обоснование?» В этом
вопросе Рокотаев услышал: «Раз я его с собой привез, то ви-

новатым сделают меня.».

Успокаивать Генерального не входило в намерения Рокотаева – всего-то нужно было заручиться распоряжением откомандировать секретаря в поездку. Рокотаев только пожимал плечами и всякий раз, когда все-таки улавливал взгляд Казбековича, сконфуженно улыбался. Он и в самом деле был доволен, что сумел посадить нового консула, но тот заметно разошелся. Оставалось рассчитывать, что он не испортит Рокотаеву дело.

Казбекович тряс головой и постукивал кулачищем по столу. «Да, слабоват оказался...», – думал Рокотаев, исродволь рассматривая Генерального: «Липатов бы потребовал доказательств и все бы по-тихому сделал сам. А этого вон как всего перекосило от злости. Не-а, не жилец он в нашем славном коллективе...» Вслух же произнес успокаивающим тоном: «Сослан Казбекович, пока что все это подозрения. Мне нужен человек, и я полагаю, что Ваш секретарь подойдѐ. Заодно и проверим. Справится – простим. Вы же сами знаете, что провокацию могут повернуть с каждым...»

Генеральный сидел, уставив лицо в стол и не отвечая. Наконец, вскинув голову, он на одну секунду взгляделся в Рокотаева, не сумев подавить бешентсво, и рявкнул: